V 309/62

Г309
62

Проф. Р. ВИППЕР

КРАТКИЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

С 8-ю КАРТАМИ

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

(21—50 тысячи)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1922

V 309/62

Проф. Р. ВИППЕР

КРАТКИЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

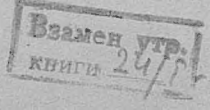
С 8 КАРТАМИ

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922

Гиз. 3414. — Напечатано 30000 экз.

1-я Государственная учебно-практическая школа-типография. Петроград, Красная, 1.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Начало Средних веков. *Стр.*

1. Германцы и Римская империя от 100 до 600 г. по Р. Х. 5

II. Арабы и Византия от 600 до 1100 года.

2. Арабы 14
3. Византия 24

III. Западная Европа от 600 до 1100 года.

4. Германские народы и римская церковь 33
5. Монархия Карла Великого 39
6. Феодализм 44
7. Германия и Италия в X и XI в.в. 50

IV. Города, папство и крестовые походы.

8. Возвышение городов 55
9. Крестовые походы и папская власть 59
10. Духовная жизнь 70

V. Новые государства и новое просвещение.

11. Англия 75
12. Франция и Испания 84
13. Германия. Церковное движение XIV и XV в.в. 92
14. Италия. Новое просвещение 99
15. Великие открытия 104

I. Начало Средних веков.

1. Германцы и Римская империя от 100 до 600 г. по Р. Х.

История Средних веков. Мы называем древней, или *античной* культурой быт, верования и знания вавилонян, египтян, финикийцев, греков и римлян. Между 400 и 600 годами после Р. Х. эта культура расстроилась и большею частью погибла. В то же время выступили из неизвестности и дикости племена средней, северной и восточной Европы, потомки которых—русские, французы, англичане, немцы—составляют в настоящее время самые образованные и сильные нации света.

Их история разделяется на два большие периода. Последние 4 века, начиная с открытия Америки (около 1500 г.), называются историей *Нового времени*. Только в этот короткий срок народы средней Европы догнали античную культуру и превзошли древних греков и римлян в науке, изобретениях и удобствах жизни. Предшествующие 10 столетий (от 500 до 1500 года), которые отделяют падение античной культуры от расцвета новой, принято называть *Средними веками*. Но для большинства европейских народов эти Средние века—не что иное, как их древность, потому что в древней истории народов Средиземного моря они не участвовали.

Средняя Европа и ее народности. Страны, населенные народами Нового времени, обладают большими естественными выгодами. Обширные равнины удобны для хлебопашества, садоводства и для разведения крупного скота. В горных хребтах есть рудные богатства, особенно железо, каменный уголь и соль. Широкие реки, близко подходя друг к другу своими истоками, облегчают сношения. Вся длинная, изрезанная заливами западная окраина открыта к океану, и странствователь без препятствия может выйти в далекий путь к другим материкам.

Но все эти выгоды открылись лишь после того, как население размножилось и поднялось упорным трудом из старинной дикости. Долгое время большую часть средней Европы покрывала тайга. Климат был сырее и позволял держаться громадным озерам и болотам. Реки, в наше время текущие в спокойных руслах, две тысячи лет тому назад представляли бурные потоки: прорываясь чрез первобытный лес, они разбивались на беспорядочные рукава с порогами и водопадами. Среди этой суровой природы с холодными зимами и обильными осенними дождями жило редкое население. Непривычное к труду, оно добывало себе пищу охотой, собиранием дико-растущих плодов, держало стада неприхотливых свиней. Рассеянные на большом пространстве племена не составляли государств; у них не было городов, не было торговли, не было скопления больших запасов богатства.

Средняя и северная Европа были заняты несколькими группами народов. Крайний запад (нынешнюю Францию и Британские острова) заселяли *кельты*. Начиная от Рейна к востоку, в области нынешней Германии и Австрии, а также на Скандинавском полуострове жили *германцы*. Приблизительно за рекой Вислой начинались поселения *литовцев* и *славян*. Северо-восток Европы от Скандинавии до Уральских гор занимали *финские* племена.

Ближе других к образованным странам древности стояли южные кельты, или *галлы*. Издавна пролегала чрез Галлию торговая дорога, соединявшая Средиземное море с Северным. Около 50 г. до Р. Х. галлы были покорены Цезарем, вошли в состав Римской империи и *романизовались*, т.-е. приняли язык, школы, городское устройство римлян.

Германцы и военная граница империи. При завоевании Галлии римляне встретились с германцами. Цезарь должен был вступить в борьбу с большими дружинами *свебов*, которые пришли из-за Рейна под начальством Ариовиста и подчинили себе большую часть Галлии. По описанию Цезаря, германцы—плохие земледельцы и живут более всего скотоводством; их пища—мясо, молоко, сыр. Они не привыкли к оседлости. Ничего не стоит половине племени сняться с места и уйти на войну, грабить соседей. Для того, чтобы обеспечить себя от новых нападений, Цезарь ходил за Рейн в страну свебов. Его преемник Август также посылал за Рейн римские легионы. Большею частью походы римлян в глубь лесистой страны были неудачны. В 9 году по Р. Х. три легиона с их командиром Варом были окружены в Тевтобургском бору и изрублены германцами под начальством Арминия.

Римляне решили изменить свой способ защиты от германцев. Они загородили всю длинную северную границу империи вдоль Рейна и Дуная. У больших переправ, при слиянии рек были выстроены крепости. Где не было ни реки, ни горного хребта, проводили искусственную ограду, вал и ров; по валу на известном расстоянии помещались сторожевые посты и поднимались редуты. Своим валом римляне захватили юго-западный угол страны германцев, между средним Рейном и верхним Дунаем. В крепостях и лагерях на границе поместили 15 легионов, т.-е. более половины всей военной силы империи. Поселения римских солдат обрастали торговыми и ремесленными слободами и превращались в большие города. Так возникли: Кёльн (Colonia), Страсбург, Вена (Vindobona), Будапешт.

Римский вал положил конец грабительским набегам германцев. Ближние к империи племена сбились теснее в зарейнской стране и поневоле должны были перейти к распашке земли. Этих германцев описал около 100 года после Р. Х. современник императора Траяна, Тацит. Земледелие все еще считалось у них занятием низшего рода. Силач-воин в мирное время охотился или лежал по целым дням лениво на медвежьей шкуре и посылал в поле женщин и стариков; он отдавал земли рабам и крепостным (*литам*), которые выстраивали себе избы; хозяин ограничивался тем, что отбирал у рабочих долю урожая, приплод скота, шерсть и холст.

Тацит выхваляет великолепный рост и здоровую красоту германцев: римляне кажутся ему выродками сравнительно с этими дикарями. Все спасение империи в том, что они раздроблены. У них нет властей для разбора тяжеб и для наказания за обиды; только жрецы могут поразить злодея проклятием божества.

Жрецы исполняют также гадания: когда племя задумало набег, они выводят из заповедной рощи священных коней, запряженных в божьи колесницы, и определяют по их ржанью и встряхиванью, будет ли удача. Общие дела, касающиеся всего племени, решаются на *сходке воинов*. Сначала собирается *совет вождей* и обсуждает, что довести до сведения всей массы воинов. На общем собрании все могут говорить свободно, у вождей нет преимущества; председатель сходки—верховый жрец племени. Согласие или неодобрение собравшиеся выражают стуком оружия.

Вожди выбираются сходкой всех свободных, но они могут составить себе *дружину* из особо преданных людей. Вступающий в дружину клянется верно служить господину. На войне дружина на конях окружает вождя, как его гвардия, во время мира она—его почетная свита. Все, что добудут на войне дружинники, достается вождю; в свою очередь, он обязан кормить их и снабжать оружием. В дружину знаменитого вождя нередко вступают молодые люди чужих племен, увлеченные его славой. Если у вождя большая свита, его боятся, ему посылают в подарок коней, сбрую, оружие, ожерелья, деньги.

Нападение германцев на империю. От *западных* германцев, описанных Тацитом, во многом отличались *восточные*, кочевавшие на обширных равнинах между Балтийским и Черным морями. Племена, обратившиеся к земледелию, загородили пути их набегам на запад. Когда кочевникам становилось плохо от бескормицы или когда их теснили соседи, они снимались с места и пускались в *переселения*. Несколько племен соединялись тогда в большое ополчение; воины провозглашали *конунга* (короля) обыкновенно из старинной семьи, известной своими подвигами. Если выбор оказывался удачным, конунг сохранял свою власть пожизненно и даже мог передать ее своему сыну; таким образом у германцев-кочевников усилилась *монархическая власть*.

Большею частью восточные германцы устремлялись к широким равнинам Дуная и вторгались с северо-востока в пределы империи. В первый раз это произошло около 160 г. по Р. Х. Большие орды *маркоманнов* прорвались через линию укреплений, увели множество пленных из римских владений по Дунаю, пробились даже за Альпы в северную Италию. Император Марк Аврелий провел почти все двадцатилетнее правление на северной границе в борьбе с варварами и умер в Вене.

В середине III века напор германцев стал еще сильнее. Большие отряды племени *готов* перешли Дунай, разграбили всю Грецию до Афин, захватили в Византии торговые суда и перекинулись в Малую Азию; иные добрались даже на своих ладьях до устьев Нила. Одновременно западно-германское племя *алеманнов* пробилось через римский вал у Рейна, начались набеги шотландских горцев с севера Британии и трудная борьба с большим Персидским государством. Римских войск не хватало для отражения всех этих врагов и разорителей. Каждая область, чуть ли не каждый город должны были защищаться сами на свой страх. Никто не видел помощи из Рима; императора перестали слушаться, наместники областей провозглашали себя самостоятельными государями.

Восстановление империи. Империя была на краю гибели около 270 года по Р. Х. Ее дела поправили императоры, вышедшие из офицеров дунайской армии, все родом из соседней *Иллирии*. Император Клавдий, прозванный Готским, разбил в большом сражении готов и отогнал их за Дунай. Другой иллириец, Диоклетиан (284—305), изменил весь строй империи. Он увеличил военные силы почти вчетверо против прежнего, так что они составили более миллиона солдат. Для того, чтобы в разных местах раскинутой границы находились полномочные начальники, была поделена сама императорская власть. Диоклетиан назначил трех соправителей, и все 4 императора, покинув столицу, поместились у границ, чтобы наблюдать за военными действиями: два западных—в Милане (близ Альп) и Трире (около Рейна), два восточных—в Никомедии (в Малой Азии) и на нижнем Дунае, близ нынешнего Белграда.

Порядок управления, введенный Диоклетианом, продолжали императоры IV века, все иллирийцы по происхождению, между ними два правителя, которые дали торжество христианской церкви: Константин (311—337) и Феодосий (379—395). В каждой области империи были поставлены два наместника—военный и гражданский. На обязанности первого было набрать и снарядить положенное для области число солдат; на обязанности второго—распределить между городами и деревнями области денежную подать и поставки товарами, которые требовались для содержания и передвижения громадной имперской армии. Прием и счет поступавшей подати и товаров (хлеба, оружия, одежды) занимал множество чиновников; у императоров всегда был наготове еще особый состав канцеляристов, чтобы производить внезапные проверки служащих.

Содержание многочисленных чиновников при главных императорских дворах и в управлении областей стоило больших денег, и подати были увеличены в неслыханных размерах. Для того, чтобы обеспечить сбор требуемых сумм, ввели круговую поруку: в случае неисправности кого-либо из владельцев все соседи должны были разложить между собой его недоимку и выплатить ее казне. Владельцы, в свою очередь, перелагали тяжесть подати на *колонов* (крестьян), работавших на их земле и плативших им оброк. Правительство требовало у владельцев определенного числа рекрут из тех же крестьян. Чтобы обеспечить владельцам работу крестьян, а себе взносы и солдат, император Константин указом *прикрепил колонов к земле*, т.-е. запретил им переходить в другое звание, и положил строгие наказания за попытку ухода из своей деревни и за отказ работать на помещика.

На 100 лет империя загородилась от нападений варваров. Но ради этой защиты ее население принесло слишком тяжелые жертвы, и силы ее были близки к истощению. Из жителей империи все равно нельзя было набрать нужного числа солдат; приходилось нанимать на службу германские племена, чтобы отбиваться от других варваров. Армия IV века в большинстве состояла из чужих людей. Во многих местах крестьяне, измученные тяжелыми оброками и работами, уходили в леса и составляли шайки разбойников. Часто богатые люди, не желая отдавать свое достояние казне, составляли завещания в пользу церкви; их имущество переходило в управление епископов, а сами они, записавшись *клириками* (церковниками), сохраняли за собой часть доходов до своей смерти. Многие старались вовсе

уйти от тягостной службы на империю и от всякой работы, так как бо́льшую часть заработка все равно отнимет казна, и становились *монахами*.

Чем больше напрягала империя свои силы, тем более беднела она людьми и средствами. Между тем в варварском мире готовились большие передвижения.

Начало великого переселения. Самое большое из восточно-германских племен, готы, заняло в IV веке черноморские степи. Готы приняли христианство от *арианских* проповедников, проникших к ним из империи; готский епископ Ульфила перевел Библию на германский язык. (Ересь Ария, учившего, что Христос не равен Богу-Отцу, была осуждена на Никейском соборе 325 года).

Скоро на готов напали *гунны*, дикий кочевой народ азиатского происхождения. Готы разделились: *остготы* (восточные) вынуждены были следовать за гуннами и служить им; *вестготы* (западные) ушли от гуннов и придвинулись к Дунаю с требованием, чтобы им отвели землю в пределах империи. Император согласился поселить готов в нынешней Болгарии с условием, чтобы они выдали оружие, за что римляне возьмутся снабдить их на первое время хлебом. Римские чиновники, однако, дали себя подкупить, оставили готам оружие, но обманули их на доставке хлеба. С голода готы стали продавать в рабство жен и детей, наконец, бросились жестоко грабить кругом, ничего не оставляя, «кроме неба и земли». Выступивший против них император Валент был разбит при Адрианополе и погиб. Готы подступили к Константинополю (378 г.).

Император Запада Грациан прислал командира Феодосия, назначив его вместе с тем императором Востока. Феодосий усмирил готов, но уступил им в самом главном: они были приняты на службу в качестве *федератов* (союзников) и в награду получили на Балканском полуострове наделы с крепостными крестьянами. Феодосий сделался потом правителем всей империи; перед смертью (395 г.) он разделил Запад и Восток между двумя своими сыновьями.

Восточный император очень хотел избавиться от близкого соседства вестготов. Когда они подняли на щит и провозгласили королем молодого Алариха, офицера римской службы, из Константинополя им был указан путь в Италию. Главнокомандующим войсками при западном императоре был Стилихон, германец на римской службе. Чтобы найти силу отбить Алариха, Стилихон должен был отозвать легионы из Британии и отдать ее на произвол судьбы. Когда Стилихона изменнически убили по приказу императора, Аларих подступил к Риму, потребовал большого выкупа и затем отдал «вечный город» на разграбление (410 г.). После внезапной смерти Алариха, готы под начальством вновь избранного короля ушли из Италии в юго-западную Галлию; позднее они заняли также по другую сторону Пиренейских гор Испанию. Западный император признал их своими союзниками, уступил им земли в провинции, а они обязались биться против других германцев, успевших в то же время прорваться в Галлию и Испанию.

Из восточно-германских племен всего дальше зашли *вандалы*. С берегов Эльбы они передвинулись на Дунай, потом через Рейн в Галлию и Испанию и, наконец, за море в Африку. Окончательно они поселились около Карфагена. Африка была долго главной житницей Италии. Вандалы остановили теперь подвоз хлеба морем; их вождь Гейзерих завел большой флот, захватил Сицилию и не раз жестоко грабил берега Италии.

Под властью западного императора к 430 г. оставались только Италия и часть Галлии. Охранявшие их военные силы состояли почти исключительно из германцев. Этот разгром империи произошел очень быстро. Население провинций не оказывало германцам никакого сопротивления. Колоны переходили беспрекословно к новым господам. Горожане и землевладельцы охотно признавали германских конунгов, так как везде, где они водворялись, исчезали римские чиновники и прекращались тягостные подати и повинности на империю.

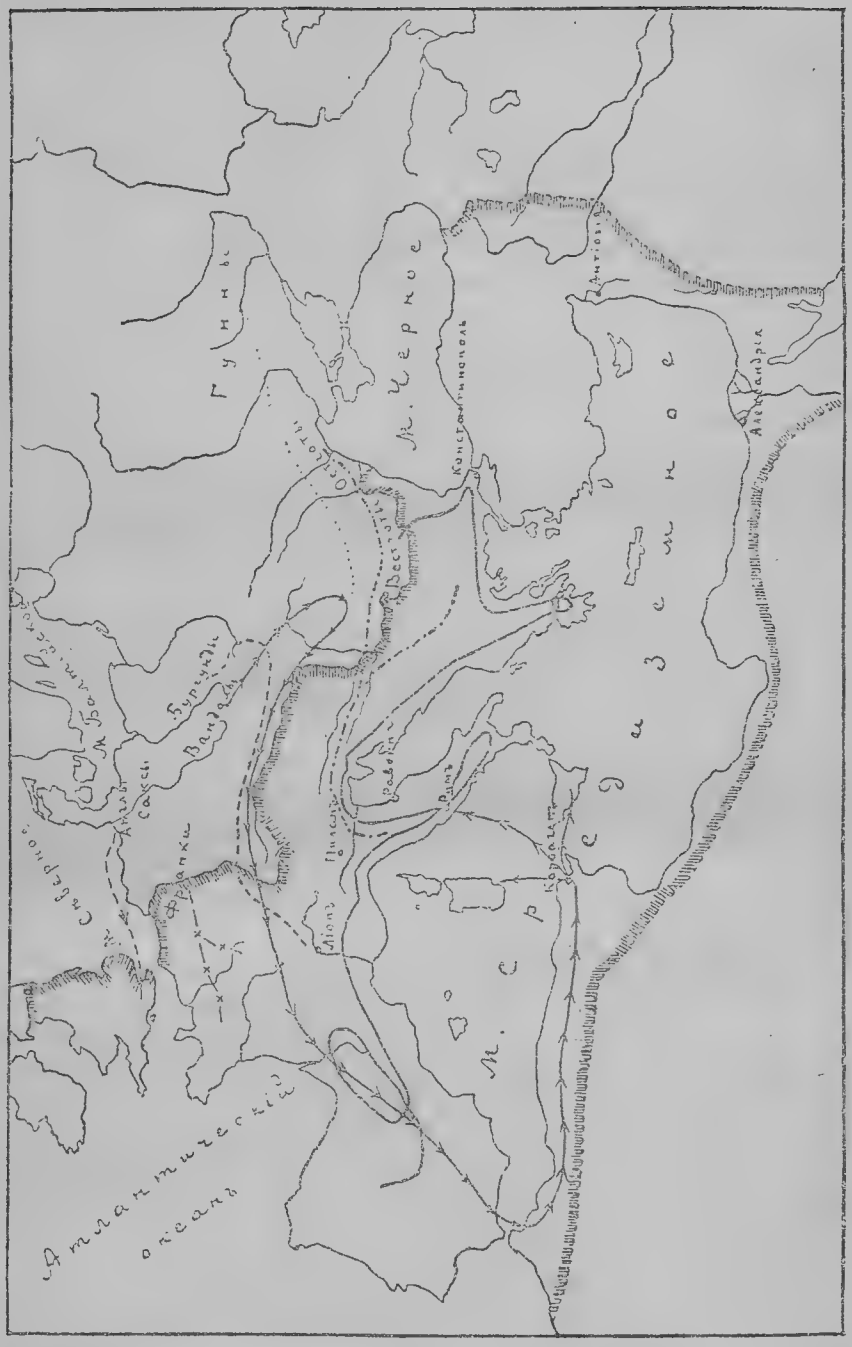
Конец Западной империи. В середине V века страшные кочевники *гунны*, которые дали толчок всему движению восточно-германских племен, появились в средней Европе. Награбленные ими богатства и главный лагерь их находились в нынешней Венгрии на равнине среднего Дуная. Отсюда гунский вождь Аттила, прозванный «бичом божиим», двинулся с большой ордой на запад, прошел вверх по Дунаю, переправился через Рейн и вторгся в Галлию. Его встретил Аеций, варвар на римской службе, с большими силами из союзных вестготов и *франков* (живших на нижнем Рейне). На стороне Аттилы были подчиненные гуннам остготы. Таким образом германцы сражались за и против Рима и решали его судьбу (451 г.). Аттила был отбит и ушел на Дунай. Но ничтожный император Валентиниан III, последний из рода Феодосия, приказал убить Аеция. Не встречая больше сопротивления, Аттила двинулся на Италию. Чтобы удержать гуннов от разграбления Рима, к Аттиле послали римского *папу* (епископа) Льва I с большими подарками. Аттила ушел из Италии, но три года спустя Гейзерих напал на Рим с моря и сжег вечный город.

В Италии всем распоряжались начальники германских наемных войск. Они возводили и свергали императоров. Наконец, германцы, хорошо понимавшие, что империя держится только их силами, потребовали, чтобы им выдана была в Италии треть земли так же, как это уже было сделано в провинциях. Начальник германских отрядов Одоакр наделил своих воинов, лишил императорского титула малолетнего Ромула Августула (т.-е. маленького Августа) и в качестве германского короля сел в Равенне у Адриатического моря (476 г.). Десять лет спустя, Хлодвиг, предводитель *салических франков*, завладел остатком римской провинции Галлии.

Эти события впоследствии назвали *падением Западной Римской империи.* Но современники не заметили в них чего-либо особенно нового и решительного. Германцы уже в течение 100 лет служили империи, заполняли ее войско, получая в вознаграждение землю; их конунги возводились в сан консулов, патрициев, заменяли римских наместников. Никому не приходило в голову, чтобы империя могла прекратиться; в Константинополе оставался попрежнему император. Восточный император считал себя теперь властелином всей Римской империи; он не имел только средств, чтобы отвоевать запад.

Германо-римские государства. Так как германцы враждовали между собою, римское правительство пыталось поднять их друг против друга.

На Балканском полуострове места вестготов заняли остготы, освободившиеся после смерти Аттилы. Остготы беспокоили Восточную империю так же, как за 100 лет вестготы. Император Зенон, желая от них отделаться, предложил их вождю Теодориху, в качестве римского наместника, отвоевать у Одоакра Италию. Все племя



Римская империя и переселения германских племен 375—500.

остготов с женами, детьми и имуществом на телегах двинулось кругом Адриатического моря по знакомой германцам дороге. Одоакр был разбит Теодорихом, погиб от руки убийцы, а его германцев Теодорих принял на свою службу и обещал сохранить за ними земли. В свою очередь, остготам он выделил треть земель римских помещиков.

Теодорих (умер в 526 г.) правил в Италии, как наместник империи, но был совершенно независим от восточного императора. Он старался закрепить свое положение брачными связями с другими германскими королями—вестготским, вандальским, франкским. В управлении Италией ничего не изменилось. Теодорих обращался к римскому сенату с глубокопочтительными письмами. Он окружил себя учеными римскими советниками, выслушивал пышные речи и стихи придворных ораторов. Сам он провел молодость в Константинополе, но не был грамотен: для подписи ему подавали шаблон с прорезанными буквами, и он мазал по дощечке черной кистью. Все должности по управлению были заняты римлянами; но они не могли служить в войске. Обратно, остготы одни несли военную службу и не могли занимать должностей в управлении. Еще одна важная черта различия лежала между германцами и римлянами: первые были ариане и имели свое духовенство, вторые были католики и подчинялись римскому епископу.

Так же, как остготское королевство, было устроено вестготское и вандальское. Иные порядки установились в королевстве *франкском*. Король Хлодвиг после победы над римским наместником принял христианство, но не по арианскому обряду, как все другие германцы до него, а по католическому. Опираясь на сочувствие духовенства, Хлодвиг изгнал из юго-западной Галлии арианских вестготов; его сыновья подчинили себе юго-восточную Галлию, в которой село племя *бургундов*. Франки иначе расселились в стране, чем готы и вандалы. Часть их осталась на старой родине по Рейну и притокам его; салические франки, двинувшиеся в Галлию вместе с Хлодвигом, заняли тесной массой северную Галлию от левых притоков Рейна до Сены и Луары. Из всех германо-римских государств удержалось только франкское. Остготское и вандальское были покорены в VI в. восточным императором, а вестготское в начале VIII в. было завоевано мусульманами.

Второе восстановление империи при Юстиниане. В начале положения Юстиниана (527—565) было очень непрочно в самом Константинополе, где император зависел от больших партий цирка, зеленых и синих. Зеленые были *монофизиты* (т.-е. отрицали человеческую природу Христа), а синие—православные. Так как Юстиниан притеснял зеленых и держался синих, зеленые подняли бунт и с кличем «ника» (победа!) провозгласили другого императора. Юстиниан хотел бежать на кораблях, но его спас Велизарий, только что вернувшийся из похода против персов. Велизарий загнал мятежников с их императором в цирк, и его солдаты перерезали более 30.000.

Расправившись с мятежом, Юстиниан принялся за внешние предприятия. Сначала он отправил Велизария для покорения Африки. Вандалы не оказали сопротивления: их было мало, они ослабели от непривычного климата и роскоши и сбились под конец в одном укрепленном лагере. Велизарий перешел затем через Сицилию в Италию. Несмотря на свою храбрость, остготы были несколько раз разбиты. При

помощи франков, два раза приходивших из-за Альп, войска Юстиниана почти истребили все племя остготов (555 г.). Император мог считать себя господином Средиземного моря.

Юстиниан имел очень высокое понятие о власти. Он хотел прослыть возродителем старинного римского величия. По его приказу были собраны в *Свод гражданского права* законы римского народа, указы римских императоров и ученые толкования знаменитых римских юристов. В предисловии к собранию римских законов сказано: «Оружие и законы образуют великую силу государства; род римлян превзошел в том и другом все остальные народы и возвысился над всеми племенами; так было в прошлом и с Божьей помощью так будет вовеки». Однако, возвращенный империей Рим потерял прежнее значение; из миллионного населения в нем осталось несколько десятков тысяч. Юстиниан посадил итальянского наместника *(экзарха)* не в Риме, а в Равенне у Адриатического моря. Восстановленная им империя держалась лишь силами варваров. В войске Юстиниана впереди билась гуннская конница: он посылал на запад диких горцев с Балкан и из Малой Азии, кочевников черноморских степей.

Лангобарды в Италии. Восточный император не долго владел Италией. Через 13 лет после уничтожения остготского королевства в северную Италию вступило восточно-германское племя лангобардов, жившее до тех пор на берегах среднего Дуная (568 г.). Лангобарды были гораздо более дики, чем готы; их лица, татуированные в зеленую краску, обрамлялись длинными волосами, ниспадавшими по щекам и сплетавшимися с бородой; их вождь Альбоин пил из черепа убитого противника; они беспощадно резали туземцев и жгли селения.

Лангобарды отняли у восточно-римского наместника северную Италию и середину полуострова; остались во владении императора полосы берега с Равенной у Адриатики, Римом и Амальфи на другой стороне. Лангобарды при завоевании составляли военную силу, разделенную на роды; господствующие семьи владели большими стадами свиней и жили на счет земледельческой работы своих крепостных, *альдионов*. Вступив в Италию, лангобарды сначала обратили туземное население в такое же подчиненное положение.

Нравы общества на западе. Уже с III в., когда начались вторжения варваров в империю, западные города пришли в упадок; стала исчезать искусная работа художников и мастеров ремесла; многие местности обезлюдели от бегства земледельцев. Восстановители империи IV в., иллирийцы, не вернули ей богатства и благосостояния; напротив, своей усиленной податью, требованием поставок на войско, постоем иноземных солдат они увеличили истощение и бедность. Переселения германцев сделали положение еще хуже. В стране обработанных полей и виноградников варвары продолжали охотничью жизнь своей старинной лесной родины, вытаптывали нивы и сады. Неумеренные в еде и питье, они быстро уничтожали запасы и бросались грабить соседей. Свои ссоры и обиды они решали не судом, а местью и собственной расправой; всюду на дорогах можно было наткнуться на засаду воинов, которые подстерегали своих врагов. Бога Всевышнего и Христа эти страшные люди представляли себе грозными небесными властителями, наподобие Водана (или Одина), языческого бога буйного ветра и войны.

Грубость нравов, которую принесли с собою варвары, отразилась и на романском населении. Низко пало просвещение. Старинные римские школы закрылись. Писатель второй половины VI века Григорий епископ города Тура, жалуется, что никто не мог научить его чистой латинской речи. Сам человек добрый, справедливый и стойкий, Григорий Турский рассказывает об окружающих его ужасах, жестокостях и насилиях, как о чем-то привычном; ему кажется, что все на свете старится, и близок конец мира. Как мало ценили литературу древних, видно из рассказа Григория в его «Книге чудес»: по его словам, святой Иероним был жестоко наказан на суде небесном за то, что слишком часто читал «хитросплетения Цицерона и лживые россказни Вергилия». Все научные сведения греков, перешедшие в римские школы, были забыты. Землю представляли себе теперь плоским кругом или горой, плавающей в воде; на ней, как на фундаменте, прочно утвержден в несколько этажей небесный свод; солнце исчезает ежедневно за вершиной горы.

В годы нашествий и разорений в монашество уходило еще больше людей, чем прежде, одни из желания сберечь жизнь и имущество, другие потому, что отчаивались спасти свою душу среди общего грабительства, жестокости и разврата, наконец, некоторые искали приюта, чтобы заняться наукой или искусством. Между варварами также встречались люди сильной воли и правдивой души, избиравшие жизнь лишений и тяжелого подвига: они часто отдавали себя проповеди среди самых диких единоплеменников своих. Монахи соединялись обыкновенно в тесные общежития. Монастырь за высокими и крепкими стенами укрывал отшельников, которые отказывались от семьи и личного имущества; у них все было в общем пользовании. Часто братия собиралась около знаменитого подвижника; он составлял устав жизни, который принимали потом другие монастыри. Большую известность приобрел устав св. Бенедикта (родом из Нурсии), основавшего в горах средней Италии монастырь *Монтекассино* на месте разрушенного храма Аполлона.

С 600 года, когда Европа обеднела и опустилась умственно, первенство в промышленном деле, в науке и в могуществе переходит к народам Передней Азии и северной Африки. В свою очередь, эти народы объединились в государство арабов, кочевого племени, принявшего новую веру, ислам.

II. Арабы и Византия от 600 до 1100 года.

2. Арабы.

Кочевники Старого света и их завоевания. Во всю ширину Старого света от Великого океана до Атлантического протянулась длинная полоса песчаных и каменистых пустынь; на одном конце этой полосы—Гоби, на другом—Сахара, между ними пустыни средней Азии, Иран и Аравия, прерываемые лишь узкими морскими заливами, речными долинами (Евфрата и Нила) и оазами. Среди пустынь и вдоль них каймой расположены травянистые степи. От середины большой полосы у Кас-

нийского моря отделяется ветвь песчаных и травянистых равнин, которая идет через восточную Европу, захватывая область больших русских рек и доходя по Дунаю до Альп.

На обширных пространствах по краям пустынь среди степей могут без приложения труда жить бродячие скотоводческие племена. Все их богатства в стадах; но их скот иной, чем в земледельческих странах, не крупный рогатый, требующий обильного корма, а мелкий, мало прихотливый, овцы и козы, и, помимо того, верблюд, совершенно чуждый земледельческим странам. Кочевники не могут обходиться без растительной пищи и должны вступать в сношения с земледельцами. Между ними возникает торговля, но чаще кочевники обращаются к грабежу оседлых соседей. В столкновениях с земледельцами кочевники имеют большой перевес: мало занятые, образуя подвижную конницу, они хорошо владеют оружием и быстро могут собираться большими скопищами.

Объединившись в крупную силу, кочевники находят выгодным покорить запасливых и трудолюбивых соседей и заставить их платить дань в разных предметах. Завоеватели иногда остаются на старых местах кочевья и присылают к покоренным своих наместников и сборщиков дани. Иногда они садятся среди покоренных в особых военных лагерях, «кольцах», где берегут награбленные богатства; их окружает рабочее крепостное население.

В наше время степного населения мало сравнительно с населением окружающих земледельческих и промышленных стран Европы и Китая. В первое 1000-летие после Р. Х. положение в Старом свете было иное. По обоим ветвям степной полосы двигались крупные кочевые массы. Напротив, население земледельческое и оседлое далеко не было так многочисленно и крепко. Степняки постоянно врывались в его жизнь и подчиняли себе большие области, принадлежавшие ему. В европейской ветви большой степной полосы следом за *гуннами* (IV—V в.в.) появились *авары* (VI—VIII в.в.), *болгары* (с VII в.) и *мадьяры* (с IX в.). Они останавливались на западной окраине европейских степей по среднему и нижнему Дунаю; отсюда, из укрепленных лагерей, они совершали набеги часто очень далекие, на Балканский полуостров, в Германию, Францию и Италию. Позади них, на востоке, в черноморских и прикаспийских степях держались *хазары, печенеги* и *половцы* (IX—XII в.в.).

В VII веке страны, расположенные по большой азиатско-африканской полосе степей, объединились под властью одного крупного кочевого народа, *арабов*, близкого по наружности и языку к евреям. Объединение это сопровождалось распространением новой веры, *ислама*.

Аравия, величиной почти с треть Европы, составляется из большого Аравийского полуострова и прилегающей к нему с севера Сирийской пустыни.

Южный угол полуострова, *Йемен*, богат тропической растительностью; его население занималось земледелием и садоводством. Середина, огромный *Неджд*, отличается крайне слабым орошением. Население держится около колодцев или бродит со своими стадами от одного водохранилища к другому. Огромные пространства представляют совершенную пустыню; только весной после дождей на короткое время вырастает зелень и открывается пастьба для скота.

Быт обитателей этого края, *бедуинов,* веками остается один и тот же. Бедуины делились на племена, племена на колена, колена на роды и семьи. Это деление, независимое от земли, вполне отвечало их подвижной жизни. Родство не разлучалось, и у родственников многое было в общем владении; богатый считал себя обязанным платить долги обедневших родичей, кормить сирот. Во главе лагеря, заключавшего в себе колено или племя, стоял выборный старейшина, *саид.* Но для войны выбирали другого вождя. В случае спора обращались к суду саида, но он не имел силы привести в исполнение приговор. Обиженному приходилось своими средствами добиваться удовлетворения: собирать людей своего рода или колена и мстить обидчику, искать его смерти, угонять его скот, а в случае бессилия грозить ему проклятием. У каждого племени был свой бог-покровитель; верили в добрых и злых духов, витающих вблизи человека, и чтили святые камни, деревья и ручьи, но было представление также о небесных божествах: богов созвездий молили о дожде и верили, что они делают погоду. Каждое племя звало главного бога *Аллахом;* это общее имя помогало сближению племен.

Жители *Хиджаса*, западной прибрежной полосы вдоль Аравийского залива, забрали в свои руки торговлю произведениями севера и юга. Из восточно-римских и персидских владений везли в Аравию хлеб и ремесленные изделия, из Йемена—золото, драгоценные камни, тропические плоды, благовонные вещества. Более всего выдвинулись купцы *Мекки,* города, который образовался в главном месте остановки караванов. Мекканские купцы составили союз для оберегания торговли, корайш. Корайшиты соединились около священного знамени; в большом доме сходился совет купеческих старейшин. Под их охраной находилось главное святилище Мекки, *Кааба.* Это—здание кубической формы, увешанное темными материями, посреди обширного двора, обведенного колоннадой; в стену его вделан черный камень, по преданию, переданный Богу Авраамом.

Корайшиты привлекали бедуинов на ярмарки и праздники Мекки. Степные арабы пригоняли скот и обменивали его на оружие и материи, изготовленные в Сирии. Ежегодно справляли торжественный праздник весны, привлекавший богомольцев; на четыре месяца в году прекращались разбойничьи набеги и устанавливался мир. Правители Мекки дали всем арабским племенам участие в почитании Каабы; каждое племя ставило в общем святилище изображение своего местного бога-покровителя; вместе с тем Кааба была храмом Аллах-Таалы, высшего бога, бога Авраама и Измаила (родоначальника степных арабов).

Арабская пустыня прилегала на севере к Восточной Римской империи и к персидскому государству. Соседи арабов терпели от разбоя степных бедуинов, но старались вместе с тем воспользоваться их воинственной силой. Императоры поселили наемных арабских воинов в Сирии, персидские цари—по Евфрату; одни служили империи против персов, другие—персами против империи. Часть арабских поселенцев приняла христианство.

Мохамед и община в Медине. Встреча с евреями, христианами и персами вызвала у многих арабов искание более высокой веры. Из числа таких искателей был и корайшит Мохамед (570—632).

Мечтательный, склонный к видениям, Мохамед излагал сначала близкому кругу друзей и родственников свои мысли, которые по большей части были повторением христианского, иудейского и персидского учения: такова была вера в единого бога, рядом с которым не должно быть других богов. Мохамед резко восстал против почитания идолов и верил, что сам он—великий пророк арабского народа, призванный восстановить затемненное откровение божие. Он был полон ожидания предстоящего великого суда божия, в котором людям воздастся по их делам. Мохамед встретил насмешки и раздражение в среде большинства корайшитов, которые боялись потерять свое торговое влияние, связанное с Каабой и ее идолами. Сознавая опасность своего положения в Мекке, Мохамед и его друзья решили бежать на север, в город Ятриб, враждебный Мекке. Год этого «исхода» (*хиджры* в 622 г. по Р. Х.) мусульмане считают очень важным; они ведут от него счет времени, как мы от Рождества Христова.

Жители Ятриба признали Мохамеда пророком и заключили с ним договор. Все верующие, бежавшие с Мохамедом и принявшие его, должны были составить одну общину *мусульман* (преданных), в противоположность остальным неверующим арабам. Между членами общины не должно быть кровомщения. Война и мир у мусульман—общее дело; если кто падет на войне за бога, все остальные члены общины, как родичи, мстят за его кровь. Принявший Мохамеда Ятриб стал называться *Медина* аль Наби (город пророка). Мохамед устроил в Медине первый молитвенный дом, *мечеть*, наподобие еврейской синагоги.

Объединение арабов. Ислам и халифы. Из Медины Мохамед начал привлекать на свою сторону степные племена, но особенно он хотел захватить средоточие торговли—Мекку. Завязалась упорная война двух городов. Сначала Мохамед терпел неудачи, но мусульмане начали стеснять караванное движение, шедшее к Мекке, и грозили вовсе уничтожить ее торговлю. Тогда крупные люди из среды корайшитов стали переходить на сторону Мохамеда, и, наконец, Мекка просила мира у пророка. Мекканцы принесли ему присягу верности, а он сравнял их во всем с мусульманами. Вступив в Мекку, Мохамед объехал по обычаю семь раз Каабу, коснулся загнутым концом черного камня и при словах: «Истина пришла, да исчезнет ложь!» велел выбросить около 300 идолов. Но Мохамед сам сделал важную уступку. Он признал святость старинной языческой Каабы и поставил в обязанность каждому верующему совершить хотя раз в своей жизни богомолье к святилищу.

Новая вера стала называться *ислам* (покорность Богу). Ее положения выражены были в коротких стихах, приписанных Мохамеду и будто бы сохранившихся в памяти его сподвижников: составилась книга *Коран*, в которой собрано много старинной арабской мудрости. По словам Корана, «бог—един, не порождал и не породил, и никто ему не равен». Воля его и истинное учение открылись постепенно через пророков: Адама, Авраама, Моисея и Иисуса; последний и высший из них Мохамед. Подробно изображал Мохамед страшный суд и тот свет. Суд грешников будет возвещен трубой. Необозримые ряды их встанут из могил и явятся пред Всевышним. Узкий мост, тонкий, как волос, и острый, как лезвее, ведет в рай через адскую бездну: спасенный переносится на ту сторону во мгновение ока, осужденный неминуемо падает в глубину. В аду страшный жар и холод, пища отравлена. Рай—тенистый

сад с фонтанами, где отдыхают блаженные за роскошными яствами, наподобие чудного оаза, который рисуется усталому путнику в пустыне. Убитый в войне за веру тотчас же идет в рай.

Религиозные обычаи, установленные Мохамедом, приспособлены к жизни кочевников. У разбросанных в степи племен и родов не может быть многочисленного духовенства и пышного богослужения в церквах. Каждый в пустыне должен уметь произносить молитву, но молитва проста, так что неграмотный может ее запомнить: она читается пять раз в день, при чем молящиеся обращаются лицом к Мекке. Там, где верующие составляют большое поселение, они собираются в пятницу на призывной голос, раздающийся с *минарета* (башни при мечети), молятся вместе и слушают проповедь *имама* (старейшины).

С захватом Мекки Мохамед стал искать господства над всей Аравией. Он послал к различным племенам требование принять ислам и платить подать для поддержания дела веры, т.-е. для призрения бедных и награждения воинов в *священной войне*. И без того арабы устремлялись за пределы родины; теперь у них явилось новое оправдание для набегов, для переселения и поисков торговых путей: оно состояло в том, что арабы, избранный народ Божий, должны всюду распространять истинную веру. Когда Мохамед умер через 10 лет после гиджры, мусульманская община выбрала ему вместо пророка преемника, *халифа*. Первые четыре халифа были из среды ближайших его товарищей и родственников Мохамеда. Халиф оставался в Медине, посылал войска и руководил завоеваниями. Он правил избранным народом и должен был толковать откровение Божие (такое соединение духовной и светской власти в одних руках мы называем *теократией*, т.-е. божиим правлением).

Завоевания арабов. При втором халифе, Омаре, арабы совершили удивительные свои завоевания: вожди, посланные халифом, захватили богатые области империи, Сирию и Египет, и целое государство персов (около 640 года).

Арабам сильно помогло то обстоятельство, что империя и Персия незадолго до того вели разорительную войну, в которой истощили друг друга. У императора в Сирии почти не было войска. Иерусалим открыл ворота победителю, и сам халиф прибыл из Медины в святой город; патриарх пригласил его войти в храм, но Омар остановился на ступенях и совершил здесь свою молитву. Большинство египетского населения, весь простой народ, крестьяне, ремесленники, принадлежали к секте *монофизитов*, в противоположность чиновникам и солдатам, прибывавшим из Константинополя. Осужденные господствующей церковью еретики, из ненависти к православным, сами призвали арабов. С персами борьба была труднее; но и здесь арабы одолели, когда в их руки перешел главный источник богатства Персидского государства, густо населенный край по нижнему течению Евфрата и Тигра с его знаменитыми урожаями. Сильную поддержку завоевателям оказали арабские военные поселенцы, находившиеся на персидской службе; они примыкали к степным арабам и принимали их новую веру.

Войны перенесли арабов к богатой культуре от домашней обстановке, крайне несложной и замкнутой. В начале персидской войны ярко выразилось неумение арабов, непривычных к роскоши, воспользоваться несметной добычей. Среди сокровищ царского двора был захвачен знаменитый ковер, шитый по художественному рисунку за-

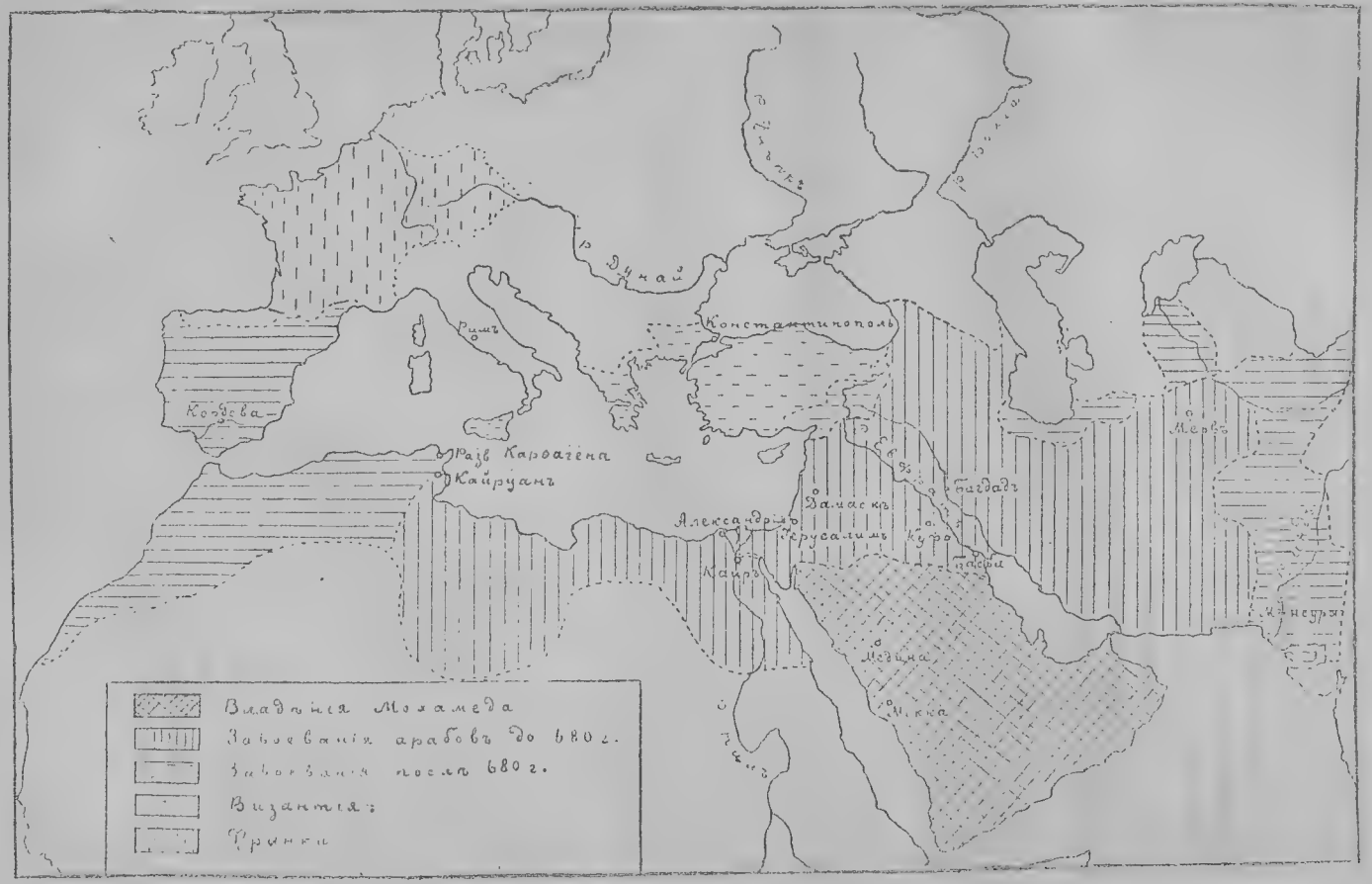
ковом и драгоценными камнями. В Медине не знали сначала, что с ним делать; один из сподвижников Мохамеда, Али, предложил разрезать ковер на куски, чтобы в каждом было равное число жемчужин и камней, и разделить их между правоверными. По мысли строгих мусульман, завоеватели должны были остаться при простом обиходе и не отклоняться от старых обычаев кочевой лагерной жизни. Когда арабский вождь, победитель персов, приспособил для себя великолепный дворец прежних царей в Ктезифоне, халиф Омар велел сжечь здание.

Арабам не раздавали земли в завоеванных странах. Побежденные должны были содержать общину завоевателей: все неверные платили поголовный налог, а владевшие землей кроме того—поземельную подать; также они обязаны были поставлять припасы на арабское войско. Мусульмане же были свободны от этих налогов и попрежнему платили лишь установленный Мохамедом взнос на дело веры. Халиф селил их в военных колониях среди покоренной страны и передвигал их, когда нужно было, для походов. Такими колониями были *Куфа* и *Басра* на Евфрате, *Каир* в Египте. *Мерв* в Средней Азии и *Мансура* на Инде. К колониям были приписаны земли, но колонисты не работали на них, а лишь содержались на доходы с них. Для распределения добычи Омар устроил верховный счетный двор, *диван*. Здесь составлялись списки всех мусульман по племенам и семьям; доля каждого была определена в меру заслуг перед верою и участия в священной войне. На основании этого расчета было вычислено ежегодное жалованье отдельных мусульман: более всего получали ближайшие родственники, затем сподвижники Мохамеда. Во всем должна была пройти резкая разница между правоверными господами и их иноверными подданными; последние отличались от мусульман в одежде, не смели носить оружия и ездить на коне.

Омейяды и раскол. Строй, заведенный Омаром, недолго сохранился после его смерти. Неизбежно было отклонение от обычаев степной жизни. Военные колонисты, поселенные в покоренных землях, начали сближаться с туземными, принимать их понятия. Чем дальше, тем менее халиф в Медине мог удержать управление новым огромным государством. Сила и значение перешли к наместникам завоеванных областей. Первое место между ними занял сирийский наместник Моавия, из богатого мекканского купеческого рода Омейядов. Моавия отказал в повиновении халифу Али, двоюродному брату Мохамеда и мужу единственной дочери пророка.

В единой до сих пор общине верующего народа произошел *раскол*. Западные арабы и мекканское купечество держались Омейядов; они допускали вместе с тем ряд добавлений к корану Мохамеда. Из добавлений составилась особая книга *сунна;* отсюда имя этой партии—*сунниты*. На другой стороне были мединцы и восточные арабы, поселенцы в бывших персидских областях. Они считали законным лишь халифа из семьи Мохамеда, старались очистить веру и удалить из нее все то, что не шло от самого Мохамеда; их название—*шииты* (раскольники). Была еще третья партия *непримиримых*, отрицавших власть халифа вообще.

После смерти Али, убитого одним из непримиримых, халифом стал Моавия. Он не поехал в Аравию, а остался в *Дамаске* среди сирийских христиан и западноарабских поселенцев. Моавия и его преемники с новой силой повели завоевания. Они построили флот и захватили Кипр и Родос. Арабы направились также из Египта



Государство арабов в начале VIII века.

за запад вдоль северно-африканского берега. Около 700 года они отняли у империи Карфаген. Африканские берберы, или *мавры*, близкие по быту к степным бедуинам, стали союзниками арабов и приняли ислам. Карфаген, один из крупнейших городов Запада, был совершенно уничтожен; до сих пор стоят его развалины, недалеко от Туниса. Арабский наместник северной Африки, Муса, выстроил особый флот, который появился у берегов Сицилии и захватил Балеарские острова. Арабы дошли до крайнего запада Старого света у Атлантического океана. Близ Карфагена возникла арабская колония *Кайруан*.

В это время многочисленные еврей-торговцы в Испании, стесненные римским духовенством в государстве вестготов, успевших принять католичество, обратились за помощью к арабским завоевателям. Подчиненный Мусе вождь Тарик переправился через пролив, отделяющий Африку от Испании у *Гибр-ал-тара* (т.-е. горы Тарика), и разбил войско готов. За ним следом явился и Муса. Скоро вся почти Испания досталась арабам и маврам. Только в северных горах осталось немного независимых христиан. Арабы и мавры перешли еще дальше за Пиренеи, в южную Галлию. Около того же времени другие арабские силы заняли большую часть Малой Азии и напали на Константинополь. В 720 г. государство арабов достигло наибольшей силы и расширения. В их руках был теперь торговый путь почти во всю длину Старого света от Атлантического океана до Гималаев и Китая. Народы Западной Европы стали покупателями арабов. Язык арабский сделался общенародным языком сношений от Гибралтара до Инда.

Дамасские халифы обратились в светских государей и завели многочисленный блестящий двор, наподобие восточно-римского и персидского. Они перестали говорить проповеди народу, окружили себя гвардией, скрывались в мечети за решеткой. В важных должностях при халифах состояли сирийские христиане, напр., оратор и писатель Иоанн Дамаскин. Строгие мусульмане аравийской родины негодовали. Мединские арабы особенно вооружались против увлечения искусством, против музыки и пения, которым покровительствовали Омейяды. Они решили произнести в мечети Оад халифам отлучение; каждый верующий бросал в кучу часть своей одежды: плащ, сандалию или чалму со словами: «так отвергаю я халифа!» На это дамасский халиф ответил жестокой расправой. Его войска взяли и ограбили Медину. Места, освященные пребыванием Мохамеда, были обагрены кровью, около 5000 корайшитов и сподвижников Мохамеда было перебито. Опустошенная Аравия после этого потеряла значение в государстве.

Аббасиды. Враги Омейядов, шииты, восточно-арабские поселенцы и персы, собрались через несколько времени на востоке. Около 750 г. началось восстание в Мерве под черным знаменем Аббасидов, которые вели свое происхождение от ближних родственников Мохамеда. Войска халифа были разбиты, сам он умерщвлен, и все его родственники изменнически зарезаны. Халифом стал один из Аббасидов, но воцарение этой династии повело к окончательному разрыву арабского запада и востока. Тотчас же оторвалась Испания, в которой утвердился единственный уцелевший потомок династии Омейядов; скоро наместники Африки и Египта обратились в самостоятельных халифов. Государство Аббасидов составляло только половину прежнего халифата.

Аббасиды покинули Дамаск. Халиф Мансур выстроил новую столицу на Тигре, *Багдад*. Сановники, окружавшие Аббасидов, были большею частью персы. Халиф считался неограниченным повелителем, земным проявлением божества. По образцу персов, он назначал великого *визиря*, всемогущего министра. Халиф Харун ар-Рашид совершенно отстранился от дел и предоставил все управление визирю Джафару из рода Бармекидов; но тот же визирь поплатился головой, когда вызвал подозрение властелина. Также по примеру персов была устроена царская почта. Начальник почты считался оком государя: через своих подчиненных, составлявших тайную полицию, он следил за настроением населения и поведением наместников. В Багдаде дворец с отдельными домами и дворами жен халифа, с огромным штатом его слуг и рабов, с парками, где охотился халиф, составлял целый особый город, около часа пути в окружности. Халиф одарял приближенных золототканными, художественно разрисованными одеждами с надписью своего имени или какого-либо изречения. Залы дворца представляли музей необычных для европейца ценных редкостей вроде золотого слона с рубиновыми глазами или сада золотых деревьев.

Арабы переняли у греков, сирийцев и персов приемы ремесла и художества: они готовили металлические изделия, стальное оружие, стекло, тонкие материи из хлопчатника и шелка с рисунками, ценные ковры. Европа в то время далеко уступала Азии: все новое, искусно сделанное, диковинное шло в Европу с арабского Востока. Огрубевшая, бедная Европа сбывала на восток рабов: восточные торговцы скупали у европейских варваров их детей или входили в правильные сношения с разбойниками по Дунаю, которые доставляли им похищенных людей. При Аббасидах арабские торговцы проникли в восточную Европу: они вывозили отсюда меха, кожи и шерсть. Путь шел по Каспийскому морю или около него из Средней Азии, затем по большим русским рекам, главным образом, по Волге. В городе Булгаре у впадения Камы была мечеть, слышался арабский язык. Восточные купцы встречались здесь с норманнами, подвозившими товары с Балтийского моря.

Культура арабов. К 800 году воинственность арабов остыла; они обратились к торговле, ремеслу, наукам. Вместе с широко раскинутой торговлей у них пробудился интерес к путешествиям и географическим описаниям. Верующие старались разыскать и собрать истинные рассказы об основателе религии; пытливые люди хотели слышать преподавания знаменитых толкователей корана. Путешествия считались поэтому святым делом. Существовало изречение: «Кто едет в путь ради науки, тому бог облегчит дорогу в рай». Арабский географ всегда был странствователем, заносившим собственные живые впечатления. Географ Масуди (живший в первой половине X века), арабский Геродот, уроженец Багдада, побывал в Персии, Индии, на Цейлоне, в Китае, у Каспийского моря, в Египте, на Мадагаскаре.

Халифы Харун ар-Рашид и Мамун в начале IX века покровительствовали наукам: при дворе стали переводить астрономические, математические и философские сочинения с греческого и индийского языков. Арабы ревностно учились. Изречение халифа Али гласило: «Мудрость мира—заблудшая овца, потерянная верующим; возврати ее, хотя бы из рук неверных». Скоро арабы изучили сочинения Аристотеля, математика Евклида, географа Птоломея, врача Галена, получили понятие о шаровидности земли, стали вычислять затмения, движения планет и комет.

Арабы занимались наукой и философией в то время, как западные страны были погружены в невежество. Впоследствии европейцы впервые узнали через посредство арабов об умственной работе древних греков; с этого началась европейская наука. Научные названия европейских языков показывают, что европейцы были учениками арабов; слова: алгебра, алкоголь, зенит, химия, взяты у арабов так же, как многие другие из области обмена и торгового быта: базар, магазин, тариф, арсенал, цифра.

Так же, как христиане, многие мусульмане отдавались монашеству. Надевши суф, грубую рясу из верблюжьей шерсти, *суфиты* жили *факирами* (отшельниками) или составляли братства *дервишей* (нищих), питавшихся подаянием и переходивших из одного города в другой. Дервиши старались привести себя в святой восторг и забытье постом, самобичеванием, долгим заключением в темной келье, быстрой головокружительной пляской или однообразным и бесконечным пением церковных служб, которое доводило их до изнеможения. В жизни и понятиях дервишей отражаются черты старого кочевого быта. Они оказывали сильное влияние на простой народ в городах и на степное население.

Турки и распадение халифата. Государство арабов образовалось вследствие захвата степняками обширных земледельческих областей Сирии, Египта, равнины Евфрата и др. На содержание арабского войска, колоний военных людей и двора халифа уходили огромные средства; покоренные платили слишком много поставками и податями, и подчиненные страны разорялись все больше и больше так же, как в восстановленной Римской империи. Между тем упала воинственность арабов: для заполнения войска пришлось обращаться к новым степнякам, *туркам*, кочевавшим в Средней Азии. Эти турки сделались скоро для Арабского государства тем, чем были германцы для римского. Из турок составлялись наемные отряды для защиты границ; халиф с половины IX века окружал себя гвардией из турок.

Так же, как начальники германских отрядов оттеснили императора, турецкие командиры заменили власть халифа. Турецкий *султан* захватил в X веке управление войском и податями и оставил за халифом лишь положение высшего духовного лица. В это время главный халифат состоял только из земель, лежавших около Аравийской пустыни. Кроме халифатов: кордовского (в Испании), африканского и египетского, отделились особые халифаты в Туркестане и в восточно-персидских областях.

Турки составляют второй прилив кочевников из степи, 300—400 лет спустя после первого, когда появились арабы. Эти приливы степняков вели к падению культуры; арабам еще удалось сберечь наследство греков, персов, индусов; турки были уже гораздо грубее их, и со времени их водворения образованность на Востоке сильно пошла назад.

Более всего сохранился язык и культура арабов на западе. Африканские мусульмане (*сарацины*, как их звали европейцы) продолжали свои завоевания на север по Средиземному морю, захватили Сицилию, берега южной Италии. Сарацины держали в своих руках торговлю с юго-западной Европой: от них перешли в христианскую Европу научные сведения, искусство, поэзия.

Главный город испанского халифата *Кордова* выделялся своей обширностью и массой населения; в далекой Саксонии ученая Росвита, монахиня-поэтесса X века, называла его «светлой красой мира, юным чудным городом, сияющем в блеске

всех богатств. Халифы устроили в Кордове библиотеку в несколько сот тысяч томов и высшую школу, которую посещали тысячи студентов. В IX и X в.в. европейцы христианских стран, интересовавшиеся наукой, ездили учиться в Испанию. Туземные испанские христиане сблизились с завоевателями; многие готы и римляне усвоили арабский язык, стали увлекаться арабской поэзией, занимали места по службе и при дворе.

3.- Византия.

Империя в VII веке. Недолго продержалась империя в том виде, как ее восстановил Юстиниан. Император находился в Константинополе, или *Новом Риме*, и ему было трудно удержать за собой старый Рим и Италию; папа имел здесь больше силы, чем императорский наместник, и был почти независим от Константинополя. Очень слаба была власть императора также на востоке, в Сирии и Египте, где большинство населения составляли еретики. В начале VII века император Ираклий, в качестве «наместника божия» в долгой «священной войне» с персами вернул отнятые ими области, Сирию и Египет, и восстановил разрушенные ими святыни Иерусалима; но не прошло десяти лет, как те же земли были захвачены новой, неожиданно возникшей державой арабов-мусульман (около 640 г.). Монофизитское население, плохо подчинявшееся империи, быстро оторвалось от нее и признало господство новых владык, которые облегчили его подати. Для столицы особенно тяжка была потеря Египта, снабжавшего ее хлебом. Полстолетие спустя (около 700 года) арабы завоевали Карфаген. Несколько раз опустошали они Малую Азию и три раза подступали с флотом к Константинополю.

К 700 г. империя сократилась вчетверо против тех размеров, которые она имела в 560 г. при Юстиниане. За нею остались только юго-восточная часть Балканского полуострова, Малая Азия, на западе Сицилия и обрывки Италии. Империя сжалась, но зато стала цельнее в своем составе. В ней остались почти одни старые греческие области. Она обратилась в *Византию*, по имени ее греческой столицы. В суде, канцеляриях, в изложении законов, при дворе латинский язык заменился греческим. Государь, вместо имени императора и Августа стал называться *василевсом* (у славян царем; слово «царь» есть сокращенное цезарь). Но империя считалась продолжением римской державы, и ее население звалось попрежнему *ромеями* (римлянами).

Царь, духовенство и народ. Устройство империи сохранило черты правления Диоклетиана и Константина. Царь считался священной особой; говорили, что он «ниже только бога и сейчас же следует за богом». На приемах царь появлялся в тяжелой священнической одежде, в шапке с крестом наверху, среди кадильниц и духовных гимнов. В тронной зале берегли святыни: посох Моисеев, животворящий крест Христа. Обращаясь к царю, падали ниц, целовали его ноги; царским статуям воздавались божеские почести. Когда приходила по назначению царская грамота, скрепленная золотой печатью, сановник или военачальник, прежде чем открыть бумагу, прикладывал ее ко лбу, к глазам и к губам. Наибольший блеск выказывали перед иностранными послами. Они рассказывали потом, как их долго держали

перед занавесом, позади которого скрывались царь и его свита: когда занавес раздвигали, виднелось подножие трона; по обе стороны его стояли два золотых льва, которые рычали и били хвостами. Поднявши глаза вверх, посол видел царя: но в то время, как он отдавал царю земной поклон, трон поднимался до потолка среди шумной музыки, и царь внезапно появлялся в другой одежде, так что никто не мог заметить, как совершилась эта перемена. Царь лишь слушал посла и удостаивал взглянуть на его подарки. Ответ держал *великий логофет*, т.-е. министр иностранных дел, стоявший у подножия.

Власть царя византийского нельзя назвать совершенно неограниченной. Он должен был прислушиваться к мнениям *синодов*, больших собраний епископов. У владык были крупные владения и часто громадное хозяйство: епископ участвовал в суде своего города, принимал различные прошения от народа.

В новом Риме осталась кроме того одна черта старого Рима—именно голос столичной толпы. Народ в Константинополе пользовался раздачей хлеба от казны. По временам царь говорил народу речь с дворцового балкона; его министры следили за возгласами толпы на улицах. В большом конном цирке (*ипподроме*) народ разделялся на четыре партии (*димы*): зеленых, синих, красных и белых. Каждая партия имела выборных начальников, казну, составлявшуюся из взносов, сходилась на обеды и праздники, выставляла вооруженные отряды. Партии цирка участвовали в церковных спорах; одни примыкали к православным, другие к еретикам. Царь зависел от расположения этих партий, как показывает большой мятеж при Юстиниане.

Царь должен был также прислушиваться к настроению войска. В Византии, как и в старой империи, не было определенного порядка наследования престола. Сильный царь мог обеспечить власть своему сыну, и таким образом составлялись династии. Но власть часто захватывал военачальник, и если он находил одобрение войска или партий цирка, он мог надеть царский пурпур. В Византии престол занимали варвары, выдвинувшиеся на службе империи, славяне, исавры (малоазийское племя), армяне, затем люди, поднявшиеся из положения крестьян, конюхов, корабельных рабочих, мясников. Захвативший власть устранял соперника или свергнутого царя путем насилия или навязывал себя царю в соправители.

За все время существования отдельной восточной империи, от смерти Феодосия в 395 г. до взятия Константинополя турками в 1453 г., из 109 царей лишь 34 умерли своею смертью. Остальные были вынуждены к отречению или погибли: на 1058 лет приходится 65 восстаний и переворотов во дворце, на улице, в цирке или в казармах, которые привели к низвержению правителей.

Монашество. Со времени образования арабской державы на восточной границе была постоянная опасность. Чтобы предупреждать набеги мусульман, нанесшие полуострову Малой Азии была устроена цепь сторожевых башен на высотах, кончавшаяся большим маяком у константинопольского дворца: посредством огней, зажигавшихся наверху башен, весть о замеченном на границе движении врага в несколько часов добегала до столицы.

Тяжелое военное положение отразилось на правах и просвещении. Седьмой век по Р. Х. (600—700 г.г.) и в Византии так же, как на западе, был временем

самого глубокого падения образованности. Христианские верования смешались с языческими поверьями, обычаями и праздниками, которые продолжали жить в народе. Случались человеческие жертвоприношения. При осаде арабами Пергама заключенные в городе, по совету одного колдуна, схватили женщину с новорожденным ребенком, рассекли их на куски и бросили в кипящий котел; солдаты окунули в котел свои перчатки в уверенности, что их оружие будет заколдовано силой этого ужасного обряда. В страхе люди искали сверхъестественной защиты, впадали в различные суеверия. Изображениям Христа и святых, иконам и статуям клались, как идолам; в руки статуй вкладывали св. дары и принимали от них потом причащение; или соскабливали краску на образе и глотали в виде волшебного средства вместе с причащением.

С необыкновенной силой развилось в это время общего отчаяния монашество. Богатый человек готовил заранее могилу и выстраивал около нее монастырь, чтобы обеспечить себе навек заупокойные молитвы. Бедные крестьяне складывались по нескольку человек вместе и основывали монашескую общину. В местностях, которые считались особенно святыми, монастыри лепились друг к другу и составляли большие сплошные поселения. Таковы были склоны гор Иды и Олимпа в Малой Азии, Афона на полуострове Халкидском. Монахи имели большую силу в народе: многие верили, что молитва монаха спасет полтораста человек, осужденных на вечную погибель. Без конца росли вклады в монастыри, увеличивались их обширные и часто роскошные постройки; множество людей уходило от повинностей под их покровительство. Монастыри отвлекали бо́льшую часть населения от военной службы; делая вклады в обители, богатые люди укрывали от казны свои капиталы. Поэтому цари в VIII веке вступили в борьбу с монашеством. Эта борьба соединилась со спором об иконах.

Иконоборство. В Малой Азии секта *павликиан* считала, что в почитании истинного бога должно избегать внешнего поклонения образам, сделанным руками человеческими. Мусульмане и евреи упрекали христиан в том, что они забывают бога и почитают «стены, доски и камни». Многие епископы, особенно в Малой Азии, осуждали на синодах поклонение статуям. Но монахи отстаивали почитание икон. Они читали молитвы у икон, и на этом основывалось их влияние на народ. Притом в монастырях и слободах, прилегавших к ним, множество людей существовало изготовлением церковных образов.

Первые два царя из дома *исавров*, Лев III (с 717 г.) и Константин V, приняли сторону *иконоборцев* (осуждавших иконы) и врагов монашества. Лев III спас Константинополь от нападения большого арабского флота и войска; он был очень занят усилением военных средств империи. В спор об иконах он вмешался не потому только, что видел вред монашества для империи; он считал себя призванным установить основы веры, в качестве «верховного государя и священника». Царь издал приказ снимать иконы, удалять их из церквей или закрашивать их. Между прочим было велено уничтожить образ Христа Поручителя, висевший в квартале торговцев железом и вызывавший особое поклонение. Но раздраженная толпа сбросила с лестницы чиновника, присланного для снятия образа, и убила его. Царь повелел казнить ослушников. Патриарх константинопольский Герман отказался принять решение

царя; его сместили и назначили другого; народ бросал в нового патриарха каменьями на улицах. Еще резче, чем Лев III, действовал его сын, Константин V. Он закрывал монастыри и обращал здания в казармы, арсеналы, конюшни. Обширные монастырские земли царь отбирал в казну и раздавал военным в виде награды за службу. Монахов заставляли вступать в брак, надевать светское платье; непослушных проводили по цирку на посмеяние народа, сажали в тюрьмы, изгоняли из страны. За царя было войско и бо́льшая часть высшего духовенства, недовольного тем, что монастыри не слушались епископов.

После смерти Константина царица Ирина, правившая вместо малолетнего сына своего, созвала в Константинополе *седьмой вселенский собор* (787 г.). Собор решил восстановить иконы, но гвардия, преданная Константину, разстроила собрание, солдаты вошли в церковь, где было заседание, и рассеяли собравшихся епископов. Еще два раза разгоралось иконоборство, но под конец пришли опять к решениям собора 787 года. В 843 году было устроено большое примирение в Константинополе; явилось множество монахов с Олимпа и Афона; в память восстановления икон установили *праздник православия*.

Не во всем, однако, вернулись к старому. В церквах сохранились образа, но исчезли большие статуи Христа, Богоматери и святых; внутренность храмов утратила яркий и пестрый вид, стала мрачнее и строже. Монахи также не получили полного торжества. Цари-иконопочитатели, сменившие иконоборцев, не отдавали имущества, захваченного у монастырей. Они решали церковные вопросы, самовластно назначали и смещали духовенство. Вошло в обычай назначать патриарха из светских лиц: патриарх стал как бы главным сановником при царе по духовным делам и должен был во всем повиноваться царю.

Расселение славян. В VII и VIII в.в. главным врагом Византии были арабы. К 800 году завоевания восточных арабов остановились. Больше опасности для Византии представляли в IX и X в.в. народы, жившие на севере от нее.

За Балканами, на север, по Дунаю начинаются широкие равнины, прилегающие к черноморским и прикаспийским степям. Это было место кочевья диких орд *тюркского* (турецкого или татарского) происхождения, появлявшихся из Средней Азии. Они собирали дань со *славян* и подчиняли ближайшие к степи славянские племена. Бо́льшая часть южных славян, уходя от кочевников, надвинулась на Балканский полуостров и заняла места готов; славяне прошли еще дальше на юг до Пелопоннеса и смешались с туземным населением.

Около 900 года по среднему течению Дуная, в обширных *пустах*, на месте аварских «колец», утвердились *венгры* или *мадьяры*, по нижнему Днепру *печенеги*, по Нижнему Дону и Волге—*хазары*. Далеко кругом степей разошлись в разные стороны поселенные кочевниками славянские пленники или изгнанные ими славянские племена: в восточных Альпах, на Карпатах, по Эльбе, Одеру, Висле, у Балтийского моря, по Днепру и Западной Двине. От расселения получились три большие группы славян: 1) южные, на Балканском полуострове (*хорваты* у Адриатического моря, *сербы* и придунайские славяне, слившиеся с кочевым племенем *болгар*), 2) западные, по Эльбе, Карпатам и Висле (*чехоморавы*, *поляки*) и 3) восточные (*русские*).

Болгары. В одном месте кочевники вошли в более тесные отношения с оседлым земледельческим населением, приняли его язык и обычаи. Это случилось с турецкой ордой *болгар*, которые сели среди южных славян на Дунае и передали им свое имя. Болгары стали грозить Византии, перешли Балканы и не раз подступали к Константинополю. В 811 году царь Никифор прошел глубоко в страну болгар, но попал в засаду; византийцев всех перебили, голову царя долго носили на пике, а потом из его черепа болгарский хан Крум велел сделать чашу для пиршества. Греки должны были пойти на большие уступки. Все земли по обе стороны Балкан отошли к болгарам, кроме угла, где находился Константинополь, и береговой полосы по Эгейскому морю; болгарский хан назвался *царем*. Византийское правительство придумало другие средства против грозных соседей: к ним были отправлены христианские проповедники. Около 860 г. болгарский царь Борис принял крещение.

Кирилл и Мефодий. Во второй половине IX века Византии удалось вообще далеко распространить проповедь христианства.

Западно-славянский народ, *моравы*, признали верховную власть франкской империи, основанной Карлом Великим: к ним явились также из Германии проповедники христианства, подчиненные римскому папе. Князь моравский Ростислав, желая освободиться от подчинения германским епископам, обратился к Византии (863 г.): он говорил, что хотя моравы оставили язычество и ищут пути Христова, но не знают грамоты, и некому их учить; поэтому он просил прислать человека, знакомого с языком народа и способного указать народу истинный путь к спасению.

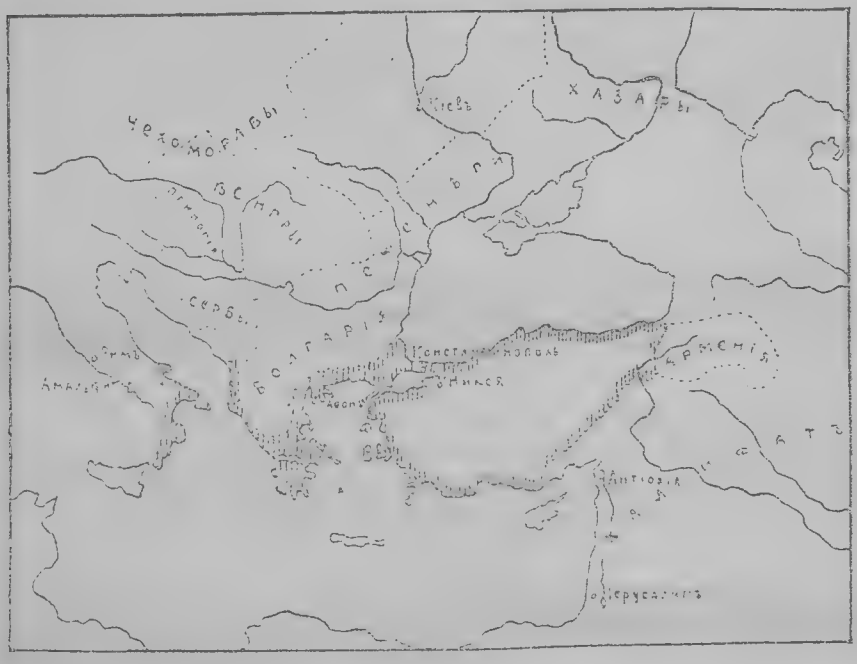
К моравам отправили двух братьев, Константина и Мефодия, ученых греков, выросших в Македонии среди славян. Они установили в стране воскресную службу; Константин перевел на славянский язык главные места из Евангелия и ввел особую азбуку. Папа Николай I стал беспокоиться, что моравы подчинятся патриарху в Константинополе. Он вызвал братьев в Рим, чтобы увериться, правильно ли они учат. Константин скоро умер в Риме, перед смертью вступив в монашество под именем Кирилла. Мефодий вернулся на север, но стал епископом не в Моравии, а у славян Паннонии (по среднему Дунаю). Он ввел литургию впервые на народном славянском языке, тогда как до тех пор богослужение у европейских христиан совершалось на двух лишь языках: латинском и греческом.

Ученикам Мефодия удалось утвердиться в Моравии. Князь моравский Святополк хотел мира с соседней германской державой и с римским папой: он допустил при дворе латинскую службу. Святополк соединил славян, живших по Эльбе и Верхним Карпатам, в *великоморавскую* державу. Опасаясь ее силы, германские короли призвали против нее *венгерскую* орду. Натиск венгров разрушил великоморавское государство (около 900 г.). Венгры сели между западными и южными славянами и отрезали первых от сношений с Византией.

В то время, как византийские и латинские проповедники враждебно встречались в славянских странах, поссорились между собою также их владыки—константинопольский патриарх и римский папа. Николай I не хотел признать патриарха Фотия, ученого друга Кирилла, потому что царь свергнул перед этим другого патриарха, сторонника монахов. Фотий, в свою очередь, низложил Николая и в «окружном послании ко всему христианскому духовенству» (867) старался доказать, что на западе

уклонились от истинного учения и исконных обрядов. Новый царь Василий I *Македонянин*, убивший своего предшественника, у которого служил конюхом, очень дорожил добрым согласием с римским папой и поспешил свергнуть Фотия.

Среди южных славян, болгар и сербов, остались византийские проповедники. Болгары стали перенимать у греков литературу, переводить богословские книги и поэзию. В страну перешла ересь павликиан, под названием *богомилов*. Ересь распространилась среди крестьян, подчиненных боярам, крупным землевладельцам; бо-



Византия, ее соседи и сношения в IX—X в.в.

гомилы учили, что работать на господина грех и зло. Царей увлекала мысль о господстве Рима над миром. Болгарский царь Симеон (умер в 927 г.) принял титул «ромейского государя». Симеон хотел заступить место византийского царя; завладел почти всем полуостровом, но не в силах был взять укрепленную, почти отовсюду окруженную водою столицу.

Варяги. Византийская торговля. Большой урон потерпела в это время империя и с моря. Сарацины захватили Сицилию и Крит, служивший ключом Эгейского моря. В Черном море с середины IX века начались набеги варягов (норманнов). Варяги разбойники и торговцы, отправлялись от Балтийского моря и двигались по большим русским рекам, начиная от устья Невы до устья Днепра. Их вожди с дружинами (Рюрик, Аскольд и Дир, Олег) останавливались на дороге и садились в Новгороде, Смоленске, Киеве. Славяне подчинились им, а они приняли местный язык и обычай; византийцы называли их *русью*, русскими. Они пробирались дальше к берегам Балканского полуострова и Малой Азии и грабили их.

В 865 году русские из Киева напали на Константинополь с моря, сожгли часть города и навели ужас на жителей. Сорок лет спустя киевский князь Олег устроил новый большой набег на Византию, взял крупную добычу и заключил с греками выгодный торговый договор: русские купцы получили право беспошлинно ввозить товары свои в Константинополь. Они везли из своей страны меха, мед и воск и военнопленных рабов, из Греции они обратно вывозили шелковые ткани, вино, южные плоды и пряности.

Византийцы терпели поражения, принимали от врагов тяжелые условия, но также искусно приобретали союзников в среде самих нападающих. Множество варваров поступало на службу в гвардию к византийскому царю. Царь Никифор Фока (около 960 г.) приобрел за 1500 фунтов золота помощь киевского князя Святослава с его полубродячей дружиной. Святослав разгромил болгарское царство, грозившее Константинополю, но сам сел на Дунае. Тогда византийцы подкупили печенегов, чтобы они напали на Киев и отвлекли Святослава.

В Константинополь стали сходиться товары с севера и востока. Из мусульманских стран шли тонкие ткани и пряности; их перекупали у греков итальянские купцы Венеции и Амальфи; папы, итальянские и германские епископы вывозили из Византии дорогие облачения, храмовую утварь, художественные бронзовые двери для церквей. По всей Европе распространились золотые монеты константинопольские, *византины*.

Усиление Византии около 1000 г. Разбогатев в торговле, Византия могла нанять больше солдат, наделить их землей, увеличить флот, создать крупные укрепления.

Между тем ослабел и стал падать халифат, главный враг Византии на Востоке. Начиная с 960 года, империя делает опять несколько завоеваний. Никифор Фока отнял у сарацин Крит, главную стоянку мусульманского флота, занял Кипр и вернул потерянную за 300 лет перед этим Антиохию. Его преемник, царь Иоанн Цимисхий, проник за Евфрат. На севере Цимисхий разбил засевшего в Болгарии Святослава и принудил его уйти назад на Днепр, где князь погиб от печенегов. Через несколько лет, в 988 году, сын Святослава, киевский князь Владимир, породнился с царем Василием II и принял вместе со своим народом крещение из рук византийского духовенства. Это было крупным успехом Византии. Киевский князь стал важным союзником Византии и не раз выставлял для царя вспомогательное войско. Киевский митрополит получал утверждение от константинопольского патриарха: из Византии присылали к русским часть духовенства. Наконец, Василий II (976—1025) в упорных войнах с болгарами, среди невероятных жестокостей (однажды были ослеплены 15.000 пленников, отсюда прозвище Василия—Болгаробойца) уничтожил независимое болгарское царство. Около 1020 г. византийская держава простиралась от морей, омывающих южную Италию, и от Дуная до Кавказских гор, Тигра и Аравийской пустыни. Она опять удвоилась в размерах и владела опять восточной половиной Средиземного моря. Византия имела теперь опору на севере: через Херсонес (по-русски Корсунь) в Крыму велись сношения с народами русской равнины.

Усиление Византии приходится на время *македонской* династии. Основанная в 867 г. Василием I, она продержалась дольше других, почти 200 лет (до 1056).

Цари этой династии, желая окружить особой святостью наследников престола, придумали давать титул «багрянородных» тем принцам, которые рождались во время царствования отца в особой багряной палате дворца. Тем не менее царей этой династии свергали или оттесняли от власти. Царя Константина VII Багрянородного, очень ученого, но мало способного к правлению, отстранил от дел его всемогущий министр, Роман Лекапен, навязавший себя в зятья и соправители царю. Сын Константина Багрянородного, царь Роман III, отец Василия II, был свергнут и убит победоносным полководцем Никифором Фокой, и вдова царя отдала Никифору свою руку вместе с правами на престол, отстранив собственного сына.

Фоки, владетели огромных имений в Малой Азии, потом еще раз восставали против царя Василия II. Они принадлежали к числу «властелей», т.-е. богатых людей, располагавших множеством слуг и военных дружинников. Властели теснили «бедных», или «убогих», т.-е. крестьян. В голодные годы они вводили мелких хозяев ссудой хлеба в неоплатный долг, забирали отданные в залог земли или покупали за бесценок разорившиеся дворы; где возможно было, даже выгоняли крестьян силой, въезжая в деревни со своими охотниками, сокольничими, конюхами и слугами, сносили крестьянские постройки и возводили свои усадьбы, замки и службы. В свою очередь, цари старались против властелей опереться на крестьян.

При македонской династии византийская армия набиралась из военных поселенцев, которые получали от государства участки земли; солдаты сами работали, кормили свои семьи и снаряжались на свой счет для войны. Так как властели забирали земли царских военных поселенцев и их самих переводили к себе в слуги и рабочие, то цари стали вооружаться против этих захватов. Много раз издавались строгие законы против властелей и на защиту крестьян, но они оставались бессильны. Царь Василий II был особенно суров к властелям. Для того, чтобы дать резкий пример защиты крестьянства, Василий наказал одного крупного сановника, поднявшегося из крестьянского звания и скупившего родную свою деревню; у него была отнята вся земля и разделена опять между крестьянами; царь велел снести выстроенный на ней дворец и перевести бывшего владельца в его прежнее крестьянское звание.

Упадок Византии в XI веке. Несмотря на строгие указы и суровые меры, цари не могли справиться с властелями. Преемники Василия II перестали защищать крестьян и мелких военных поселенцев: напротив, они выдавали сановникам и командирам в награду за службу большие имения с крепостными людьми. Вследствие этого цари стали зависеть от доброй воли властелей. В 1057 году византийские генералы в Малой Азии, все крупные властели, сошлись и выбрали из своей среды царем Исаака Комнина (династия *Комнинов* до 1204 года).

Между тем надвинулась опасность с двух сторон. Норманны из северной Франции утвердились в Сицилии и прогнали оттуда сарацин. Затем они обратились против византийских владений в южной Италии и вытеснили греков отовсюду. В один год с потерей последнего приморского города в Италии (1071 г.) Византия потерпела жестокое несчастье на востоке.

Турки-сельджуки, поднявшиеся на службе у халифов, перешли из Туркестана в Переднюю Азию и образовали самостоятельное государство. Они разгромили союзную

с Византией Армению, захватили Сирию и всю почти Малую Азию, кроме северной и западной береговой полосы. Султан Альп Арслан («храбрый лев») в большой двухдневной битве при Манцикерте в Армении разбил и взял в плен выступившего против него византийского царя Романа IV. Турки легко утвердились в Малой Азии. Местные крестьяне, частью мусульмане, частью еретики, охотно признали турок, так как новые господа обложили их лишь поголовной податью, но дали им свободу от крепостной работы. Обширные земли, опустошенные турками, погибли для земледелия; на них водворилось скотоводство кочевников. Понятие о величии империи действовало и на турок: султан принял имя императора ромеев, а свою державу со столицей в Никее турки назвали *Рум*, т.-е. римской.

Дело становилось все хуже для Византии. Турки подвигались к столице, а норманский предводитель Роберт Гюискар переправился через Адриатическое море и начал завоевание западных частей Балканского полуострова. За Византией остались лишь берега по обе стороны Эгейского моря и вдоль проливов, ведущих к Черному морю. Но и эти владения можно было удержать только с помощью наемных солдат, взятых из среды тех же завоевателей, турок и норманнов.

Византийская образованность. Во время иконоборства образованность стояла очень низко; византийцы как-будто забыли свою связь с греческой культурой. Век усиления Византии был также веком возрождения науки. Фотий, Кирилл и Мефодий во второй половине IX века были очень ученые люди, знатоки древней греческой литературы. В эту пору начали разыскивать, восстановлять и переписывать старинные рукописи, заключавшие сочинения греческих историков, географов, поэтов. В X веке царь Константин VIII Багрянородный, сам трудолюбивый писатель, руководил работой ученых, которые собирали и излагали в пособиях, хрестоматиях и словарях научные знания древних греков. В предисловии к одному из больших сборников, составленных по указанию Константина, говорится, что «материал истории дорос до пределов, необъятных и неодолимых», поэтому цель работы—соединить важнейшие выдержки из писателей старых и новых.

Рассказы и сведения о событиях прошлого расположены здесь по необычным для нас отделам, которые носят такие заголовки: о посольствах, о заговорах, о постоянствах и недостатках людей, о военном деле и т. д. Самому Константину принадлежит подробное описание бесконечных и торжественных придворных церемоний Константинополя; в сочинении об управлении государства и о соседних с Византией странах и народах Багрянородный, современник киевских князей, Игоря и Ольги, сообщает древнейшие сведения о русских.

В XII веке, при царе Константине IX Мономахе (деде по матери киевского князя Владимира Мономаха), в столице была устроена высшая школа: одно ее отделение служило изучению литературы древней греко-римской и старинной христианской, другое—изучению права. Назначая главу (ректора) новой школы, царь писал в грамоте: «Законы не должны быть темны, как изречение оракула: подобно тому, как стража оберегает государя, так наука должна окружать и охранять законы».

За время своего процветания Византия передала восточно-европейским народам христианство, для западных сохранила греко-римскую науку и литературу; среди остатков древней культуры особенно важен был Свод римского права.

Разделение церквей. Обладая наукой древних, византийцы смотрели свысока на Западную Европу, погружешую в варварство. Эти взгляды обнаруживались в церковных спорах между римским папой, главой западной церкви (*латинской* по языку богослужения) и константинопольским патриархом. Папы ссылались на старинные соборные постановления, которые давали им первое место среди епископов. Во время иконоборства они стали независимы от византийского царя и при помощи франкских королей даже сделались обладателями лучших земель в средней Италии (*вотчины св. Петра*). Они считали себя в праве вмешиваться в дела константинопольской церкви. После Николая и Фотия споры возобновлялись несколько раз, пока не произошел в середине XI века полный разрыв между Римом и Константинополем, незадолго до потери Византией последних владений в Италии. Поводом к нему послужил следующий спор.

В Константинополе было много латинских церквей, которые посещались итальянскими купцами и богомольцами разных стран, направляющимися в Иерусалим. Патриарх Михаил Керулларий, нетерпимый и властный, закрыл латинские церкви и громко повторил все обвинение против Рима (греки ставили в вину латинянам причащение пресным хлебом, безбрачие духовенства и прибавление к Символу filioque, т.-е. учение об исхождении св. Духа также от Сына). Папа Лев IX, несмотря на то, что царь Константин IX Мономах был на его стороне, не сумел уладить дело; посланные им уполномоченные держали себя в Константинополе резко, и патриарх отказался вести с ними переговоры; тогда латинский посол Гумберт положил в Софийском соборе грамоту с осуждением и проклятием патриарха и его сторонников. Керулларий созвал собор и ответил папе тем же самым (1054).

С этих пор прекратились переписка и посольства между западным и восточным духовенством. Вселенская церковь разделилась на *римско-католическую* и *греко-католическую* (или православную).

III. Западная Европа от 600 до 1100 года.

4. Германские народы и римская церковь.

В VII веке нынешние страны—Испания, Англия, Франция, Германия, Италия, Голландия и Бельгия, Швейцария, Дания и Скандинавия были захвачены германскими племенами. Но германцы были различно распределены в этих областях. Если провести по карте косую черту через Западную Европу от пролива, отделяющего Ирландию и Англию, до восточного угла Альп, то направо окажутся земли, сплошь занятые германцами (в Британии англосаксы, по Рейну—часть франков, в Германии—саксы, швабы, баварцы и др.); налево—германцы поселились разрозненно, колониями, среди более многочисленного старого населения (вестготы в Испании, часть франков в северной и средней Галлии, бургунды на Роне, лангобарды в северной и средней Италии). В первых германцы сохранили свой язык и удержали дольше черты прежнего

устройства. В последних они скоро потеряли свои обязанности и приняли язык туземного населения, говорившего на романских наречиях. Это различие *чисто-германских* и смешанных *романских* народов ясно было видно около 700 года.

Законы варваров. Старинное население бывших римских областей сохранило свои обычаи, устройство суда и законы. По примеру римлян, германцы стали составлять записи своих обычаев, которые прежде хранились жрецами и передавались устно. Эти «законы», как они названы по-латыни, мы зовем Правдами по сходству их с Русской Правдой. Самая старинная из них *Салическая Правда*, или закон салических франков.

Законы германцев составлены на очень грубом латинском языке. Их главная цель—установить порядок при разных столкновениях между людьми. В случае убийства родственникам позволялось мстить родству убийцы. Месть можно было заменить выкупом (*вергельд*), который платился отдельно от штрафа в пользу короля. В выкупе оценивалась не человеческая жизнь вообще, а звание и сила потерпевшего. За убитого свободного надо было заплатить больше, чем за раба, за германца больше, чем за римлянина; за королевского дружинника больше, чем за простого человека. За увечье, за отрубление руки, пальца, носа, уха, прокол глаза и другие раны были положены точно вычисленные суммы выкупа. Убийца, уплатив должное, не подвергался наказанию. Это—варварская черта; римский закон, напротив, признавал за личностью одинаковую цену, независимо от звания, и кроме того преследовал обидчика, как лицо, опасное для общества.

Если не было прямых улик, то обвиняемому предлагали очиститься *божьим судом*, или *ордалией*. Это значило или пронести котел с кипящей водой в голых руках, или продержать раскаленную полосу железа; если через несколько времени ожогов не было видно, обвиненного считали чистым; или нужно было проговорить без ошибки трудную присягу. Кто не выдерживал испытания, считался осужденным самим богом. Если двое спорили о деле чести или имущества, они могли в присутствии судей решить спор *поединком* на оружии или состязанием в присяге: приговор решал в пользу победителя или того, кто приведет с собой больше *соприсяжников*, т.-е. людей, под присягой утверждающих то же, что и он.

В государствах франков, вестготов, лангобардов, англосаксов управление было не похоже на прежнее римское. Большие сооружения римлян, городские театры и термы, водопроводы, дороги, проведенные из Италии через Альпы к Рейну и Дунаю и через Галлию к океану, пришли в упадок, торговля ослабела, потребности понизились. Люди большею частью носили домодельную одежду и пользовались орудиями, сработанными на месте.

Никто не платил королю податей. Король не имел казны и не держал войска на жалованьи. Король не знал, что делается в разных частях страны. Споры и тяжбы решались помимо него; в каждом округе, который по старо-германскому обычаю назывался *сотней*, народ собирался на сходку под председательством выборного сотника, а приговоры составляли старейшины. Король жил со своим двором, как крупный помещик, избегая больших городов: потомки Хлодвига из династии длинноволосых, никогда не стригшихся *Меровингов*, странствовали со своими многочисленными свитами из одного имения в другое, проживая в каждом по два, по три месяца, пока не уничтожались все заготовленные на месте запасы.

Общая сходка, решавшая в старину у германцев важнейшие дела, потеряла значение с тех пор, как воины рассеялись широко по стране. У франков они собирались лишь раз в год на *Мартовское поле*. Вся сила короля опиралась на дружину, или *лейдов* (Leute, люди); это были его личные слуги, отдавшиеся под его покровительство. Король старался привлечь к себе как можно больше лейдов; награждались они *натурой*, т.-е. либо кормились при его дворе, либо получали из его поместий участки земли, право охоты в его лесу, рыбную ловлю в озере, право собирать у моста, в гавани, в горном проходе часть провозимых товаров.

Римская церковь. Одно из учреждений погибшей Римской империи сохранило свою полную силу, это—власть епископов, выбиравшихся в городах из старинных богатых романских фамилий и управлявших большими имуществами церкви.

Очень рано епископы города Рима стали считаться выше других. Это объясняется первенством над всеми другими городами Рима, который люди привыкли называть «вечным городом», «средоточием мира». На римского епископа перешло название старинного великого жреца древнего Рима (понтифекс); другое его обычное имя было *папа*, т.-е. отец. Утвердилась вера, что первым епископом Рима был старший апостол Петр, которому Спаситель сказал слова: «Ты—Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее». В Риме показывали и могилу св. Петра, которая с каждым годом привлекала все более и более богомольцев. Значение римских епископов поднялось еще выше, когда на Западе не стало императора, и области империи начали переходить в руки варваров. Италия переживала особенно тяжелую пору со времени прихода страшных лангобардов, которые опустошили почти весь полуостров и не раз подступали к стенам Рима. Лангобарды отрезали западный берег Италии и Рима от сообщения с византийским наместником в Равенне. Среди этих бедствий римскому епископу приходилось самому принимать меры для защиты и охраны населения.

В 590 году папой стал Григорий I, выбранный единодушно духовенством и народом. Он был из богатой старинной семьи и сначала занимал должность префекта (градоначальника) Рима. Его видали на улицах в тонкой шелковой одежде, украшенной драгоценными каменьями; как вдруг, увлеченный монашеским движением, он постригся и отдал свое большое состояние на устройство монастырей. Избранный папою, Григорий I открыл свое управление большим очистительным обрядом, чтобы отвратить свирепствовавшую в то время чуму. К церкви Божией Матери двинулись с разных концов города монахи и все население, дети и взрослые, предводимые духовенством, все в черных платьях, с покрывалами на головах. Народ собрался семью большими отрядами от семи приходов города; начальниками их были семь *диаконов* (управителей) римской церкви.

Папа старался ослабить нужду населения, выкупал у лангобардов пленных римлян, вел с варварами переговоры и откупался от их нападения, укрывал в стенах Рима беглецов и людей, обнищавших от лангобардских грабежей. Из огромных хлебных магазинов, принадлежавших церкви, выдавалось бедному населению зерно, как в свое время это делали римский сенат и императоры. Римский епископский двор большею частью не закупал припасов, а получал их из церковных имений, разбросан-

ных по всему протяжению Италии и Сицилии. Эти имения, полученные путем благочестивых вкладов, дарений и завещаний, образовали собой большую *вотчину св. Петра.* Византийское правительство пользовалось богатством римской церкви. Папу просили хранить в церковных магазинах хлеб, который предназначался для прокормления имперских войск, стоявших в Риме и в других городах. Так как папская казна всегда была полна денег, то на ее счет пересылали все суммы, которые приходилось выплачивать солдатам; папа был казначеем восточного императора.

Григорий I, искусный хозяин и управитель, выдавался так же, как богослов, поэт, композитор. Он собрал народные сказания о чудесах и святых, составил церковные песни и ввел в церкви пение, близкое к народным ладам. В сочинениях Григория I изложено учение о *чистилище;* по этому учению, принятому латинской церковью, грешные души пребывают во временном аду, из которого их могут избавить молитвы церкви.

Место старого императорского Рима заступил Рим св. Петра. При Григории I сила папского Рима начинает опять распространяться на те страны, которые были раньше провинциями императорского Рима. В это время вестготы в Испании, державшиеся арианства, обратились к православию. Григорий I решил вернуть еще одну давно потерянную Римом область и послал проповедников в далекую Британию или Англию.

Англия в VII и VIII в.в. Остров Британия был в течение 300 лет провинцией Римской империи (кроме северной части нынешней Шотландии). Римляне выстроили в этой отдаленной от центра области крепости и города, но здесь было мало поселенцев из южных стран. Провинция не успела сделаться в такой мере романской, как Галлия или Испания. Когда около 400 года Стилихон отозвал из Британии римские войска (стр. 9), связь этой области с Римом порвалась.

Около 450 г. стали появляться с востока, переплывая Северное море, разбойничьи отряды *англов и саксов,* живших в нынешней северной Германии и Дании. Германские дружины захватили береговые земли на юге и востоке, а затем стали продвигаться дальше вглубь. Они беспощадно истребляли или обращали в рабство туземное население *бриттов,* принадлежавших к кельтскому племени. Независимые кельты остались лишь на западной окраине острова и кроме того на севере в Шотландии и на соседнем острове Ирландии. В Англии,—области, занятой англосаксонским племенем,—исчезли почти все остатки римских обычаев и римского господства.

В Англии сначала действовали христианские проповедники из соседней кельтской Ирландии. В обрядах они отличались от остальной церкви: крестили взрослых под открытым небом в реках, служили не на латинском, а на народном языке, молились в деревянных небольших часовнях, где не было ни алтаря, ни икон. Григорий I отправил из основанного им в Риме монастыря 40 монахов и назначил им настоятеля Августина епископом Англии. Папа дал проповедникам подробное наставление, как поступать с язычниками. Главное—не навязывать новой веры насильно и резко. Где они найдут хорошо выстроенный храм старых богов, они не должны разрушать его, а лишь удалить из него идолов; затем приготовить святой воды, окропить ею здание, поставить алтарь и в нем положить мощи. Пусть также не уничтожают старинных обрядов, напр., обычая приносить в жертву быков или окружать храм шалашами

из ветвей и зелени. Пусть народ попрежнему в привычные дни сходится на веселье и закалывает животных, но уже не в виде приношения дьяволу, а для христианского пиршества, во имя и в честь бога.

Римские проповедники вступали при дворах англосаксонских вождей в прения с жрецами старой веры и с ирландскими учителями. Везде римляне брали верх своей выучкой и согласием действий. В большом споре перед лицом одного из королей северной Англии они особенно настаивали на словах Спасителя, обращенных к апостолу Петру. Король, посмотрев на молчавших ирландцев, решил в пользу римлян: «Если Петру Господь дал ключи от небесного царства, я не хочу враждовать с привратником небес. Я, напротив, хочу во всем повиноваться тому, что им установлено, так как я боюсь, чтобы в час, когда я предстану у врат небесных, не отвернулся от меня тот, кто держит ключи, и тогда некому будет открыть мне двери».

Вместо странствующих ирландских проповедников в Англии появились постоянные священники; они не должны были покидать свои приходы и подчинялись епископам, которые получали утверждение из Рима. Новое духовенство старалось превзойти ирландцев в учености: были устроены школы, где изучали латинский и греческий языки; кроме Библии, читали Вергилия, Овидия и Тита Ливия, переписывали в роскошных экземплярах рукописи. Вместо скромных ирландских часовен стали строить большие каменные церкви, выписывать из Галлии каменщиков и живописцев, чтобы воздвигать здания «наподобие римлян».

Замечательным представителем английской учености был Беда, живший 100 лет спустя после начала проповеди в Англии (около 700 года). Свое великое преклонение перед Римом Беда выразил в таких словах: «Пока будет стоять Колизей, будет стоять Рим; когда падет Колизей, падет Рим; когда падет Рим, падет и мир». Римская церковь приобрела в англосаксах верных почитателей. Массы богомольцев переезжали на материк и направлялись, несмотря на все трудности пути, поперек Европы, через альпийские проходы в Рим на поклонение гробу св. Петра, чтобы вернее и ближе достигнуть царства небесного.

Франкское государство в VIII веке. В большом государстве Меровингов, распространившемся за Рейн, соединялись романские и германские земли. Они составляли две непохожие половины: первые—*западную*, разделявшуюся на Нейстрию и Бургундию, вторые—*восточную*, называвшуюся Австразией. Эти половины имели иногда разных королей, иногда одного короля; в каждой части королевства был свой *майордом* (дворецкий), который заведывал раздачей земли и награждением королевских слуг и дружинников. Когда майордомы стали водить в поле отряды королевских лейдов, они сделались сильнее, чем короли династии Меровингов. Около 700 года майордом Австразии, Пипин, устранил других дворецких, захватил управление всем государством и стал утверждать королей в их сане.

Его сын, майордом Карл, прозванный Мартелом, т.-е. молотом, не назначал короля вовсе. Ему пришлось встретиться с сильным нападением арабов, пришедших из-за Пиринейских гор. Арабы уже захватили юг, долины Гаронны и Роны и приблизились к Луаре. Под Пуатье их остановило собранное Карлом ополчение из франков и других им подвластных германских племен. В семидневной битве германские воины выдержали натиск арабской конницы; но они сами едва верили своей победе, когда оказалось, что арабы покинули лагерь и ушли на юг (732 г.).

Борьба с арабами вызвала крупную перемену в военном строе франков. Старое войско германцев было, главным образом, пешее. Для отражения арабских нападений надо было устроить конницу. Карл стал увеличивать число своих *вассов*, т.-е. дружинников, и потребовал, чтобы они служили на коне или приводили нескольких всадников. Желая вознаградить их за эту трудную и разорительную службу, он позволил своим *вассам* забирать обширные земли, принадлежавшие церкви и монастырям (так же, как его современники цари-иконоборцы). Иным полудиким военным людям, не умевшим даже читать, он роздал места епископов.

В это время Рим стали сильно теснить лангобардские короли. Папы надеялись взамен империи найти поддержку у сильных франкских вождей. Заключению союза между папой и франками помогла деятельность англо-саксонского монаха Винфрита-Бонифация.

Бонифаций. В VIII веке английские монастыри и школы выпускали ревностных проповедников христианства, уезжавших на материк Европы. В числе их ученый Винфрит отправился к племенам северной и средней Германии, едва знакомым с христианством. Он хотел работать во имя римской церкви, два раза ездил в Рим, принял латинское имя Бонифация и получил епископское посвящение. Он дал папе Григорию II письменное свидетельство своей веры и принес клятву верности римской церкви, обещав не вступать в общение с епископами, которые будут учить несогласно с Римом.

Вместе с другими учеными монахами и монахинями, вызванными из Англии, Бонифаций основал несколько монастырей. Местами встречались еще человеческие жертвы. В Гессене Бонифаций со своими спутниками сам срубил священный дуб бога Водана, чтобы показать народу бессилие демона. Большинство принявших христианство продолжали втайне молиться и приносить жертвы старым богам; иные священники исполняли сами эти жертвы, ели с язычниками жертвенное мясо, а потом совершали христианские обряды; другие писали на грамотках тексты из Библии и на шнурке вешали на шею в виде амулета против дурного глаза или болезней. Новые проповедники старались искоренить эти обычаи и улучшить нравы. Вновь основанные монастыри собирали около себя людей для работы: монахи сами, их послушники и крестьяне, отдавшиеся под их покровительство, расчищали дикий лес под пашни и поднимали нетронутые до тех пор земли.

Папа назначил Бонифация архиепископом германских земель, лежавших за Рейном и подчинявшихся французским правителям. Сыновья Карла Мартела воспользовались знаниями, опытом и святостью Бонифация, чтобы по всему франкскому государству очистить и поднять церковь, которая очень огрубела в смутную военную эпоху при их отце. Исполняя поручения папы, Бонифаций предложил на синодах внушить духовенству более строгий образ жизни, запретил клирикам ношение оружия, попойки, охоту и битвы; священники и монастыри должны были подчиниться власти епископов; над епископами установлялась власть *митрополитов*, или *архиепископов*; архиепископы, в свою очередь, подчинялись папе, который утверждал их в сан, пересылая им *паллий*, т.-е. белую с черными крестами наплечную ленту — символ агнца, несомого на плечах Добрым Пастырем. Решено было также возвратить церкви имущества, захваченные у нее при Карле Мартеле, с тем, однако, чтобы посаженные на церковной земле воины продолжали с нее кормиться.

Бонифаций подчинил духовной власти папы новообращенные германские земли и все старые западные владения франков. Сила папы распространилась теперь на весь запад Европы. Под конец своей долгой жизни, стариком 75 лет, Бонифаций отправился проповедывать христианство в страну фризов (нынешнюю Голландию) и погиб там в лесу, убитый раздраженными язычниками (755).

Союз каролингов с папами. В то же время совершились события, которые еще теснее связали папу с франкскими правителями. Сын Мартела, майордом Пипин Малый, решил свергнуть последнего Меровинга, у которого не было никакой власти, и сам принял корону (династия называется по имени ее знаменитого представителя, Карла Великаго, *Каролингами*). На военном собрании его подняли на щит при стуке оружия и провозгласили королем. В знак новой высшей власти Пипин принял помазание от епископа, уполномоченного папою.

Вскоре лангобардский король завоевал почти все владения Византии в средней Италии и подступил к Риму. Папа Стефан II отправился за Альпы и просил Пипина спасти владения ап. Петра; король получил при этом от папы сан патриция, т.-е. покровителя Рима. Пипин два раза ходил за Альпы и отбил лангобардов. Отнятые у них земли, бывшие владения Византии, лежавшие кругом Рима и Равенны, он подарил св. Петру и отдал в самостоятельное управление папы; ключи от захваченных городов были положены на гробницу апостола. С этой поры папа был признан светским правителем, и возникло особое *церковное государство*.

5. Монархия Карла Великого.

Войны Карла. Франкское государство достигло необыкновенной силы и расширения при сыне Пипина, Карле (768—814).

Сначала Карл двинул ополчение франков за Альпы против лангобардского короля, заставил его сдаться в столице Павии и постричься в монахи. Северная и средняя Италия подчинились Карлу. Но порядки остались прежние: Италия продолжала считаться особым королевством, и Карл лишь принял лангобардскую (так наз. железную) корону. За северной Италией так и осталось название *Ломбардии*, т.-е. страны лангобардов. Король прибыл и в Рим, где народ встретил его с крестами и масличными ветвями и признал своим патрицием.

Немного позднее Карл ходил за Пиренеи, чтобы помочь восставшему арабскому наместнику против кордовского халифа. Независимые горцы-христиане, баски, у которых Карл при походе разорил укрепления, на возвратном пути его разбили арьергард франков, предводительствуемый Роландом (рыцарские песни позднее сделали из него героя, павшего в борьбе с неверными). Франки, однако, потом отвоевали за горами северо-восточный угол Испании с городом Барселоной.

Более тяжелы и продолжительны были войны на востоке. Соседями франков здесь были язычники *саксы*, жившие между Северным морем, средне-германскими горами и Эльбой. Саксы беспокоили своими набегами франков, и Карл решил покорить их страну. Сначала он имел успех; франки сожгли священную рощу саксов и стоявшую в ней главную святыню их, огромный ствол Ирменсуль. Саксы при-

несли присягу верности. Карл назначил *графов* (наместников), привел христианских проповедников и устроил епископства; христианство было его главным средством для подчинения побежденного народа. Но саксы восставали всякий раз, когда Карл, отвлекаемый делами на юге, уходил из страны, разрушали церкви, прогоняли франков и новое духовенство. Карл, возвращаясь, снова разбивал саксов и жестоко расправлялся с мятежниками: однажды он приказал казнить 4½ тысячи людей, выданных ему в качестве зачинщиков измены. Около 30 лет тянулись мятежи. Карл окончательно завладел страной, лишь когда часть саксов была выселена и заменена новыми франкскими и славянскими поселенцами. Карл приказал составить для саксов закон наподобие Правд, имевшихся у других германских племен. За проступки против церкви и священников были положены очень суровые наказания: напр., за нарушение Великого поста полагалась смертная казнь.

Во время саксонских мятежей Карл боролся также с *аварами*, жившими в нынешней Венгрии, и со *славянами*. Против аваров двинулись два ополчения: одно из Германии, другое из Италии; они соединились в долине Дуная. Войско Карла шло против неверных с хоругвями, распевая церковные гимны. Когда взяли главное «кольцо» аваров, где каган (хан) держал огромную награбленную добычу, Карл подарил часть сокровищ папе, остальное роздал свите, чтобы «прославляли его милость и помогали ему в походах». Из пограничных земель, отнятых у аваров, была образована *восточная марка* (т.-е. военная граница). Соседние с государством Карла славяне от Балтийского моря до Адриатического (между ними *чехи*) признали его верховенство и обязались доставлять союзные отряды или платить дань.

Империя. К концу правления Карл собрал под своей властью все германо-романские земли, принявшие христианство, кроме Англии: на востоке граница шла по Эльбе, потом отходила к востоку, пересекала Дунай за Веной и по окраине восточных Альп спускалась к Адриатическому морю; Апеннинский полуостров принадлежал ему своей большею частью, на Пиринейском—владения доходили до р. Эбро. Вся западная половина христианской церкви была теперь заключена во владениях франков, вместе с городом Римом, столицей старой империи. Летописец, рассказывающий события времени, говорит: «Так как Карл владел Римом, то он и должен был быть императором». Папа шел навстречу желанию короля. Ему нужен был могущественный защитник на западе, так как папство потеряло опору в восточном императоре.

Папе Льву III пришлось приехать в Германию просить у Карла защиты от своих врагов в Риме, которые свергли его, держали в тюрьме и чуть не убили. Карл велел разобрать дело своим вельможам и сам отправился в Рим. Уже раньше он вел переговоры с Византией, чтобы провозгласить себя императором и добиться признания со стороны восточных государей. Папа теперь ускорил дело. В первый день Рождества 800 года, когда король молился в церкви св. Петра, папа надел на него венец и поклонился ему до земли. Стоявшие кругом франки и римляне скрепили венчание своими криками: «Победа и здравие Карлу, Августу, Богом венчанному, великому и миротворящему императору римлян!».

По понятиям того времени, Римская империя должна охватить весь мир; она совпадает с христианскою церковью, с градом божиим на земле; поэтому империя священна; и власть императора—священная, как бы *духовная* власть.

Королевское хозяйство. Большая держава Карла по характеру управления не была похожа ни на халифат, ни на Византию. Торговля во франкской империи была слаба, пути сообщения плохи, денежного обращения было мало, города ничтожны. Бо́льшая часть населения жила земледельческим трудом и не продавала продуктов работы своей. Карл не мог собирать подати с народа; доход его казны не составлял и сотой части того, что получалось в Багдаде или Византии. Он сам со своим двором и слугами переезжал из одной *виллы* (имения) в другую.

В королевских виллах, раскинутых в разных местах, жили военные слуги и крестьяне, обязанные взносами, ремесленники и дворовые люди, конюхи, лесничие, ключники и т. д. Управляющий имением носил название *судьи*; он не только смотрел за хозяйством, но также разбирал споры и проступки многочисленных людей, живших и работавших в королевских имениях. К Рождеству управляющий виллой должен был представить королю отчет, сколько получено с хозяйства, сколько поступило оброков, штрафов, сколько истрачено в хозяйстве и сколько сложено предметов в запас. К Вербному воскресенью должны поступать деньги, вырученные от продажи товаров и от наказаний, а припасы посылаются в разное время: свечи два раза в год, в начале зимы и Великим постом; чаще—мясо, мука, птица, яйца, овощи, вино. Управляющий приезжает время от времени с грузом, с ним пивовар, чтобы готовить питье на все родство и свиту короля. На случай приезда короля требовалось, чтобы в имении были кровати, перины, занавески, скатерти, посуда и инструменты,—все, что нужно, чтобы устроиться на несколько недель или месяцев жизни.

Чаще всего Карл останавливался в *Ахене*. Здесь находился укрепленный королевский дворец, *пфальц* (от римского palatium, палаты). Кругом королевской усадьбы поднимались дома *магнатов*, т.-е. крупных сановников, со службами. Когда назначали церковный собор или светский съезд военных слуг короля, или ждали большого посольства издалека (напр., от халифа Харуна), в Ахен стекалось множество народа. Тогда появлялись купцы, евреи и сирийцы, с дальними товарами; для них было выстроено особое помещение.

Вассалы и сеньёры. Для больших и далеких войн Карлу нужно было постоянно созывать ополчение. Но король не мог содержать и вооружать солдат. Воин был обязан взять с собою одежду и оружие, чтобы их хватило на 6 месяцев, и припасы—на 3 месяца; двое или трое должны были иметь одну повозку. Особенно дорого стоила служба в коннице: ее могли нести только состоятельные люди, поэтому имя *кавелларий* (всадников) обозначало высший зажиточный класс, резко отделявшийся от простых людей.

Служба в ополчении разоряла народ. Многие старались уклониться от воинской повинности, убегали в леса, уходили в духовное звание. Так как ополчение было ненадежно, король старался увеличить число своих вассов (или *вассалов*), т.-е. людей, отдавшихся ему лично под покровительство и на полную службу. Часть королевских вассалов была посажена в завоеванных областях на землях, пожалованных за службу, так наз. *бенефициях*. Другая часть, *палатины*, оставались при короле в его дворце, или исполняли поручения короля, связанные с поездками по областям.

Такими же вассалами стали окружать себя и богатые магнаты. Много мелких людей находили выгодным покинуть свою землю и отдаться под покровительство и

в распоряжение крупного соседа; многие становились вассалами потому, что получали возможность служить на коне, которого им давал покровитель. Таким образом у богатых и сильных людей явились свои особые *личные подданные*. Тот, кто отдавался в вассальную зависимость, признавал покровителя своим *сеньером* (senior, seigneur), т.-е. старшим, начальником. Вассал приносил ему присягу верности, при чем становился на колени и клал свои руки в руки сеньера. Сеньер требовал, чтобы вассал всюду следовал за ним; так же, как король, он давал своим вассалам поручения управлять поместьями и крестьянами и так же платил им жалованье в виде бенефиций, т.-е. выдавал им участки земли, с которых вассалы кормились.

Управление. Для управления областями король назначал *графов*. Граф (по-латыни comes, по-французски comte), собирал пошлины в пользу короля, смотрел за исправностью ополчения. Он переезжал из одной сотни (округа) в другую и созывал ее жителей на суд. При объездах граф получал от населения подарки, собирая таким образом хлеб, холст, шерстяные материи, обувь, посуду и т. д. Карл отправлял по областям *королевских послов*, которые должны были проверять управление графов, следить, чтобы они не утесняли население поборами и насилием, и принимать жалобы от жителей.

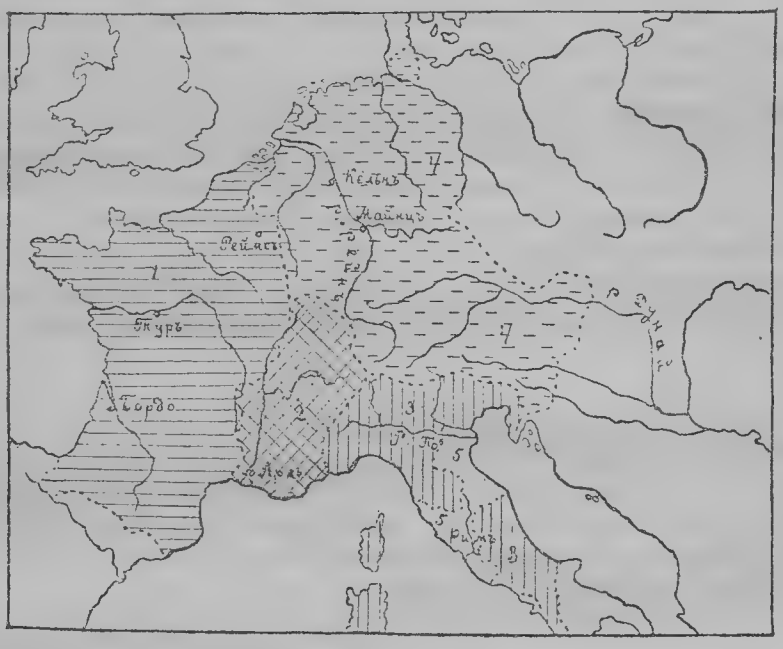
Два раза в году Карл созывал *общие собрания*. В конце весны сходилось так наз. *майское поле*, на которое являлись крупные сановники, королевские вассалы и епископы со своими вассалами, а также мелкие люди ближайшего ополчения. Это собрание было вместе с тем военным смотром. Осенью сходилось другое, малое собрание, которое состояло из одних магнатов и важнейших королевских вассалов, приносивших королю обычные подарки. Эти собрания сильно отличались от старинных сходок, на которые собирались все воители. Собрания времени Карла носили *аристократический* характер. Только придворные, епископы и сеньеры призывались к совещанию; остальные выслушивали решение.

В своем управлении Карл должен был постоянно обращаться к духовенству. Главными лицами при дворе были два клирика: *капеллан*, духовник короля и его советник по церковным делам, хранитель особой святыни франкских королей, плаща (капы) св. Мартина Турского, и *канцлер*, изготовлявший грамоты. Духовные лица были единственно образованными людьми того времени. Они объезжали области в качестве «послов», служили при дворе, принимали деятельное участие в собраниях.

Множество дел старались передать суду епископов, потому что король и его наместники не могли всюду добиться повиновения, а церковное проклятие или наказание казалось очень страшным. Хотя церковь налагала только духовную кару, но с нею связаны были жестокие телесные лишения. По одному церковному правилу убийца должен был провести три года вне родины на хлебе и воде, ходить в цепях. Очень тяжело было церковное *отлучение;* помимо того, что отлученный не допускался к церковным таинствам и службе, с ним никто не должен был разговаривать, никто не смел с ним пить и есть, здороваться с ним, иначе тоже подвергался отлучению. Кто умирал под отлучением, считался лишенным загробного спасения.

Просвещение. Карл и его придворные были исполнены бесконечного преклонения перед римской стариной и старались подражать ей в постройках, в поэзии

и ораторском искусстве. Один из поэтов времени Карла говорит: «Вот обновляются времена, воскресает жизнь древних, возрождается то, чем сиял Рим». При дворе Карла собрались ученые люди со всех концов Запада. Между ними особенно выдавались: англосакс Алькуин, писатель и составитель руководства словесности; лангобард Павел Диакон, написавший поэтическую историю своего народа; франк Эйнгард, секретарь Карла, ритор, живописец, архитектор и механик, составитель биографии Карла, где император представлен наподобие Августа. Эти лица вместе с близкими Карла составили придворное ученое общество. Алькуин устроил также при дворе школу по образцу англосаксонских монастырей; в нее Карл набирал сыновей сеньеров и королевских вассалов, чтобы приготовить их для службы. В школе читали и списывали римских писателей и старались запомнить красивые обороты, чтобы вставлять потом «цветы речи» в разговор или в письмо.



Разделение империи Карла: 1. Франция. 2. Арелат. 3. Итальянское королевство. 4. Германия, 5. Владения римской церкви.

Карл приглашал ученых к столу; секретарь стоял около него с вощеной дощечкой, чтобы быстро записать, что он прикажет. После обеда обыкновенно читали стихотворение; присутствующие прерывали чтение своими замечаниями, автор возражал, сыпались шутки и колкости. Члены общества по англосаксонскому ученому обычаю давали себе особые имена, взятые из Библии или греко-римской древности (Давид, Гораций), обращались друг к другу с затейливыми посланиями, решали ученые загадки.

Распадение империи Карла. Со времени римских императоров Траяна и Константина не было такого славного правления и такой крупной державы на Западе.

Но созданная Карлом империя была непрочна. Народ страдал от поборов и повинностей. Люди вместо того, чтобы служить государству, все более расходились на частную службу, а сеньеры отказывались водить своих вассалов на войну. Карл должен был видеть сам к концу правления, что окраины остаются беззащитны против грабежей и нападений соседей: на востоке прорывались славяне, на севере—датчане, с юга—сарацины, а на берегах Северного моря скоро услыхали о новом страшном враге, норманнах.

После смерти Карла империя в целом виде едва продержалась двадцать лет. Его сын, Людовик Благочестивый, разделил владения со своими детьми, которые получили титулы королей. Но скоро поднялись несогласия и войны между ними. Несколько раз делились внуки Карла и их потомки. Самый знаменитый раздел произошел в 843 году в Вердене, между Лотарем, королем итальянским, Людовиком германским, королем восточных франков, и Карлом Лысым, королем западных франков. Первому досталась, кроме *Италии*, также полоса земли между владениями второго и третьего, от устьев Рейна у Северного моря до устьев Роны у моря Средиземного. Северная часть этой полосы, область между р. Маасом и Рейном, под названием *Лотарингии* (т.-е. Лотарева владения), отошла потом к восточному, германскому королю; южная часть, по р. Роне, составила особое королевство *Арелат*, или *Бургундию* (от севшего здесь в V веке племени бургундов). Владение второго брата, Людовика, прежняя Австразия, составила основу будущей *Германии*. За королевством третьего брата, Карла, обнимавшим бывшую римскую Галлию, утвердилось название *Франции* (т.-е. земли франков, которые, впрочем, здесь утратили германский облик, слились с туземцами и приняли романскую речь).

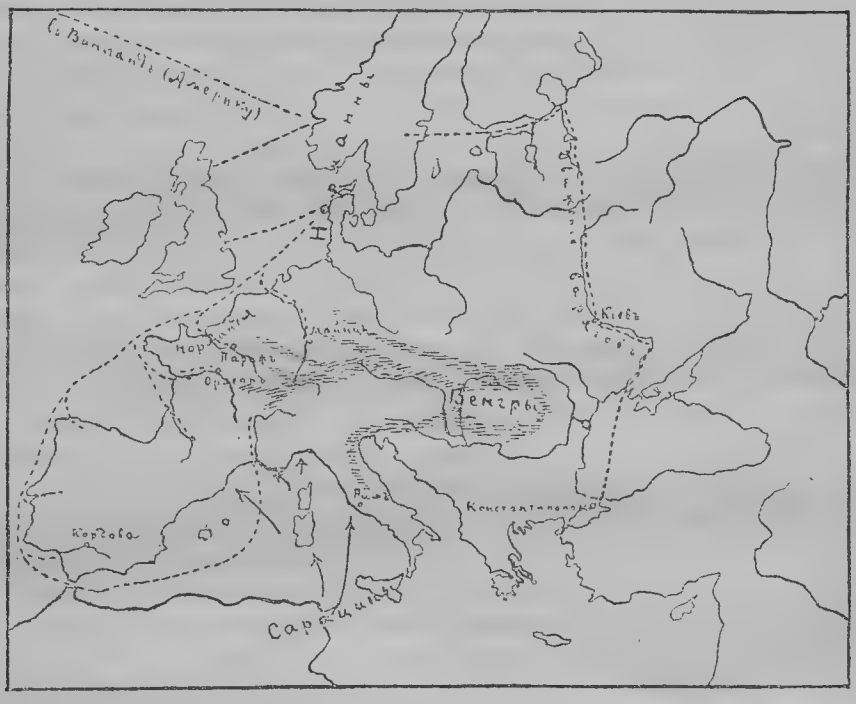
6. Феодализм.

Набеги IX и X веков. Во второй половине IX века положение западно-европейских стран было весьма тяжело. С юга, со Средиземного моря по берегам Италии и южной Франции, жестоко грабили африканские *сарацины*, утвердившиеся в Сицилии. Они разгромили предместья Рима и базилики ап. Петра и Павла. С востока в конце IX века начались опустошительные наезды *венгров*, или мадьяр, заступивших место аваров в степях по среднему течению Дуная. Конница венгров заходила очень далеко: вся Германия была открыта их грабежам; они прорывались еще дальше на запад, за Рейн, до Парижа, заходили в Италию и достигали Рима и Неаполя. С севера в течение двух веков непрерывно приливали *норманны* («северные люди»).

Норманны занимали нынешнюю Данию и южные части Скандинавского полуострова, Норвегии и Швеции. Они дробились на мелкие владения; почти каждый морской залив, фиорд, составлял отдельное княжество. Земля давала скудное пропитание: часто бывали неурожаи, и наступал голод. Часть народа постоянно должна была выселяться и искать за морем добычи и новых поселений. Норманны в своих поездках соединяли разбой и торговлю: они продавали захваченные товары, везли из своей страны рыбу, кожи, меха и покупали товары, которых было мало на севере,—хлеб, мед, ткани и оружие. Когда в Дании, а потом и в Скандинавии

поднялась королевская власть и короли стали теснить независимых ярлов (мелких князей), выселения еще усилились.

Во главе выселявшихся становились *викинги* (морские вожди) из знатных семей, иногда сыновья королей. Старинная религия германцев была у норманнов еще в полной силе. Перед отплытием приносили жертву богу грозы Тору; викинг гадал, бросая копье кверху, и решал ехать в ту сторону, куда ляжет оно. Выезжали на больших лодках, где помещалось 60—70 человек. При спуске лодки приносилась человеческая жертва: к бревнам, по которым спускали судно в воду, привязывали людей, чтобы кровью брызнуло на низ лодки. Множество лодок и людей погибали от бурь, но это не останавливало предприятий.



Набеги IX и X веков.

Норманны появлялись неожиданно во множестве разных мест, и защитники страны сбивались с ног. Викинги нападали на берега и проникали глубоко внутрь страны по течению рек. По Сене они подступали четыре раза к Парижу. По Рейну они добирались до Кельна и Майнца; в Ахене сожгли дворец Карла Великого. Берега Германии, Англии, Франции, Испании и даже Италии подвергались их нападениям. Викинги нередко проникали под видом окрестившихся купцов. К одной укрепленной гавани в Италии подъехали норманны и, увидев, что приступ невозможен, послали сказать жителям, что их вождь при смерти и желает креститься; ночью они подняли плачь, как по умершему, и на другое утро просили допустить тело их вождя к христианскому погребению. Епископ, граф и народ пустили их

в церковь с гробом. Но во время обряда крышка гроба поднялась, вождь норманнов выскочил с мечом и убил епископа, а его свита перерезала остальных жителей.

В X веке норманны стали строить более крупные военные корабли, выходить большими массами и занимать целые области. Так, датские поселенцы утвердились на северном берегу Франции, в области, которая с этого времени называется *Нормандией*, и в восточной части Англии; норвежские завоеватели заняли часть Ирландии, северные острова, Исландию, они добирались до Америки (около нынешнего Нью-Йорка). Из северной Франции нормандские поселенцы ушли в середине XI в. для завоевания Сицилии и Южной Италии, а немного позднее (в 1066) на завоевание Англии.

Очень туго проникало в северные страны христианство. Дания приняла новую веру в X в., Норвегия—в XI. Долго еще держались старинные религиозные понятия. Своеобразная смешанная вера норманнов видна на песнях Эдды, которая составилась из произведений *скальдов* (певцов). В Эдде действуют старинные боги, но среди них образ благородного, нежного и страждущего Бальдра навеян христианством.

Раздробление европейских королевств. Непрерывное военное положение во всех христианских странах Западной Европы привело к раздроблению больших государств. Уже раньше король уступал свою власть сеньерам, выдавая им *иммунитеты*, т.-е. право судить и собирать взносы с обывателей. Теперь и военная защита разбилась по областям. Графы или епископы не могли рассчитывать на подмогу из других частей государства или дожидаться ее; они должны были распоряжаться самостоятельно. Когда норманны осадили Париж, город стали отбивать граф области и епископ, между тем, как король Франции старался купить у завоевателей мир.

Вследствие этого различные сеньеры, графы (comtes), герцоги (ducs) и многие епископы стали самостоятельными правителями в областях. Они подчинили себе мелких королевских вассалов и соединили их со своими вассалами в один *военный*, или *конный класс*. Таким образом, королевства, образовавшиеся из империи Карла, в свою очередь распались на большие *сеньерии*. В Германии и во Франции было по 10 или 12 крупных сеньерий. Графы и герцоги передавали свою власть по наследству; во Франции один из них был пришлец, норманнский вождь, принявший христианство и получивший от короля во владение северный берег.

Королевская власть ослабела; у короля остались в подчинении лишь ближайшие вассалы. Большие сеньеры смещали неугодных им королей и выбирали новых из своей среды. В X веке Каролинги всюду, в Италии, в Германии (в 911 г.) и во Франции (987 г.) были заменены королями из среды больших сеньеров, выбранными или захватившими себе корону. Большие сеньеры равняли себя по достоинству с королем: они звались *пэрами* (pairs, т.-е. равные королю).

От непрерывного военного положения сильно изменился характер поселений. Крупные хозяйства в виллах расстроились от набегов, незащищенные деревни пустели. Множество рабочего люда и крестьян было перебито или разбежалось. Чтобы защититься от внезапных нападений, крупный владелец обращал свою виллу в крепость, замок (château, Burg); в такую же крепость превращался и монастырь. Для этой цели окружали рвом и стеной большой двор со службами.

которые были необходимы для господина, его семьи и его военных людей, а также с избами слуг и рабов. Укрепленный двор строили на возвышении: или выбирали для него место на скалистом острове среди реки, или на склоне, на небольшом плоскогории, или, если не было ничего подобного, насыпали искусственный холм. Часто забирали еще второй стеной более широкий круг ниже замка; загороженная часть называлась нижним двором. Сюда в военное время спасались жители равнины, которые пользовались покровительством сеньера, сюда приводили свои стада, свозили движимость; за это они были обязаны строить, чинить и защищать замок.

Англия IX—XI в.в. Перемены в военном устройстве и в управлении, происходившие на материке Европы после эпохи Карла, повторились в Англии. В VI—VIII в. в. Англия делилась на несколько королевств. Едва успел король Вессекса (т.-е. западных саксов) объединить эти королевства (в начале IX в.), как восточную часть острова стали опустошать прибывшие с моря норманны-датчане.

Король Альфред (871—901) должен был отдать датскому вождю большую северо-восточную часть Англии, оставив себе лишь юго-запад. Альфред по своему характеру, по своему глубокому уважению к просвещению напоминал Карла. Но он действовал среди условий несравненно более тяжелых; просвещение очень низко упало в Англии вследствие смутной военной поры. В XIII в. Англия высылала своих деятелей на материк, ее школы служили образцом. В конце IX в. Альфред жалуется: «Прежде иностранцы искали мудрости и наставления в нашей стране, а теперь мы сами вынуждены обращаться к иностранцам. Все пришло в такой упадок, что едва немногие священники понимают богослужебные книги или могут перевести письмо с латинского языка на английский».

Вследствие непрерывного военного положения мелкие люди искали защиты и покровительства у сильных и богатых, признавали их своими господами, *лордами*. Короли, не будучи в силах удержать порядок в стране, старались распространить подчинение господам на всех. По закону X века всякий мелкий человек должен был найти себе лорда. Тот, кто не найдет господина до известного срока, должен считаться беглым; всякий может убить его, как вора, а кто будет его укрывать, заплатит штраф.

Англию в такой мере теснили с разных сторон норманны, что она неизбежно должна было достаться одному из северных завоевателей. В XI веке всю страну захватили датчане. Англия вошла в состав большого северного государства короля Канута Великого, который соединил с нею Данию и Норвегию (умер в 1035 г.). Но скоро датчан стали вытеснять другие норманны, поселившиеся во Франции, на противоположном Англии берегу канала. Последний король англо-саксонской династии Эдуард Исповедник держался при помощи французских норманнов.

После его смерти на корону Англии заявил притязание нормандский герцог Вильгельм. Между тем англосаксы и датчане выставили своего короля Гарольда. Тогда Вильгельм приготовил большое войско к высадке в Англии. Лишь часть нормандских его вассалов согласилась на такое отдаленное предприятие; они не считали себя обязанными в силу вассальной службы итти с ним. Но у Вильгельма собралось много воинов из остальной Франции,—люди, не имевшие наделов и рассчитывавшие на бенефиции в Англии. В 1066 г. Вильгельм высадился на юге

Англии около Гастингса. Главную силу его войска составляла конница; рыцари (всадники) были в шлемах и кольчугах с длинными копьями. Гарольд мог выставить только пеших воинов; между ними датская гвардия короля была в полном металлическом вооружении, англосаксонские ополченцы—в шерстяных кафтанах с секирами в руках. Гарольд держался несколько времени за окопами, но в открытом поле французская тяжеловооруженная конница раздавила его войско, и он сам был убит. Королем Англии стал Вильгельм, прозванный Завоевателем. Он отнял земли у тех английских владетелей, которые не выразили ему покорности, и роздал сеньерам и воинам, пришедшим из Франции. Вся страна разделилась на *маноры*, т.-е. господские округа, с именем и замком военного владетеля посредине, к которым были приписаны деревни.

Феодальный строй. От непрерывного военного положения в западно-европейских странах получилось особое устройство управления. Общество разделилось на духовенство, военный класс и простой люд (т.-е. земледельцев и ремесленников). Духовенство по своему владению было близко к военным и набиралось из их среды. По взглядам того времени военные резко отличались от «работников»; они не участвовали в промышленном деле, а трудящиеся в свою очередь должны были оставаться «безоружной толпой».

Военный класс распадался на несколько разрядов, отличавшихся между собою по богатству и силе. Выше всего стояли *большие сеньеры* (графы, герцоги), которых можно было бы назвать князьями. Во Франции в X и XI в. в. они вели самостоятельные войны, чеканили монету, держали верховный суд, как государи.

Области сеньеров разделялись на округа, розданные главнейшим их вассалам, которые назывались во Франции *бароны*, в Англии лорды, в Италии капитаны. Они владели несколькими замками и на войну могли привести отряд воинов.

Третий разряд составляли мелкие вассалы или *подвассалы* (avasseurs), получившие пожалование от князей или от баронов. Подвассал нес личную службу, являлся на войну или один (воин с одним щитом), или в сопровождении немногих слуг (оруженосцев). Служба этих воинов всегда была конная, отсюда их общее имя—*рыцари* (рыцарь от немецкого Ritter, по-французски chevalier, по-английски knight, т.-е. слуга). Главное, что отличало настоящего рыцаря, это полное вооружение, т.-е. помимо длинного копья и щита, металлический шлем и кольчуга (длинная рубашка из проволок, с тесно насаженными на них металлическими кольцами). Такие тяжело вооруженные рыцари были страшной военной силой в XI веке. В походе Вильгельма Завоевателя они дали перевес норманнам и французам над англосаксами, которые еще не успели перейти к этому вооружению.

Король считался верховным сеньером (или *сюзереном)* всех военных, но подвассалы большею частью признавали только своих ближних сеньеров, которым служили. Сеньер и вассал были связаны взаимным уговором; сеньер передавал вассалу владение при посредстве особого обряда *(инвеституры),* вручал копье с флагом, кольцо, или перчатку. Само владение, передаваемое вассалу, называлось сначала бенефицием, а с X в. *феодом* (по-латыни Feodum, по-французски fief, в Германии употреблялось слово Lehn, *лен,* что значит награда). Вассал клялся в верности (foi) сеньеру, положив руку на евангелие или ковчег с мощами, и объявлял себя подчиненным, или «человеком» сеньера (hommage).

Вассал нес двоякую службу: военную и судебную. Первая состояла в защите крепостей и участии в набегах; но вассал был обязан служить лишь *сорок дней* и не дальше пределов известного округа; он мог отказаться от похода сверх этого срока и вне этих границ, или иначе сеньер должен был особо оплатить его службу. Вторая состояла в том, что вассал должен был являться ко двору сеньера, в его *курию* к трем большим праздникам, Рождеству, Пасхе и Троице, и участвовать в суде, который творил сеньер. Вассал обязан был принимать у себя сеньера, когда тот совершал объезд или охотился. Он должен был помогать сеньеру денежными суммами, которые и собирал с подчиненных крестьян в тех случаях, когда сеньер находился в плену и его нужно было выкупить, затем когда сеньер выдавал замуж дочь или посвящал сына в воины. В случае смерти вассала сеньер брал взнос с его наследника или с другого лица, кому решил передать феод. От слова феод ученые в новое время образовали название *феодализм*, которым стали обозначать управление XI—XV веков (1000—1500 г.г. по Р. Х.).

Крестьяне при феодальном порядке. Никто из военных людей не работал на принадлежащей ему земле. Работа лежала на другом классе, *вилланах* (крестьянах). Торговля была слаба; помещики мало продавали, и доходы проедались на месте; поэтому их имения были невелики. Большая часть земли, находившейся под властью (dans la main) господина, состояла из крестьянских участков.

Вилланы делились на два разряда. Одни были *лично свободны* и платили господину *ценз* (cens) за пользование своей землей (цензивой). Другие были *крепостные* (во Франции serfs): будучи связаны с землей, они не могли уйти с нее; но в силу обычая и их нельзя было отдать без земли, у них нельзя было отнять землю. У крепостных крестьян было два рода повинностей на владельца. Во-первых, они были обязаны отбывать *барщину*. Это значит—около Пасхи пахать и сеять на господской земле; к Иванову дню косить и везти сено в господский сарай; в августе жать и везти хлеб в господский амбар. Они должны были также возить господину дрова из леса, камень для стройки, приготовлять известь и исполнять работу каменщиков, чинить дороги и мосты. Во-вторых, они были обязаны платить *оброк*. Это значит, что с крестьянских полей часть хлеба шла в пользу господина; эту долю, снопами, крестьяне должны были отвезти прежде всего на господский двор, хотя бы их хлеб в это время стоял в поле под дождем и ветром. Затем крестьянин отдавал часть приплода: на Рождество Богородицы—поросят, в Святки—кур, на Пасху—ягнят.

Помимо того крестьяне платили по разным поводам. Господин мог взять с каждой семьи особый налог, талию (taille) что значит метка, или надрез ножом на бирке старосты, собиравшего взносы. В качестве верховного судьи окрестных крестьян, господин получал плату с тяжебщиков и штрафы с осужденных, хотя сам не судил. Все крестьяне, свободные и крепостные, обязаны были также платить *десятину* церкви, т.-е. снабжать духовенство хлебом и приплодом скота.

Господин жил даровой работой крестьян и их приношениями, но также должен был делиться с ними и подчиняться одинаковым с ними порядкам хозяйства. Все земли, и господина, и крестьян, входили в состав одной *общины*. Это значит, во-первых, пахотные участки господской земли лежали узкими полосами впере-

межку с крестьянскими; вследствие этого все хозяева должны были одновременно сеять озимое или яровое или оставлять землю под пар. Далее, осенью, когда жатва была собрана, с поля снимали изгороди, и оно все без различия участков обращалось в общее пастбище для крестьянского и господского скота. Этой пастьбой удобряли вместе с тем поле для нового посева. Наконец, все хозяева, принадлежавшие к одной общине, могли одинаково пользоваться известными угодьями; в Германии эти угодья назывались *альмендой*, т.-е. общим достоянием. Таковы были, кроме пастбищ, леса и луга; в лесу всякий член общины мог рубить деревья на топливо и для стройки.

Когда владение магната, епископа или монастыря было велико, владелец поручал *вилликам* (приказчикам) собирать взносы с крестьян, взыскивать с крепостных работы и иметь за ними надзор. Виллик (по-немецки Meier) был сам часто крепостной, получал участок больше крестьянского и в виде награды удерживал часть предметов, которые собирал на господина. Из различных лиц, служивших в управлении у господ, составлялся разряд *министериалов*.

Общие черты быта X—XII в.в. Бароны и рыцари, люди грубые и неразвитые, не имевшие над собой власти, скучали в мирное время без дела, заводили между собою усобицы или мстили за обиды и делали друг к другу враждебные наезды. Это считалось особым *правом частной войны*. От таких наездов больше всего страдали крестьяне; барон старался испортить врагу посевы, угнать стада. Мелкий рыцарь устраивал засаду в лесу, на опасной переправе, нападал на купцов и брал себе долю их товара. Разорительно было для крестьян и господское *право охоты*. Охота сеньера со свитой составляла как бы остаток бродячего быта старины; всадники и звери топтали нивы и луга, точно и не существовало земледелия. Крестьянам воспрещалось не только охотиться в лесу, но даже прогонять дичь со своих полей и убивать ее, когда она уничтожала их посевы.

Деревни были по большей части жалки. Множество крестьян жило в курных избах; вместо окон были отверстия, затыкавшиеся сеном. Знали очень немного посевных растений и не умели удобрять землю. Оттого бывали часто неурожаи: часто по большим областям проходил страшный голод: народ вымирал от недостатка пищи или кормился травой, кореньями, падалью, доходил до людоедства: выкапывали покойников или убивали живых. Оттого за голодными годами следовали жестокие заразные болезни, уносившие множество народа. Население тут возрастало, по временам даже уменьшалось.

При этих условиях жизнь целые века оставалась бедной и однообразной.

7. Германия и Италия в X и XI в.в.

Саксонские короли. Между Германией и Италией были оживленные сношения: странствующие купцы везли из Византии и мусульманских стран тонкие ткани, оружие, пряности и другие товары, направляясь через Альпы по Рейну к Северному морю: обратно с севера двигались к итальянским святыням, особенно в Рим, многочисленные богомольцы; в свою очередь из Рима приезжали в Германию

папские послы, или *легаты*. Наконец, с севера из-за Альп приходили с большими свитами вассалов германские короли, чтобы добывать себе корону Италии.

Когда прекратилась в Германии династия Каролингов, крупные сеньеры стали выбирать королей из своей среды. Выбранный король старался закрепить власть за своей семьей и обыкновенно добивался, чтобы при его жизни сеньеры избрали и короновали его старшего сына. В течение ста лет (919—1024) королями были герцоги *Саксонии*,—страны, которая была ближе всего к границе с венграми и славянами. Король Генрих I, прозванный Птицеловом, все правление свое провел в борьбе со степняками, стараясь загородиться от набегов постройкой бургов на границе.

Другие герцоги, баварский, швабский, франконский, и вообще крупные вассалы плохо повиновались королю. Чтобы иметь опору против них, сын Генриха, Оттон I, обратился к помощи епископов и аббатов больших монастырей. *Прелатам*, т.-е. крупным духовным лицам, он раздал в управление обширные земли, которые урезывались во владения герцогов. Земли эти лежали большею частью в самой населенной части Германии, вдоль торгового пути по Рейну; здесь находилось и большинство городов, частью сохранившихся от римских времен: Кельн, Майнц, Страсбург. Духовенство, заправлявшее через приказчиков имениями и службой вассалов, обязано было выставлять королю военные отряды, итти во главе их, привозить провиант или кормить из больших запасов в замках свиту короля и его войско во время передвижения. Вступая во владение землями и замками, клирик приносил королю вассальную присягу и получал от него *инвеституру кольцом и посохом*; без этого условия нельзя было и сделаться епископом. При выдаче должностей король старался соблюсти выгоду: от клирика требовали взноса вперед за те доходы, которые он должен был получить, и епископское место продавалось тому, кто больше даст.

Священная Римская империя. Для того, чтобы иметь силу над духовенством, германский король старался завладеть *церковной столицей*, Римом. Оттон I вмешался в споры итальянских герцогов из-за королевского титула, перешел с войском через Альпы, венчался железной короной Италии в ломбардской столице Павии и направился в Рим.

В это время папская власть очень ослабела. Папы розгали вотчину св. Петра вассалам, и владетели крупных имений кругом Рима стали проводить на папский престол своих родственников, особенно младших сыновей. Между родами сеньеров поднимались жестокие усобицы: одних пап свергали противники, другие сами участвовали в убийствах. Одного из пап X века зарезали, другого задушили в тюрьме, третий убил двух пап, своих соперников; его самого умертвили и кинули у подножия старой императорской статую на Капитолии. Папами становились светские люди, любители охоты и попоек: один из сеньеров провел на папский престол своего сына, 12-летнего мальчика.

Вступив в Рим, Оттон обещал восстановить церковь и вернуть ей земли св. Петра; за это папа должен был возложить на него императорскую корону (962 г.). Произошло новое восстановление священной Римской империи, полтораста лет спустя после Карла. Империя была теперь меньше на одну треть, в нее не входила Франция.

С этого времени германские короли в течение четырех столетий повторяли путь Оттона. Почти каждый из них, будучи избран съездом князей и епископов в Германии, собирал вассалов и предпринимал *римский поход*. Свита и войско двигались через проход Бреннер в восточных Альпах. Германский король завоевывал себе итальянское королевство и спешил в Рим короноваться императором. При коронование совершался ряд церемоний, смысл которых был тот, что власть императора — святая охрана над всем христианским миром. В Риме короля встречали народ и духовенство. У лестницы собора св. Петра он сходил с коня и поднимался на паперть, где его ждал папа. Король давал клятву охранять церковь и целовал у папы ногу. Оба они опускались на колени у входа на круглом порфировом камне, вделанном в пол, и король произносил символ веры. В папской ризнице он одевался в церковное платье, и папа служил с ним обедню. Затем папа надевал королю золотое кольцо, опоясывал его мечом и венчал короной Карла Великого.

Сначала императоры имели явный перевес над папами. Оттон потребовал, чтобы папа, выбранный в Риме, получал утверждение не раньше, чем принесет присягу германскому королю. Такую же власть над папами взяли короли следующей, *салической*, или *франконской* династии (из сеньеров Франконии 1024—1125 г.г.). Они завладели еще Арелатом, или Бургундским королевством, и держали в своих руках все альпийские проходы и дороги в Италию. Наибольшего могущества достигла власть императора в середине XI века, в лице Генриха III франконского, который низложил папу, купившего себе сан у предшественника, осудил двух соперников низложенного и затем возвел одного за другим трех германских епископов на папский престол. После смерти Генриха III (в 1056 году) в малолетство сына его Генриха IV положение переменилось. При папском дворе и на папском престоле появились энергичные люди, исполненные желания высоко поднять церковь над остальным обществом. Они принадлежали к новому строгому монашеству.

Клюнийское движение. В начале X века был основан в долине р. Соны французский монастырь Клюни. Суровый устав «черных монахов» распространился по множеству обителей, частью старых, частью вновь основанных клюнийцами. Все эти монастыри принимали аббатов (игумнов) от архиаббата Клюни и подчинялись только папе, минуя епископов и светскую власть.

Клюнийцы старались повлиять на нравы окружавшего их грубого общества. Тяжелые бедствия, голодовки, повальные болезни вызывали у множества людей веру в близкую кончину мира. Разделяя эту веру, монахи требовали, чтобы люди достойно приготовились к концу и прекратили взаимную злобу и непрерывную распрю. Но истребить вовсе феодальные усобицы считали тогда невозможным. Поэтому сторонники мира старались склонить баронов и рыцарей к устройству союзов, члены которых воздерживались бы от войны, по крайней мере в сроки, особенно чтимые церковью: во время поста или больших праздников или в известные дни недели для того, чтобы провести благочестиво субботу и воскресенье. Такие сроки, когда складывалось оружие, назывались «божьим перемирием». Клюнийцы требовали полной перемены в быту духовенства. По их мнению, епископы и аббаты вместо того, чтобы служить мирским интересам, считать доходы, командовать войсками и жить в роскоши, должны были бы отличаться монашеской чистотой нравов, отречением от зем-

ных благ. Всего больше ревнители возмущались покупкой духовного сана, которую они называли *симонией* (от имени Симона Волхва, который, по словам Деяний, хотел купить у апостолов дар творить чудеса).

Мыслями клюнийцев о реформе церкви был увлечен благочестивый император Генрих III. Последний из назначенных им пап, Лев IX, его близкий родственник, был также горячий сторонник реформы. По при папском дворе скоро выдвинулись другие, непримиримые клюнийцы, которые хотели освободить церковь от всякого подчинения светской власти. Между ними был Гумберт, который, в качестве папского легата, привез в Константинополь в 1054 г. послание, проклинавшее восточную церковь. Он считал главной причиной порчи церкви власть императора и был уверен, что Генрих III после смерти осужден на мучения в аду. В сочинении о симонии Гумберт говорил,что император, короли и князья торгуют достоянием церкви.

Реформа церкви. Эти мысли стал проводить в жизнь монах Гильдебранд, сын тосканского крестьянина, взятый в Рим папой Львом IX по рекомендации аббата Клюни. После смерти Генриха III и Льва IX Гильдебранд выдвинулся на первое место при папе. В течение 15 лет при двух папах он заправлял делами.

По взгляду Гильдебранда, справедливость в мире может быть установлена только при безграничном господстве Рима и папы. Епископы—лишь исполнители воли папы; смиренными поездками в Рим должны они выказывать полную преданность свою. Престол св. Петра все может вязать и решить; он может уничтожить силу всякой присяги. Папа—верховный правитель в свете, короли обязаны безусловно слушаться его, германский император должен стать вассалом папы. Отлученный папою король—не государь более; как пепел и солома развеет папа его силу по ветру.

Чтобы освободить папу от подчинения императору, Гильдебранд предложил допускать к выбору пап только *кардиналов*, т.-е. ближних епископов римской области и священников главнейших римских церквей. О каком-либо участии императора не упоминалось. Чтобы удержать этот порядок, папе нужно было снова стать господином вотчины св. Петра и сломить местных сеньеров. Папе помогли французские норманны, завоевавшие у греков и сарацин Сицилию и южную Италию. Сначала норманны были малопочтительны к св. престолу и взяли в плен папу Льва IX. Но его преемник, по совету Гильдебранда, помирился с ними и утвердил за ними завоеванную землю. Затонорманны принесли папе вассальную присягу и обязались помогать римской церкви против всякого ее врага; при выборах папы они обещали стоять за избранника кардиналов.

Гильдебранд готовил еще одно важное изменение в быту духовенства. До тех пор почти все священники были женаты. Семьи привязывали клириков к месту; они старались увеличить свои имущества, чтобы обеспечить детей, нередко передавали им свой сан, из страха потерять владения искали расположения светской власти. Гильдебранд считал нужным ввести *безбрачие* и бедность священников, чтобы церковь была свободна от подчинения светской власти. На соборах провозгласили обязательное безбрачие священников, а затем папы начали требовать смещения женатых клириков.

Народ принимал в этом деле горячее участие. В северной Италии поднялось несколько торговых и промышленных городов, разбогатевших продажей византийских товаров и производством сукна. В многолюдном Милане началось сильное восстание против архиепископа, который вместе с духовенством отказался повиноваться папе. Мелкие рыцари, ремесленники, купцы, недовольные поборами духовенства, соединились около проповедников, которые требовали от клириков евангельской чистоты и громили богатых и семейных священников, купивших свой сан. Возбужденная толпа врывалась в дома священников, выгоняла их, отнимала имущество. Гильдебранд стал на сторону восставших. В Милан приехал папский легат для суда над архиепископом. Он должен был торжественно отказаться от симонии и брака священников и принести присягу св. Петру.

Первая борьба папства в империи. Когда Гильдебранд сделался сам папой под именем Григория VII (1073—1085), реформа церкви стала еще решительнее. Папа выразил требование, чтобы никто из духовенства не смел принимать инвеституру от светских властей.

Все предшествующие перемены были проведены в малолетство Генриха IV, сына Генриха III; королевская власть не мешала папе. Но теперь король вырос и хотел властвовать; епископы в его глазах были чиновники, которых он назначал по давно утвердившемуся обычаю. Генрих IV нашел постановление папы об инвеституре неслыханным нарушением королевских прав. В Вормсе (на Рейне) он созвал собор, который низложил „лжемонаха Гильдебранда". В ответ на это Григорий VII собрал в Риме французских и итальянских прелатов, объявил Генриха лишенным власти короля и разрешил всех его подданных от присяги верности.

У Генриха было много врагов между князьями; особенно раздражены были против него в Саксонии, которую он разорил постоями двора и свиты своей. Недовольные королем германские вассалы собрались на съезд и низложили Генриха. Королю оставалось только искать примирения с папой. Он спешно зимой, почти без спутников, поехал через занесенные снегом Альпы просить прощения у папы. Григорий находился в крепком замке Каноссе (в Тоскане); он не хотел сначала принимать короля и заставил его прождать несколько дней перед запертыми воротами. Наконец, он смягчился: в одежде кающегося Генрих простерся перед ним, и папа простил его.

Но Генрих опоздал. В Германии уже выбрали другого короля в присутствии папских легатов. Вернувшись, Генрих снова потребовал на соборе низложения Григория и выставил со своей стороны нового папу; разгромив своих противников и их избранника, он двинулся с войском за Альпы. Промышленным городам северной Италии он дал важные вольности, и они стали на его сторону. Наконец, Генрих вместе со своим папою вступил в Рим и короновался императором. Город разделился на два укрепленные лагеря: в замке св. Ангела держался Григорий VII, а папский дворец (Латеран) и собор св. Петра были в руках императора; на извилистых узких улицах происходили жестокие побоища. Германские воины уже взяли Капитолий; в это время на помощь папе явились его союзники, норманны южной Италии. Они освободили Григория VII, но разорили вместе с наемными сарацинами Рим; папа должен был бежать в их владения и скоро умер с тяжелою мыслью о крушении своего дела.

Генрих IV пережил Григория VII на 20 лет. Но преемники властного папы не сняли с императора отлучения, и со смертью главных противников борьба не прекратилась. В конце долгого правления Генриха IV папа поднял против старого государя его сына. Но и новый император, Генрих V, стал действовать, как его отец, продолжая назначать епископов. Наконец, князья выступили посредниками и добились примирения между императором и папою. После долгих переговоров обе стороны приняли *соглашение в Вормсе* (1122 г.). Император отказался от назначения епископов и аббатов; избрание прелатов предоставлено было самому духовенству; симония была осуждена. Инвеститура как бы разделялась надвое: император уступил папе посвящение кольцом и посохом, т.-е. утверждение в духовном сане, но сохранил за собой передачу скипетра, т.-е. утверждение епископа или аббата в светском владении, за что клирик попрежнему приносил вассальную присягу.

По этому соглашению духовенство осталось на службе светского государя. Но вместе с тем ясно было признано, что клирики принадлежат еще к особой великой общине, которая поднимается над границами государств, имеет свои законы и свою церковную власть. Поэтому папа торжествовал победу и велел написать текст вормского договора на стене своего латеранского дворца в Риме.

IV. Города, папство и крестовые походы.

8. Возвышение городов.

Торговля в Европе до 1100 г. Со времени распадения старой Римской империи в V и VI в.в. огромное большинство населения средней Европы жило в деревнях, хуторах и помещичьих дворах. Городов осталось немного: большею частью это были приморские гавани на берегу Средиземного моря (Венеция и Амальфи в Италии, Марсель во Франции) или старые римские крепости, ставшие епископскими замками (Майнц, Кельн).

Городов было мало потому, что слаба была торговля и незначительно ремесло, работавшее на сбыт. Покупали редкие и дорогие товары только богатые люди, а везли их издалека чужие странствующие купцы, евреи и сирийцы. Эти купцы соединялись для взаимной защиты в большие караваны; они посещали местопребывание короля, когда он вызывал к себе вассалов и собирал ополчение, или являлись на крупные церковные праздники близ важных святынь, которые привлекали множество богомольцев и сопровождались большим торгом. Ярмарки эти были соединены с торжественными службами и отпущением грехов и назывались поэтому мессами, т.-е. обеднями.

Ремесло на сбыт и постоянные рынки. Около 1100 г. в большей части западноевропейских стран становится заметна перемена. Население сильно увеличилось. Лишним людям надо было или уходить на новые места, или на старых местах искать новых источников пропитания. Такими средствами жизни оказались два производства:

металлическое и *мануфактурное*. Когда вошло в обычай новое тяжелое вооружение рыцарей, целые округа по Рейну занялись оружейным делом. В то же время шерстяной костюм стал вытеснять старинную германскую одежду, состоявшую из льняной рубашки и меховой накидки или овчины (так одевался еще Карл Великий). «Овца победила лен», говорится в стихах одного ученого аббата. Главными местами постоянного производства стала Фландрия (область фламандцев по р. Шельде) и северная Италия, особенно Милан и Флоренция.

Усиление нового ремесла повело к расширению торговли. Фламандские ткачи стали покупать сырую шерсть из Англии; в обмен за изготовленные ими материи, которые отправлялись по Рейну и другим рекам в Германию и Францию, к ним везли с юга вино и предметы питания.

Новое ремесло было не похоже на старинное, когда крестьяне работали зимою по деревням и господским дворам. Теперь это было сложное занятие, сплошное на целый год; работники уже не могли ходить в поле и должны были покупать себе припасы. В новом деле появились разные усовершенствования: самопрялка, валяльная машина, и надо было приобрести особое мастерство в приемах. Работу приходилось также разделить между несколькими лицами: в шерстяном производстве образовались разряды валяльщиков, шерстобитов, прядильщиков, ткачей и красильщиков; шерсть проходила через 10 рук, пока не обращалась в годную для одежды материю. Вследствие этого большое количество рабочих скоплялось в одном месте, и образовались особые ремесленные поселки.

Старые ярмарки, собиравшиеся в редкие сроки и в немногих местах, стали недостаточны для сбыта многочисленных предметов ремесла. Надо было устроить рынки более частые и повсеместные.

Для устройства постоянного рынка нужно было согласие местного сеньера: короля, графа, епископа, аббата. Часто сеньер сам устраивал рынок, отводил для него особое место около своего укрепленного замка и позволял вывести гостиный двор. Особой грамотой он разрешал известной части своих вилланов «заниматься делом продажи», вместо того, чтобы «ежедневно служить» (т.е. нести барщину). Сеньер получал выгоду от рынка: он собирал с торгующих взносы за пользование лавками, его область привлекала больше приезжих, плативших ему пошлину. Поэтому он давал обещание охранять людей, собиравшихся на рынок, от грабежа и насилия; в знак этого на площади ставился шест со шляпой, перчаткой или крестом наверху, или каменная фигура вонтеля, в Германии статуя так наз. Роланда.

Под охраной господского замка или укрепленного монастыря садился разнообразный промышленный люд: ремесленники для того, чтобы прямо из мастерских, «через окна», сбывать свои произведения, купцы—чтобы торговать местными и привозными товарами. Так возник во Фландрии *Брюгге*: рынок его начался с торга у моста при городской крепости (Брюгге значит мост). С жителей торгового поселения сеньер мог собрать сразу большие, точно определенные взносы, что было ему выгоднее, чем взыскивать множество разнообразных мелких повинностей с сельских людей. Располагая деньгами, торговые обыватели могли, в случае нужды, выручить своего сеньера, напр., выкупить его из плена или помочь ему снарядиться на войну. Генрих IV, собираясь в римский поход против папы Григория VII, решил взять с

торговых поселений в Германии «большие деньги», чтобы «купить римлян», т.-е. добиться императорской короны. Поэтому сеньер давал торговым людям разные льготы: уменьшал штрафы, облегчал тяжелую военную повинность, предоставлял им *личную свободу*, т.-е. позволял свободно переезжать и жить, где угодно, позволял свободно распоряжаться своим имуществом.

Разросшись, большая торговая слобода могла окружить себя стеной; вместе с промышленниками в ней садились рыцари, привлеченные разными выгодами; тогда из предместья перед замком она обращалась сама в защищенный *город* (бург). Население города стало выделяться особым именем (*бюргеры* в Германии, *буржуа* во Франции). С конца XI в. города в средней и южной Европе быстро увеличиваются в числе и растут по своим размерам. Иные из них—римские города, которые возобновились и расширились: Лион, Бордо, Париж, Милан, Кельн, Лондон. Другие возникли из епископских замков: Магдебург, Базель, Женева. Третьи основаны совсем заново и поднялись вследствие торговли: Брюгге, Гамбург, Любек.

Гильдии и коммуны. У зажиточных и самостоятельных городских жителей возникало желание совсем отделиться от своих сеньеров, князей или епископов. Особенно это заметно в городах северной Франции и Германии, лежавших на устьях судоходных рек и разбогатевших сбытом металлических и шерстяных изделий. Здесь купцы составляли союзы для взаимной охраны, похожие на военные дружины; они назывались *гильдии, ганзы, коммуны*. При вступлении в союз произносили таинственные клятвы; по старинному языческому обычаю члены союза сходились на большие шумные застольные беседы. Они обязывались защищать друг друга вооруженной силой в совместных торговых поездках. Под начальством особого капитана, или графа ганзы, в кольчугах, стройным отрядом, выезжали они с товарами: кто был без должного оружия, платил штраф.

В тех городах, где союз купцов был очень силен, он становился во главе горожан. Весь город поднимал общий клич «составить коммуну»; все горожане вступали тогда в союз и скрепляли его присягой. Это вызывало всегда жестокий отпор со стороны сеньера; поднималась война.

В северно-французском городе Лане (Laon) горожане возмутились против своего епископа, человека жадного и жестокого. За большую сумму денег епископ допустил коммуну, и король Людовик VI, тоже за деньги, утвердил ее. Но когда король приехал в город, епископ задумал нарушить обещание. Горожане предложили королю опять денег и просили сохранить коммуну, но епископ дал больше: король отменил коммуну, однако, бежал из города в страхе перед мятежом. Действительно, горожане восстали; они закрыли лавки и подняли крик: «Коммуна! коммуна!» Епископ презрительно думал, что простонародье ничего не добьется; но мятежники на другой день подступили к его дворцу, убили епископа и бросили труп на площади; потом они кинулись истреблять клириков и рыцарей и жечь их дома. Скоро, однако, наступило мщение со стороны побежденных: рыцари, вассалы епископа, взяли город, предали зачинщиков злой смерти, а ворвавшиеся крестьяне разграбили дома горожан. Лишь несколько лет спустя жители Лана добились от нового епископа уступок.

Но во многих местах города силой или уплатой большой суммы приобретали от сеньера грамоту, которая давала горожанам свободу. Во главе города-коммуны

стоял выборный старшина, или *голова* (во французских городах *мэр*); он правил вместе с *советом присяжных*, в числе 12 или более, которые выбирались горожанами. Коммуна становилась небольшой республикой. На рыночной площади ее строили здание *думы*; над ним высилась колокольня, похожая на замковую башню сеньера; сторожа на башне озирали окрестность и били в набат, когда видели что-нибудь тревожное; большой колокол созывал граждан к оружию, а присяжных призывал на совет. Решения совета скреплялись городской печатью, на которой был изображен городской голова на коне в вооружении феодального сеньера.

Независимость городов. Возвышение незнатных промышленных людей поражало современников и раздражало высшие классы. Церковный писатель начала XII в., державший сторону сеньеров, называет самое имя коммуны «новым, ненавистным словом», под которым кроется освобождение бывших рабов.

Одновременно с северными коммунами добились свободы многие города южной Франции и Италии (Арль, Марсель, Милан, Болонья, Генуя, Венеция). В этих странах горожанам не приходилось отбиваться от сильных сеньеров. В Италии императоры поддерживали мелких вассалов против крупных сеньеров; рыцари нередко жили в городах, искали в городских стенах защиты против сеньеров и соединялись с промышленными людьми. Города эти разбогатели от широкой заграничной торговли: с упадком Византии рынок восточных товаров стал переходить в северную Италию и южную Францию, а итальянские купцы, в свою очередь, начали ввозить иностранные товары и свои итальянские мануфактуры на север за Альпы. Во главе итальянских городов стояли выборные *консулы* из рыцарей и богатых промышленников, числом от 2 до 12. В Венеции и Генуе вместо нескольких сменявшихся консулов избирался пожизненно один *дож* (dux, т.-е. начальник, князь).

Лишь немногие города добились полной самостоятельности. В большинстве городов не было ни выборных старшин, ни совета: судил и смотрел за порядком приказчик того сеньера, на земле которого был город. Так были устроены Париж и Орлеан, находившиеся на земле, где сеньером был сам французский король. Но все-таки и эти города имели большое преимущество перед деревнями. Их жители за известный правильный взнос откупались от крепостной барщины на сеньера; вследствие этого они назывались *вольными*. Сеньеры очень хлопотали о том, чтобы привлечь горожан льготами, превзойти уступками других сеньеров, своих соперников, и переманить их крепостных к себе. Во многих грамотах, которые давались горожанам, значилось следующее условие: «Если крепостной проживет (в таком-то городе) *год и день* и за это время никто на него не предъявит своего права, он получает навсегда полную свободу». В Германии сложилась поэтому поговорка: «Городской воздух дает свободу».

Городской строй. Весь порядок жизни города был непохож на сельский. Так же, как купцы соединялись в гильдии, и ремесленники сплачивались в товарищества, которые назывались *цехами*. Так как количество покупателей было ограничено, и лишний товар было трудно продавать, то собственный интерес мастеров каждого ремесла заставлял их держаться вместе: если бы они стали соперничать и сбивать друг другу цену, это погубило бы их. Поэтому мастера в каждом цехе зорко следили, чтобы в их среде было равенство, чтобы никто не держал больше рабочих, чем другие, чтобы

никто не имел большего количества материала и не работал больше времени на дню. Во всяком ремесле мастера творили суд над товарищами во всем, что касалось изготовления вещей. **Всякий, кто хотел заняться известным ремеслом, должен был просить** принятия в цех; мастера требовали от новичка доказательства своего искусства, «пробной работы». Члены каждой гильдии и цеха составляли *особое* тесное братство, чтили особого святого, имели свой придел в церкви; соединяя языческие и христианские обычаи, «братья» сходились в торжественные дни на трапезы и попойки и отслуживали по умершим сочленам поминания.

Город держал ремесленников в строгом порядке и, как прежде сеньер или епископ, требовал от всех своих жителей поставок и барщины на общую пользу: между ремеслами была распределена работа по постройке и чинке городских стен и крепостных рвов, по приготовлению оружия и продовольствия. Городской совет ставил над каждым цехом начальника; подчиненные ему ремесленники составляли особый отряд в городском ополчении. Большое значение получил цех каменщиков, особенно с тех пор, как каждый значительный город старался выстроить у себя крупный собор *готического стиля*. Все горожане принимали горячее участие в этой работе, длившейся долгие годы, иногда занимавшей время нескольких поколений. Богатые и бедные жертвовали от своего достатка на приобретение материала, на вознаграждение массы искусных рабочих; огромное сооружение требовало от мастеров большой художественной изобретательности и трудных вычислений. Готические соборы стоят памятником необычайной силы творчества и одушевления старинных горожан.

9. Крестовые походы и папская власть.

Начало крестоносного движения. Лишь часть населения средней Европы нашла себе занятие и пропитание в новых городах. Другая часть должна была выселяться далеко за пределы старой родины.

Уже в XI в. уходили большие массы *рыцарей* и *крестьян* для приобретения новых поместий и земледельческих наделов. В многодетных рыцарских семьях того времени бывало по 8, 10, 12 сыновей; хотя часть их уже с детства предназначалась в монахи, но все же оставалось много наследников; иных вовсе обделяли. Из числа людей, лишенных земли, составлялись дружины, которые нанимались к завоевателям новых областей. Так, французские рыцари, частью нормандцы, завладели Англией; из той же Нормандии многие ушли на юг и отняли у византийцев южную Италию, а у сарацин Сицилию. Подвижные норманны и здесь не успокоились: Роберт Гюискар, вассал папы, союзник Григория VII, затеял войну с византийцами на самом Балканском полуострове.

В этом движении приняли видное участие *города*, лежавшие у Средиземного моря, особенно северно-итальянские—Венеция, Генуя, Пиза. Города эти, получая восточные товары через посредство Византии, не имели доступа в мусульманские страны. Они искали прямых сношений с Востоком, хотели занять опорные пункты на *Леванте* (стране восхода), т.-е. на берегах Малой Азии и Сирии.

Люди в то время легко уверяли себя, что их предприятия служат исполнением божией воли. Вильгельм Нормандский, отправляясь на завоевание Англии, испросил

у папы священное знамя. Если война велась с неверными, с язычниками, с мусульманами, она принимала в глазах воюющих священный характер; они считали ее борьбой за торжество Христовой веры по всему лицу земли. Война становилась тогда подвигом во имя Христа, несением его мученического креста. В знак этого участники похода пришивали крест к знамени, к платью, выжигали его на теле. Среди таких подвигов один казался особенно важным—приобретение той земли, где пострадал Спаситель.

Святые места Палестины, особенно Иерусалим, где был гроб Господень, привлекали издавна много богомольцев с Запада. Богомолье это само по себе казалось большим подвигом: оно требовало далекого странствования по морю; оно было сопряжено с опасностями, когда власть арабов в Сирии сменилась господством более суровых турок. Поэтому благочестивые и неукротимые норманны, отправляясь ко гробу Господню, соединялись для взаимной охраны по несколько тысяч. От таких вооруженных странствований было недалеко до мысли снарядить целое европейское общехристианское ополчение, чтобы разгромить мусульман и приобрести навсегда святыню. Священная война по своей цели совпадала с промышленными стремлениями городов и с сильным желанием рыцарей и крестьян приобрести новые земельные владения и наделы. Из соединения тех и других побуждений произошли *крестовые походы,* которые занимали европейцев особенно в XII веке (точнее от 1095 г. до 1204 г.).

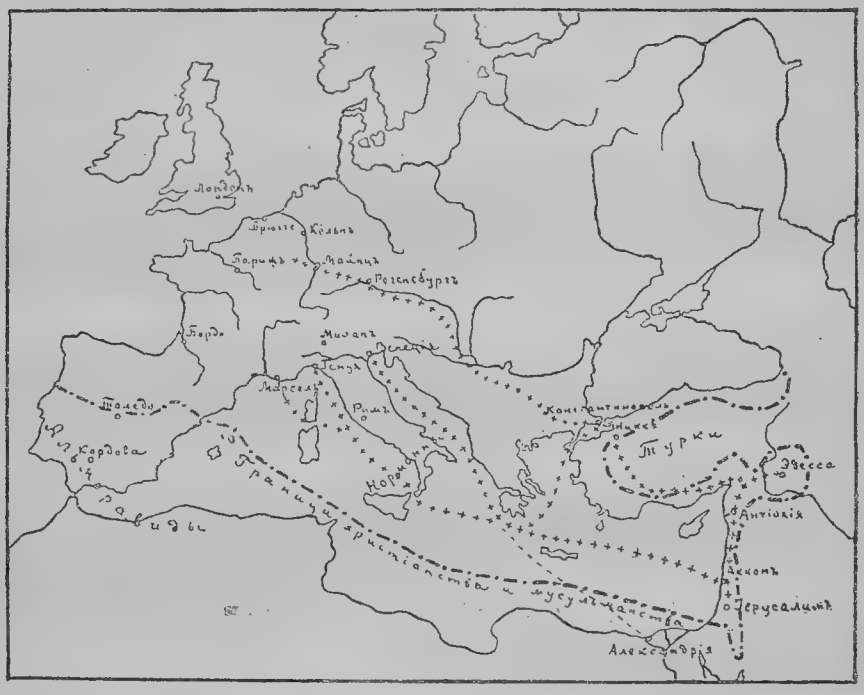
Первый крестовый поход. В конце XI века в Европе воинственное настроение сильно возросло, особенно под впечатлением успехов мусульман, надвигавшихся с двух концов христианского мира. Сельджукские турки отняли у Византии всю Малую Азию, т.-е. главную часть империи, и грозили Константинополю; из столицы были видны на другом берегу кибитки турок, обтянутые верблюжьими шкурами. Византийский царь Алексей Комнин обратился к западным христианам с просьбой оказать ему помощь против неверных. В это же время христиане в Испании, успевшие отвоевать половину острова, потерпели сильное поражение: из Африки пришли новые массы ревностных мусульман, *Альморавиды,* и христиане были снова оттеснены к северным горам.

Руководство священной войной взяли папы, считавшие себя в это время верховными владыками всего христианского мира. Преемник Григория VII, папа Урбан II, француз по происхождению, созвал в 1095 г. в *Клермоне* собор, на котором выступил с проповедью крестового похода перед духовенством и громадной толпой народа, собравшейся в поле. С восторженными криками: «Так хочет Бог!» приняли крест массы людей духовных и светских, священников и монахов, рыцарей, горожан, и крестьян. Папа обещал им всем благословение церкви, освобождение от мук чистилища, прощение долгов и охрану имущества во время их отсутствия. Дело, начатое папою, продолжали проповедники, отправившиеся в разные концы Франции, Италии и Германии вербовать новых крестоносцев. Изображая яркими красками святость религиозного подвига, они не забывали описать плодородие восточных земель, обильную добычу, богатства и удобства жизни на Востоке.

Собрались две очень различные массы ополчений. Одна была составлена из простого народа, плохо вооруженного, не имевшего припасов, под начальством про-

поведника Петра Пустынника и бездомного рыцаря Вальтера Голяка. Эта масса шла из Германии и Франции сухим путем в Константинополь. Крестоносцы вынуждены были жить грабежом; большая часть была истреблена по дороге венграми и болгарами, через владения которых они проходили, и не дошла до Константинополя.

Другая группа состояла из рыцарских отрядов (с семьями и слугами) под начальством крупных сеньеров. Главная масса рыцарей была из Франции, северной и южной; в Италии поднялось множество норманнов по зову сына Гюискарова, Богемунда. Часть крестоносцев двинулась в Италию, чтобы морем переправиться в Константинополь, место общего сбора. Итальянские приморские города взяли на себя пе-



Пути крестоносцев и владения их после первого крестового похода.

ревозку войск на судах, а позднее—доставку в Азию, на место войны, припасов, снарядов и пожертвований. В ополчении не было общего предводителя, каждый сеньер готов был действовать на свой страх; бароны и рыцари плохо слушались главных вождей.

Когда ополчения стали сходиться в Константинополе, царь Алексей нашел, что эти союзники страшнее, чем сами турки. Сеньеры отказывались принести ему присягу верности и обещать, что отвоюют для Византии потерянные ею области: Алексей стал собирать наемных турок и славян против них и поспешил переправить крестоносцев в Малую Азию. Крестоносцы взяли обратно Никею, разбили недалеко от нее турок в большой битве и пробили себе путь из Малой Азии в Сирию. Им много помогла взаимная вражда мусульман, владевших Сирией: север принадлежал

суннитам-туркам, а юг с Иерусалимом перед самым приходом крестоносцев отняли египетские султаны Фатимиды, которые держались шиитства.

В течение двух лет тяжелой борьбы крестоносцы завоевали Антиохию, в которой остался Богемунд, Эдессу за Евфратом и города по берегу Леванта. Число их, однако, очень уменьшилось; иные сеньеры, утомленные трудностями войны, ушли обратно в Европу, оставшиеся почти забыли о главной цели похода. Лишь мятеж простых рыцарей заставил Готфрида Бульонского (из северной Франции) итти на Иерусалим. На последнем походе масса христиан бросилась на гору, чтобы скорее увидать святой город. Вид Иерусалима вызвал горячий восторг и громкие рыдания. С верою в чудо, по указанию одного отшельника, жившего на Масличной горе, кинулись крестоносцы на штурм стен. Но их отбили, и осаду пришлось повести правильно при помощи машин, доставленных с моря генуэзцами. Летом в 1099 г. Иерусалим был взят. Победители учинили жестокую резню мусульман на улицах и в большой Омаровой мечети.

Владения крестоносцев на востоке. В Сирии образовались 4 государства крестоносцев, из которых главное было Иерусалимское королевство на юге. В них установились феодальные порядки. Королевство разделялось на сеньерии, баронии и рыцарские лены, с которых требовалась конная служба. На ленах, розданных христианским воинам, работали туземцы, большею частью греко-православного исповедания или христиане-сектанты; они платили оброки и были прикреплены к земле.

Главная доля всего выигрыша в завоевании досталась Венеции и Генуе. За помощь, которую они подавали с моря,—Венеция через год после взятия Иерусалима послала 200 кораблей,—они были освобождены от пошлин в торговле, получили во всех городах целые кварталы с базарами и церквами, а в больших приморских пунктах по трети всего города. Эти владения итальянских республик были совершенно независимы от государств крестоносцев. Итальянские купцы достигли цели. Почти весь ввоз в Европу восточных материй, а особенно пряностей, ценного дерева, красильных веществ, предметов роскоши,—сосредоточился в их руках. Они закупали эти товары прямо с конечных станций восточных дорог, индийских и арабских, и везли на своих кораблях в Европу. От этого усилилась торговля по всей средней Европе. В Венеции образовался обширный склад и торговый дом (*фондако*) германских купцов, приезжавших для закупки восточных товаров и перевоза их на север за Альпы.

Крестовые походы были очень невыгодны для прежних торговцев Европы, *евреев*. Сборы крестоносных ополчений всюду сопровождались жестокими избиениями евреев. Теперь их всюду стали вытеснять христианские купцы. Сеньеры лишили их той охраны, какую давали им прежде. В городах евреев перестали допускать к известным занятиям; поселения их запирали в особый, тесно-скученный квартал (*гетто*).

Положение сирийских крестоносных владений было очень непрочно. Туземцы—мусульмане, евреи и христиане иного толка, чем западные, недоверчиво относились к крестоносцам, легко отпадали или передавались врагам. Но и между пришельцами, которых на Востоке звали *франками* (или по их исповеданию *латинами*) не было единства. Вновь прибывавшие из Европы воители были настроены непримиримо: они враждовали со старыми поселенцами и их потомками (*пуланами*), в которых

видели народ испорченный, принявший восточные нравы. Между тем, мусульмане, захваченные врасплох европейцами, стали оправляться и повели, в свою очередь, священную войну против пришельцев. Среди шиитов появился союз ревнителей веры, которые давали обет беспощадного истребления врагов ислама. Они звались гашишинами (*ассасинами*) от хмельного напитка, которым возбуждались к отчаянным предприятиям; их неприступные замки были построены в Ливанских горах на самой границе христианских владений.

Крестовые походы XII и XIII в.в. Пятьдесят лет спустя после первого похода, когда месопотамские турки взяли Эдессу, передовой пост христиан на востоке, придвинулись к морю и разрезали посредине христианские владения, папа вновь призвал крестоносцев. *Вторым* походом руководили короли германский и французский: оба они вернулись, не достигнув решительных успехов. Еще 40 лет спустя сирийский султан Саладин присоединил Египет и с двух сторон двинул свои силы на Иерусалимское королевство. Султан взял в плен иерусалимского короля, и священный город отошел обратно к мусульманам (1187 г.). После этого в далекий *третий* поход для нового освобождения Иерусалима собрались: германский император Фридрих Барбаросса, завладевший Сицилийским королевством норманнов, а также короли французский и английский. Из них первый погиб в Малой Азии, другой, Филипп II Август, вернулся с берега Сирии, третий, Ричард Львиное Сердце, без успеха воевал с Саладином.

Папы объявляли большие сборы податей на крестовые походы и старались увлечь крупных государей Европы. При вступлении на престол иной король должен был торжественно обещать крестовый поход под страхом папского отлучения, если обещание не будет выполнено. Три раза ходили на Восток германские короли, четыре раза—французские, раз—английский и раз венгерский король. Большие походы оставались, однако, безуспешными.

Настроение в Европе постепенно изменилось. Неудачи в Палестине останавливали колонистов и воинственных богомольцев, а выгоды завоевания богатых восточных государств отклоняли крестоносцев в сторону. В *четвертом* походе 1204 г. итальянские и французские рыцари вместе с венецианцами захватили Константинополь, разграбили его богатства и свергнули туземную династию. На месте Византии была основана *Латинская империя*. Балдуин, граф Фландрский, был избран римским императором; рядом с ним итальянский сеньер сел королем в Салонике: острова и лучшие берега Эгейского моря были отданы венецианцам, которые получили на Востоке полный торговый перевес. В Константинополе, подчинившемся духовной власти папы, был избран латинский патриарх, родом венецианец. Двадцать пять лет спустя в Палестину отправился, по обещанию, данному папе, внук Барбароссы, Фридрих II, император Германии и король Сицилии. Ему удалось, без кровопролития, выкупить Иерусалим у египетского султана Алкамиля; но скоро турки снова и окончательно отняли у христиан святой город (1244 г.). Последнюю попытку отвоевать Иерусалим сделал французский король Людовик IX, прозванный Святым: в 1248 г. французское ополчение двинулось на Египет; но мусульмане заперли крестоносцев среди рукавов Нила, король Людовик был взят в плен, и экспедиция кончилась.

После новой потери Иерусалима у христиан осталась лишь узкая береговая полоса в Сирии с большим портом *Аккон*. В конце XIII века (1291 г.) и эти владения были утрачены. Еще долго, в течение двух столетий, продолжался призыв к крестовым походам. Но воинственное движение на Восток кончилось. Европа выслала огромные массы, которые погибли в войнах или были вытеснены назад. Выиграли только южно-европейские города, особенно Венеция и Генуя. Они завели большие флоты и захватили господство на Средиземном море.

Рыцарские ордена. В крестовых походах сложился *класс рыцарей*. Раньше они были разрознены на службе у отдельных сеньеров; теперь в далеких походах и колониях они стали соединяться в товарищества. Рыцари-крестоносцы вступали в монашеский союз, составляли общину (*орден*), отрекались от семьи и собственности, подчинялись выборному настоятелю (*великому магистру*). Главною целью ордена была борьба с неверными; рыцари обязывались также помогать бедным и больным богомольцам, охранять безоружных на пути к святыням.

Первым образовался в Иерусалиме орден французских рыцарей *тамплиеров*, т.-е. храмовников, так как они сначала помещались на месте, где по преданию был старинный иудейский храм. По их примеру сложились в военный орден итальянские рыцари: они присоединились к более старинной монашеской общине, основанной итальянскими купцами еще до первого крестового похода и устроившей в Иерусалиме госпиталь под покровительством св. Иоанна. Отсюда название ордена *госпитальеры* или *иоанниты*.

Рыцарские ордена получали утверждение папы и были совершенно независимы от государств, среди которых находились их замки и владения. Папа видел в них свою армию, осыпал рыцарей, особенно тамплиеров, льготами и милостями: они получили право давать отпущение грехов, какое имел только папа, совершать богослужение на земле, на которую был положен *интердикт* (отлучение), и даже прощать и хоронить у себя отлученных. Папа так возвеличил «христовых борцов», что к ним устремились огромные благочестивые дарения; дарители думали, что они приобщаются той святой силе, которую проявляют рыцари в крестоносной борьбе.

Подобные же ордена рыцарей образовались и в самой Европе, там, где поднималась война за веру. В Испании возникли ордена для борьбы с мусульманами-маврами. На юго-восточном берегу Балтийского моря, для распространения веры оружием среди языческих литовских племен, был посажен *Тевтонский* (германский) орден. Он был основан в Палестине перед самым взятием Иерусалима; в начале XIII века его перевели в Пруссию, между низовьями Вислы и Немана.

Рыцарская культура. Орденские правила повлияли на нравы всего класса воинов. По старинным песням, воитель заводит дикие ссоры, беспощадно режет и грабит, сожигает беззащитных, забывает клятву и данное слово, распаляется до безумия. Со времени крестовых походов стало развиваться понятие о рыцарской чести. Рыцарь должен оберегать слабого, держать слово и быть верным своему сеньеру, помогать церкви, быть бесстрашным и никому не давать себя в обиду. Рыцари все как бы входят в великое *идеальное братство* всей христианской земли. Их соединяют особые учреждения и обряды.

В рыцари можно было вступить лишь чрез посвящение: оно давалось или за особые заслуги на поле битвы,—так король посвящал часто министериалов—или его получали сыновья феодальных владельцев после особого военного воспитания. Чтобы приготовить будущего рыцаря, мальчика рано отдавали на службу ко двору сеньера; с 15 лет он становился конюшим, *оруженосцем* рыцаря-покровителя, следовал за ним повсюду, в битве стоял рядом с конем рыцаря, держал его щит, подавал запасное оружие и вместе бился. При достижении 21 года военный слуга получал полное вооружение. Накануне посвящения он постился в церкви, исповедывался и причащался. Посвящавший рыцарь, перед которым он становился на колени, давал ему «последний удар» ладонью по лицу или мечом по спине.

Где сходилось много рыцарей, устраивались *турниры*, военные состязания перед большой публикой. Рыцари выезжали в шлемах, закрывавших лицо: их узнавали и называли по каким-либо рисункам (*гербам*) на щите или знамени, например, по изображению льва, дракона, павлина. В виде приза победитель брал вооружение противника или ценой победы становилась потеря свободы, которую приходилось выкупать денежной суммой. Многие бедные рыцари добывали себе таким способом достояние, переходя из одного замка, от одного турнира к другому: это—рыцари странствующие, искатели приключений.

Рыцарские понятия смягчили грубые феодальные взгляды на женщин. Сеньер часто насильно выдавал наследницу лена, девушку или вдову, чтобы вознаградить какого-нибудь вассала новым наделом, иногда сдавал невесту с аукциона тому, кто больше заплатит за лен. В среде рыцарей, женам и вдовам которых приходилось защищать замки, ободрять и воодушевлять воюющих или итти самим в крестоносный поход, сложился другой взгляд: уважение к женщине и нежные заботы о ней. При дворах, где собиралось много рыцарей, преклонение перед женщиной приняло особый вид служения даме; рыцарь приносил своей даме присягу вассала и в честь нее совершал подвиги.

В рыцарских песнях возвеличивались идеальные чувства рыцаря, особенно его любовь к даме; в стихотворных и прозаических повестях изображались в сказочной форме приключения, страдания и победы идеальных рыцарей. Эти поэмы назывались *романами*, так как в отличие от ученой и церковной *латинской* литературы они были составлены на разговорном романском языке. Авторы их были рыцари и назывались *труверами*, т.-е. сочинителями (в южной Франции *трубадурами*). Исполняли их переходные музыканты и сказатели. *менестрели* (т.-е. министериалы, слуги). Рыцарские рассказы и поэмы имеют в основе старинные языческие сказания и христианские легенды. Они заимствуют из истории фигуру Карла Великого, но изображают его во главе крестового похода, идущего на Иерусалим. У каждой народности был свой излюбленный круг сказаний: в Германии сказание о Нибелунгах (поэтическое название племени бургундов), в которое вплетена трагическая участь героя Зигфрида; во Франции—песнь о Роланде и сподвижниках Карла Великого, а также перешедшее из Англии кельтское сказание о короле Артуре и воителях его волшебного Круглого стола. Повсюду распространилось возвеличенное крестовыми походами сказание о св. Граале, лучезарной драгоценной чаше, заключающей в себе кровь Христову, лицезрение которой доступно лишь рыцарю высшей добродетели.

Рыцарство всего раньше развилось во Франции, стране, давшей более всего крестоносцев; особенного блеска достигают рыцарский быт и поэзия при дворе германских императоров из дома Штауфенов (или Гогенштауфенов).

Империя Штауфенов. Штауфены владели многими бургами в Швабии; по родству с франконскими королями они получили земли в юго-западной Германии и вдоль течения верхнего Рейна на важной торговой дороге. Их этих сеньеров выбирались короли в течение столетия (1139—1254) с одним перерывом.

Король Фридрих I Штауфен (1152—1190), прозванный в Италии Барбароссой (краснобородым), имел очень высокое понятие о своей власти: по его взгляду, империя—господство над всем светом; все другие государи—вассалы императора, все земли и королевства—его лены. Фридрих принял в суды ученых юристов, изучавших в *Болонье* римское право, и они вставляли в грамоты и приговоры различные выражения о величии власти государя, которые они находили в законах неограниченных самодержцев римских, Константина, Феодосия и Юстиниана. По обычаю, Фридрих двинулся в начале своего правления с войском в Италию, чтобы короноваться в Риме. Но папа в это время не владел Римом. Простой народ, купцы и ремесленники, соединились с мелкими рыцарями, захватили штурмом Капитолий и низвергли управление консулов, набиравшихся из видных семей; вместе с тем был изгнан папа, и Рим объявлен республикой. Среди общего возбуждения большое влияние приобрел ученый священник Арнольд из Брешии, получивший образование в Париже. Арнольд, строгий в своей жизни и горячо убежденный, учил, что духовенство должно жить лишь десятиной, а не владением землей, так как это противно христианству: не должно быть у папы и епископов светской власти, которая исключительно принадлежит государям и республикам.

Когда Барбаросса подошел к Риму, ему предложили корону одновременно римский народ и папа, который только что произнес над Римом проклятие. Король не признавал прав народа и принял корону от папы, под условием выдать ему Арнольда. Во время самой церемонии коронования римляне взялись за оружие, и на улицах произошел жестокий бой. Арнольда схватили, и император отдал проповедника на казнь. Но и с папой Фридрих не мог поладить. На *рейхстаг*, т.-е. собрание королевских вассалов, в Безансон (в Арелате) приехал папский легат, кардинал Роланд; он решился напомнить Фридриху, что «император получил власть не от кого иного, как от папы». При этих словах один из германских сеньеров с обнаженным мечом бросился на прелата, и сам император едва остановил кровопролитие.

Ломбардские города в борьбе с Барбароссой. Новым походом в Италии Фридрих решил установить свои права во всей полноте. Особенно он хотел принизить богатые промышленные города Ломбардии. Когда Милан отказался принять присланных чиновников, Фридрих обложил город. Более двух лет оборонялся Милан от войск императора. Наконец, истощенные голодом жители сдались и с архиепископом во главе явились в лагерь босые, посыпав пеплом головы, с веревками на шее. Император велел им всем выселиться; город подожгли с четырех концов; все его стены, башни и даже церкви были разрушены до основания. На месте Милана хотели оставить пустырь навеки и провели в знак этого плугом борозду. Бывшие граждане Милана были обращены в крестьян, разделены по четырем деревням и посажены на тяжелую сельскую барщину.

Торжество императора грозило и папе, так как Фридрих хотел властвовать над итальянскими епископами и над римской областью. В это время папою был выбран, под именем Александра III, кардинал Роланд, тот самый, который в Безансоне вызвал своим ответом императору такую бурю. Новый папа выступил защитником независимости Италии; он отлучил императора, поднял против него Сицилийское королевство норманнов и Венецию и помог образованию *ломбардского союза* 15 городов, среди которого появились миланцы. На этот раз Фридрих не мог привести большое войско из Германии; самый сильный вассал его, баварский герцог из дома *Вельфов*, Генрих Лев, отказал ему в помощи и покинул его на альпийском перевале. Городские ополчения Ломбардии напали на императора при Леньяно, недалеко от Милана; император был сбит с лошади и едва спасся, его воины рассеялись. Барбаросса должен был уступить папе и городам. В Венеции был созван съезд, на котором города потребовали обеспечения «своей свободы и чести Италии». Гордый император бросился к ногам папы у собора св. Марка в Венеции; при отъезде из церкви он поддерживал стремя папы, сам идя пешком. На совещании папа сидел на троне, имея по одну сторону императора, по другую сицилийского короля. Ломбардские города получили опять независимость, выборных консулов, свой суд, право составлять союзы.

Северная Италия почти вовсе ускользнула от власти Барбароссы. Но император, неутомимый политик, вознаградил себя на другом. Он женил своего сына на наследнице *сицилийского королевства*, которое до тех пор служило главной опорой пап. Таким образом он приобрел богатое и важное владение для своего дома на южной окраине у моря, которое служило в это время оживленным сношением с Востоком. Это привело его к участию в третьем крестовом походе, где он и окончил жизнь (стр. 63).

Папство на высоте могущества. С приобретением сицилийского королевства сила Штауфенов стала еще больше; земли римской церкви очутились точно в тисках среди королевских владений. Поэтому папа Иннокентий III (1198—1216) стал поддерживать в Германии враждебных Штауфенам Вельфов. Главою Вельфов при Барбароссе был Генрих Лев. За измену Фридрих лишил его Баварии, но он сохранил другое герцогство,—Саксонию. Сын Генриха Льва, Оттон IV решением папы получил императорскую корону против младшего сына Барбароссы. У Штауфенов остались княжеские вотчины в Германии и Сицилийское королевство.

Сеньеры, духовенство и города в Германии и Италии разделились на две партии. Сторонники папы звались *гвельфами* (по итальянскому произношению вместо вельфов); противники—*гибеллинами*. В Италии большая часть городов примыкала к гвельфам. Внутри городов было также разделение: городское рыцарство и старинные купеческие семьи принадлежали к гибеллинам; новое купечество и ремесленники составляли партию гвельфов.

При Иннокентии III папская власть достигает наибольшей силы своей. Со времени Григория VII духовенство во всех странах зависело от папских решений и направляло в Рим все свои споры и жалобы. Эти многочисленные обращения к верховному суду папы (*апелляции*) повели к устройству при папском дворе (*курии*) большой судебной палаты с огромным количеством служащих. Апелляции, жалобы,

*

просьбы о назначении на свободные места оплачивались в Риме большими суммами: все это служило источником для обогащения папской казны и папских чиновников. При Иннокентии III папский двор стал получать еще новый доход в виде *крестоносного сбора.*

В своих воззваниях папы, считая себя руководителями походов, говорили, что содержание войска против мусульман должно быть оплачено всеми остальными христианами. Иннокентий III стал впервые собирать крестопосную подать на священную войну, возникшую уже в самой Европе; таков был *поход на еретиков* альбигойцев в южной Франции. В оправдание своих требований папа объявил, что все церкви и благочестивые учреждения подчинены ему, как государю, и он может распоряжаться их доходами и богатствами. На соборах не было больше прежнего равенства епископов. Папа созывал их в своем римском дворце, Латеране. На Латеранском соборе 1215 г. присутствовало 453 епископа, но они лишь выслушали и покорно скрепили решение папы, как придворные, собранные только для того, чтобы придать блеск обстановке неограниченного государя. Папа возвысил и титул свой. До тех пор римские епископы считались преемниками и заместителями ап. Петра. Иннокентий III объявил, что папа—наместник «не какого-либо апостола или человека, а *самого Христа*». Некоторые страны стали как бы в прямую зависимость от папы. Такова была основанная крестоносцами на месте Византии Латинская империя. Английский король Иоанн Безземельный, допустивший вмешательство Иннокентия III в дела своего государства, признал себя его вассалом.

Вельфский император Оттон IV, хотя и получил поддержку папы, однако, повел себя так же, как и Штауфены: захотел господствовать в Риме и в итальянских городах. Тогда Иннокентий III, по его собственным словам, «раскаялся, что создал человека». Под папской опекой находился внук Барбароссы, сицилийский король Фридрих Штауфен: Иннокентий отлучил от церкви Оттона IV и благословил своего воспитанника на поход в Германию; перед самою смертью великого папы молодой Штауфен отвоевал себе германскую корону.

Последняя борьба папства и империи. Владения императора Фридриха II (1216—1250) состояли из двух, совершенно непохожих частей: строго управляемого Сицилийского королевства, в котором норманны установили византийские порядки, и феодальной, раздробленной между князьями Германии. В первом Фридрих был наследственный полный владетель всего государства, во второй—выборный государь, вполне располагавший лишь небольшой вотчиной в Швабии.

В Сицилийском королевстве была объявлена неограниченная власть государя: кто против него поднимет мятеж, тот—все равно, что восстает против царства небесного. Запрещено было рассуждать о постановлениях государя; святотатственно судить о том, достойно ли назначает государь своих слуг. Баронам было запрещено вести частные войны и строить укрепленные замки. Сеньеры и духовенство должны были подчиниться королевскому суду и платить налоги наравне с простыми людьми. Все управление, суд и сбор налогов были в руках многочисленных чиновников. Сицилийское королевство было богатейшим в Европе. На крупные средства своей казны Фридрих II завел вместо феодального ополчения армию на жалованьи и военный флот. Его наемники состояли по большей части из сарацин, которых Фридрих переселил массой из Сицилии в Италию и расположил в двух лагерях.

Иначе держался Фридрих в Германии, где он был чужим, как бы иностранным государем. Император считался здесь только «головой среди других органов тела»; князья, как говорилось в грамотах, создают и охраняют его славу, а потому «призваны с ним вместе ко власти». Фридрих II обещал князьям не принимать в свои города людей, от них зависимых, не строить у них замков, не чеканить монеты и не вмешиваться в суды в их областях. В угоду князьям и епископам император вовсе отступил от городов: воспретил всякие союзы между городами для взаимной поддержки, всякие гильдии и товарищества внутри города, выборы старшин и совета помимо епископов.

Эти уступки князьям в Германии были нужны для Фридриха потому, что он хотел сосредоточить свои силы в Италии, где опять поднялся союз ломбардских городов. Фридрих разбил ломбардцев и разделил северную Италию на две области, во главе которых поставил королевских наместников: суд и управление были отданы в руки чиновников на жалованье, как в Сицилийском королевстве. Папа не мог потерпеть такого подчинения Италии: оно грозило бы падением власти римского престола. Папа Григорий IX, почти столетний старик, отлучил Фридриха II от церкви и соединился против него с Венецией и Генуей. Но после смерти этого папы в течение двух лет не могли выбрать нового. Фридрих захватил на море генуэзский флот, который вез враждебных ему прелатов на собор. Господство императора окончилось с избранием папою Иннокентия IV.

Новый папа, опасаясь попасть в плен, тотчас же уехал из Италии и созвал в Лионе собор, главным образом, из французских и английских прелатов. Здесь он повторил отлучение над императором, предложил германским князьям выбрать другого государя и объявил, что сам распорядится сицилийской короной. Иннокентий IV был искусный политик и поднял всюду врагов против Фридриха. Города северной Италии опять возмутились, прогнали гарнизоны императора и сожгли его большой лагерь, который он назвал «Победой»; лучшие советники Фридриха изменили ему. Среди этих неудач император внезапно умер.

Со смертью его в 1250 г. рушилось и господство Штауфенов, а папство торжествовало победу. В Германии гибелью старшего сына Фридриха окончилась династия. В Италии папы продолжали истребительную борьбу против последних Штауфенов и отдали сицилийское королевство французскому принцу Карлу Анжуйскому, надеясь в нем найти послушного союзника.

Доходы и управление римской церкви. Тринадцатый век, время двух Иннокентиев, представляет эпоху наибольшей силы папства. Торговля, промышленность, завоевание европейцами Сирии и Византии сильно увеличили богатства западных стран, а папы, при помощи крестоносного сбора, расширили свои доходы от этих богатств. На соборе в Лионе в 1274 г., когда крестовые походы на Восток совсем прекратились, папа назначил *общую десятину* по всему западу на протяжении от Исландии и Гренландии до Дуная и от Португалии до Швеции и Польши. Папы распоряжались этими суммами по усмотрению, нанимали солдат против императора, подкупали подданных против неугодных им государей. Очень велики были также уплаты со стороны епископов и аббатов, когда они посещали Рим *(визитации)* или когда вступали в сан *(аннаты)*; в последнем случае они отдавали папе ½ годового дохода со своего духов-

ного владения. Чтобы определить этот доход и не допускать утайки, папа отправлял в разные страны своих чиновников, *коллекторов* (сборщиков) и *ревизоров*.

Посредниками в денежных делах пап за границей были итальянские купцы. Со времени крестовых походов многие итальянские торговые дома завели отделения за Альпами, в Германии, Франции и Англии и держали там денежные запасы. При сборе папских податей они предлагали свои услуги: ссужали прелатов монетой, когда те не имели наличных для уплаты курии, и облегчали пересылку денег в Рим. Курия, чтобы не дожидаться медленного прибытия сумм, получала от купцов вперед требуемые деньги. Долг духовенства в разных странах переводился таким образом на купцов, и они взыскивали потом с большой выгодой для себя папскую подать.

10. Духовная жизнь.

Народные проповедники и еретики. В эпоху папского могущества многие осуждали жизнь высшего духовенства и нападали на богатых роскошествовавших клириков. Люди, недовольные жадностью руководителей церкви, находили, что истинные пастыри должны быть бедны и бескорыстны, должны свою жизнь сделать *подражанием Христу* и бедным апостолам. Арнольд Брешианский, будучи профессором в Париже, набирал нищих студентов и думал составить из них союз проповедников, которые бы обратились с доступным словом к простому народу и принесли ему утешение.

В XII веке в промышленных городах южной Франции и северной Италии можно было встретить странствующих учителей, которых народ звал «добрыми людьми» или *вальденцами*; о них было слышно, что «они живут без крова, ходят босые, в грубой черной или серой шерстяной одежде, обыкновенно по-двое, ничего не имея при себе, всем делясь друг с другом, как апостолы, нагие, следуя за нагим Христом». Проповедуя евангельскую жизнь, они учили, что нет другого источника истины, кроме Писания. Чтобы ознакомить простых людей с Библией, ее перевели на народные языки, итальянский, французский и немецкий. Книгоноши тайно распространяли *народные библии*, но помимо того народ учился со слов проповедников, которые отлично знали тексты и притчи и заставляли искусно запоминать отрывки и молитвы. Церковь скоро стала подозревать в них *еретиков*, и они в свою очередь считали церковь испорченной и полной греха. Еретики отвергали чистилище и заупокойные молитвы, которые, по учению церкви, освобождают от загробных мучений; они говорили, напротив, что души идут прямо в рай или в ад, а духовенство не может давать облегчения за гробом; поэтому церковные жертвы и поминания—только обман народа и выдумки, внушенные жадностью священников.

Катары. Еще резче стали народные проповедники, когда в их среду проникло с Востока учение павликиан или богомилов. По этому учению, мир делится на две половины: чистую, духовную, божию, и греховную, материальную, сатанинскую; еретики относили ко второй католическую церковь: в ней они видели соединение всего зла; она была в их глазах домом лжи, синагогой злодеев, а клирики и монахи—отверженными Богом фарисеями. В противоположность этому они называли самих себя *катарами*, т.-е. чистыми. Во Франции катары были известны под именем *альбигойцев* от города Альби на юго-западе, где они составляли почти все население.

У катаров было свое духовенство, которое они выводили от апостольской церкви, и свои обряды. Они отвергали христианское крещение водой; по их вере должно быть только духовное крещение; его символ состоит в наложении рук. Этот обряд назывался *утешением* и приносил спасение душе. Но утешение могли давать лишь немногие люди, особенно чистых святых нравов, которые воздерживались от семейной жизни, не принимали мясной пищи, проводили всю жизнь в странствовании, не работали, жили гостеприимством и знали истинное учение; скрываясь под различными видами, рыцарей, купцов, они умели узнавать друг друга по особым знакам. Они считались *совершенными* и составляли настоящую божью общину избранных. Остальные, обращавшиеся к ним за утешением, были просто «верующие» и могли оставаться в составе католической церкви.

Многие люди колебались и в страхе за свою душу искали поддержки в церкви и у еретиков одновременно. Сильные графы тулузские, владетели большей части южной Франции, благоволили еретикам, не разрывая, однако, с церковью; при одном из них жил католический епископ, но граф возил с собою также одного из еретических «совершенных», чтобы в случае внезапной болезни не лишиться предсмертного утешения. Папы были очень обеспокоены возрастанием силы еретиков. Иннокентий III решил истребить ересь войной и поднял против южно-французских альбигойцев крестовый поход северо-французских рыцарей, под начальством графа Симона де-Монфора. Папский легат сопровождал ополчение, которое избивало еретиков и жестоко грабило ими занятые города и замки. В течение 20 лет несколько раз останавливалась и снова разгоралась борьба. Особенно действительным против еретиков оказался учрежденный папою церковный суд *инквизиции;* цель его, главным образом, состояла в истреблении «совершенных», т.-е. руководителей и проповедников.

Нищенствующие ордена. Между тем евангельская проповедь бедных странствующих апостолов увлекала многих верных католиков. Франциск из Ассизи (в средней Италии), блестящий сын богатого купца, бросил родной дом и довольство и стал подвижником. Странствование и нищета окружены были в его глазах поэтическим светом. Он называл бедность царицей всех добродетелей, желанной невестой, с которой он обручен. К Франциску примкнуло несколько последователей, отдавших все имущество свое церкви, чтобы последовать за Христом. В своей речи к народу Франциск вдохновлялся образом Спасителя, бедного и милосердного, простого, смиренного и близкого к грешникам. Он называл братскую общину свою *миноритами,* т.-е. нижайшими во Христе.

Многое в действиях и внешнем виде миноритов напоминало вальденцев: темные рясы, подпоясанные веревкой, хождение по-двое, приветствие, которое они произносили при входе: «мир дому сему!», доступная народу проповедь.

Папы не доверяли миноритам и постепенно приспособить их увлечение для своей цели. Мечтатель Франциск виделся в Риме с папою Иннокентием III: папа не согласился допустить свободное евангельское общество; он потребовал, чтобы последователи Франциска стали настоящими монахами, приняли пострижение и вполне подчинились церкви. Римская церковь объявила Франциска святым, но дело его исказила. Она учредила *орден* нищенствующих монахов, дала ему важные права, напр., исповедывать и прощать грехи всюду без позволения местного духовенства, отправлять

богослужение в странах, подверженных интердикту; но францисканцы также должны были исполнять поручения церкви. Их посылали, чтобы восстановить поколебленное уважение к римскому престолу.

В это же время папы утвердили другой орден нищенствующих монахов, *доминиканский*. Ево основатель, испанец Доминик, встречаясь с еретиками в южной Франции, убедился, что они превосходят католических священников и монахов своей начитанностью и уменьем спорить. Он решил, что необходимо приготовить ученых проповедников, которые бы оберегали чистоту церковного учения. Доминиканцы получили устройство по образцу минортов, но круг их деятельности был другой. Францисканцы жили в самых тесных и бедных городских кварталах, обращались с образной и понятной речью к ремесленникам, рабочим и крестьянам. Доминиканцы больше замыкались в школе и за ученым столом; из их среды выходили профессора богословия и духовные обличители. В качестве духовных вопителей церкви, они выбрали девизом изображение собаки с горящим факелом в пасти. Папы поручили им свой новый духовный суд.

Инквизиция. Этот суд был не похож на старинное разбирательство согласно Правдам, а действовал по образцу *римского права*. Прежний суд собирался по желанию споривших; он был гласный, открытый для всех. В духовном суде, напротив, инквизитор, т.-е. следователь, сам начинал дело. Приехав на место, он объявлял, чтобы все, знающие за собой или за другими грех в деле веры, принесли признание и указали на виновных и подозреваемых. Затем он допрашивал всех признавшихся и указанных тайным доносом. Суд собирался в закрытое заседание и не давал обвиняемому защиты. Кто раз попадал на допрос, обыкновенно и осуждался, так как заранее предполагалась виновность, и судья ставил себе целью уловить подсудимого: часто прибегали к пытке, чтобы вынудить признание; обычным наказанием была смерть. Но так как церковь не могла проливать крови, то осужденных отдавали светской власти для казни; их ждало сожжение на костре живыми. Имущество осужденных отбиралось у семьи. Так были отняты у альбигойцев их владения и розданы пришедшим с севера крестоносцам; много получил при этом король, владетель северной Франции, который поддерживал церковь при истреблении ереси.

Страшная строгость духовного суда объясняется особым взглядом того времени, что ересь—величайший грех, и что истребление этого зла на земле—дело, в высшей степени угодное богу. Этот взгляд старались доказать ученые доминиканцы, из среды которых и выходили инквизиторы.

Университеты. Церковь нуждалась в обученных людях для инквизиции, для своих канцелярий и управления имениями. Короли, князья и большие города также имели нужду в помощи ученых людей. Вследствие этого стали возникать крупные высшие школы.

Долгое время школы были только при монастырях и капитулах (городских соборах); они готовили клириков и учили только языку церкви, латинскому. Науки назывались *семью свободными искусствами* и разделялись на два отдела: первый состоял из грамматики, риторики (искусство литературно выражаться) и диалектики (искусство доказывать и спорить); второй—из музыки (церковное пение), арифметики, геометрии (т.-е. описания земли, перемешанного с поверьями) и астрономии (вычисления календаря, а особенно Пасхи, и гаданья по звездам).

До XII века европейцы были учениками арабов. В середине XII века в Испании были переведены на латинский язык толкования к Аристотелю кордовских ученых мусульманина Ибн Рошда (по романскому произношению Аверроеса) и его ученика еврея Маймонида, а вместе с тем были переведены (с арабского) сочинения и самого Аристотеля. Латинский Аристотель быстро обошел школы всей Европы; его изложение стало главным предметом схоластической (т.-е. школьной) философии, или *схоластики*.

Около того же времени стали усиленно изучать римские законы и судебные порядки по своду Юстиниана. Благодаря этому подъему науки образовались знаменитые школы в Болонье (для римского права), в Салерно (для медицины) и в Париже (для философии и богословия). Школы, собиравшие множество учащихся, *студентов*, из разных стран, стали называться *общими* или *главными*. Они получили название *университетов* от того, что учащиеся и преподаватели, сходясь из разных стран, должны были, на подобие гильдий, составлять между собою союзы для взаимной поддержки (universitates) Студенты, между которыми было много бедняков, приходивших издалека с котомками на плечах, составляли землячества, *нации*: они добивались защиты против остальных горожан, старались обеспечить себе дешевые квартиры (в Париже образовался студенческий *латинский* квартал). Соединялись в союз и *магистры* (преподаватели), чтобы освободить свое преподавание от подчинения монастырям и епископам. Папа Иннокентий III стал на сторону ученых: он принял парижских магистров под свое покровительство так же, как папы взяли под свою охрану рыцарские и монашеские ордена. Два больших союза, студенческий и профессорский, составляли вместе независимую высшую школу.

Самая большая школа образовалась в Париже. Говорили, что Италия имеет папство, Германия—империю, Париж—университет. Парижская школа разделилась на *факультеты*, по отдельным областям знания. Факультет философии составлял младший курс; на нем преподавались семь свободных искусств (artes). Получившие диплом магистра искусств переходили на один из старших факультетов, богословия, права или медицины. Старшие студенты всех наций выбирали из своей среды *ректора*, который следил за общим порядком в университете и защищал студентов перед судом. Особенно выделялся богословский факультет в Париже, называвшийся *Сорбонной*. Здесь преподавали в течение 3 веков (XIII—XV) самые крупные ученые: их толкования служили опорой церкви наравне с самыми священными и старинными христианскими книгами.

Средневековая наука состояла не в изучении внешней природы или явлений человеческого общества, а в толковании мест из Библии, свода Юстиниана и Аристотеля. Вопросы, занимавшие ученых, кажутся нам теперь искусственными и ухищренными. Вот пример их. Может ли бог знать больше, чем он знает? Были ли видны раны на теле воскресшего Христа? Был ли голубь, в образе которого явился святой дух, настоящей птицей?

Римской церкви была очень нужна опора профессоров. Положение тех из ученых, которые решались разойтись с Римом, было очень опасно. В половине XII в. во Франции собором духовенства был осужден, как еретик, парижский профессор Абеляр, замечательный лектор и искусный проповедник. Ему было поставлено в

особую вину сочинение под заглавием «Да и нет», где он подметил противоречия в сочинениях церковных писателей. Главным противником его выступил Бернар, из монастыря Клерво, пламенный проповедник, который приобрел славу необыкновенной святости истязанием тела и отречением от всех мирских интересов.

Особенно высоко ценили в церкви ученого доминиканца Фому Аквинского, прозванного «ангелом школы». В книге «Сумма богословия» Фома Аквинский излагает все человеческие понятия, относящиеся к церкви и светскому быту, государственному порядку, торговле и промыслу, семейному устройству и т. д. Его цель— сверить все эти понятия с основами вероучения. В его глазах наука—лишь *служанка богословия*. Во многом противоположность Фоме Аквинскому представляет его современник Роджер Бэкон, учивший в Оксфордском университете (в Англии). Бэкон знал свойства магнитной стрелки, состав пороха, увеличительное стекло, его занимали астрономические вычисления. Занятия, которым отдавался Бэкон, вызвали против него обвинение в колдовстве, и он должен был провести уже стариком 14 лет в заключении.

На развитии университетов виден подъем городской жизни: в них учились большею частью люди среднего состояния, мелкие рыцари и буржуа. В городах развились также большие театрально-духовные зрелища.

Театр и сатира. Театр у христиан на Западе возник, как у древних греков, из богослужения. В большие праздники среди литургии духовенство само устраивало для поучения простого народа, не понимавшего латинских слов службы, живые картины и небольшие сцены, в которых изображались события священной истории: ясли с восковым младенцем, к которому приходят на поклонение пастухи и волхвы, омовение ног в Тайной вечери, несение креста, встреча у гроба Господня ангела с мироносицами.

Позднее эти представления расширили, ввели в них шутливые разговоры для развлечения зрителей, при чем комическая роль доставалась дьяволу. Из горожан составлялось особое братство исполнителей, и на главной городской площади около праздника Троицы давали большую *мистерию* (т.-е. литургию). Чаще всего воспроизводилась земная жизнь Христа, иногда вся священная история от сотворения мира до Вознесения.

Представление продолжалось с утра до вечера. На помосте, кругом которого под открытым небом размещались зрители, был воспроизведен в виде строений и декораций весь мир: сбоку в башне помещался ад, из раскрытой пасти змея видилось пламя. Затем были изображены Иерусалим, Рим, Египет, гора с ковчегом Ноя и т. д.; Моисей вел народ израильский, с Христом-младенцем родители бежали в Египет; Он сам странствовал с апостолами, торжественно вступал в Иерусалим. Занавеса не было, действующие лица все стояли перед зрителями, переходили и появлялись в известную минуту, где было нужно. На возвышении позади было изображение рая, небес и самого престола божия. Напряженно смотрела масса на это зрелище и особенно с замиранием сердца, со слезами на глазах переживала страсти Господни.

Вместе с этими трогательными пьесами исполнялись еще другие зрелища, простые по своему действию и забавные, которые произошли от старинных языческих праздников и обычаев. Долго, напр., держался обычай изображать драматически

борьбу лета и зимы: два парня, один в венке и цветах, другой обвитый мхом, перебранивались и пересменивались и, наконец, первый сваливал второго; сожигали чучело зимы, водружали разукрашенное майское дерево, вокруг которого ходили хороводом, или паряжались, надевали маски и двигались в причудливом шествии, высменивая фигуры знакомых и незнакомых людей, или изображали мертвецов. С этими плясками и переодеваниями соединялись насмешливые песни, карикатурные сцены и изображения жизни наизнанку. Из этого образовались шутовские действия, в которых изображались нравы рыцарей, духовенства, купцов или крестьян.

В подвижной среде горожан сложилась литература, непохожая на духовную и на рыцарскую. Главные ее черты—бытовые наблюдения и сатира, изображение человеческих недостатков. Особенно видны они в *Романе о Лисе* (Рейнгарде или Реинаре), где под именами животных, хитроумной Лисы, недогадливого Волка, чванного Медведя, кроются человеческие характеры. Горожане высменивали в этой сатире придворную и рыцарскую жизнь, властолюбивую церковь и т. д.

V. Новые государства и новое просвещение.

С XII в. между странами Западной Европы возросли сношения, и в населении стали слагаться более широкие понятия об окружающем мире. Но помимо того, в каждой отдельной стране люди сблизились и вступили в более оживленный обмен между собою: образовалось несколько наций, т.-е. больших групп людей, говорящих одним языком, имеющих общую литературу, признающих одну общую родину.

В XIV в. в Европе обозначились следующие нации: в Германии немцы (deutsche), итальянцы и испанцы на южных полуостровах, французы и англичане. Из них последние три нации образовали каждая большое государство; первые две распались на много средних и мелких государств. Новые государства по своему устройству были непохожи на монархию Карла Великого и на феодальные королевства: правители стали получать гораздо более крупные доходы, и притом денежные; у них появилось более послушное и многочисленное чиновничество, более крупная, постоянная армия. Но и само население в этих государствах, сплоченное торговлей, промыслами и объединенное одним языком и литературой, более вникало в общие дела и громче заявляло свое мнение.

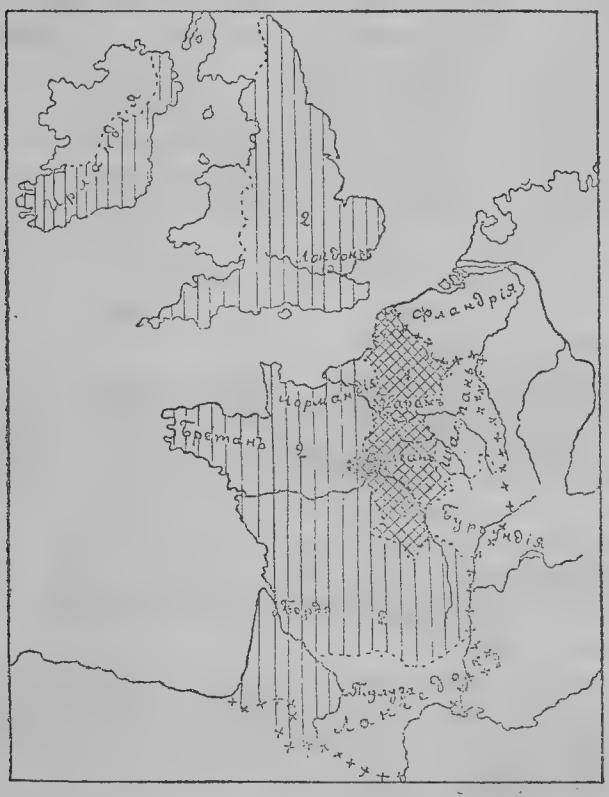
Раньше всего образовалось новое государство в Англии.

11. Англия.

Нормандская династия. Нормандский герцог Вильгельм Завоеватель, сделавшись правителем Англии (1066—1088), держал в страхе не только туземное покоренное население, но и сбродную дружину, которая была рассажена по захваченным замкам и имениям. Вильгельм был более властным сюзереном, чем его современ-

ник французский король. Во Франции рыцари были обязаны службой лишь ближнему сеньеру и лишь ему присягали; в Англии король требовал присяги верности не только от прямых «главных» вассалов, но и от всех остальных военных людей, состоявших в дружинах и на службе у сеньеров: считалось, что все владетели земли «держат» ее от короля.

Три раза в году,—на Рождество, Пасху и Троицу,—король созывал *съезд баронов и рыцарей*. Они должны были приезжать в полном вооружении, со свитами и слугами, а он являлся перед ним во всем блеске богатого двора, надевая корону. Вильгельм устранил сеньеров от управления графствами, на которые разделялась Англия; в области назначались *шерифы*, чиновники, которые смотрели за порядком, преследовали нарушителей, управляли королевскими имениями, созывали военные отряды и командовали ими. Король строго и беспощадно взыскивал со всех военную службу и другие повинности. В случае смерти вассала король распоряжался его землей, передавал ее другому лицу не иначе, как за плату, иногда в течение некоторого времени не замещал лена вовсе и удерживал с него доход, за неисправность службы брал тяжелые штрафы.



Англия и Франция в XII веке. 1—владения французского короля. 2—владения английского короля, Генриха II Плантагенета. +++ граница Французского королевства.

Для того, чтобы обратить службу и повинности в правильный доход, Вильгельм произвел обстоятельную *перепись* населения Англии и его имущества. Перепись вели королевские люди, посланные в разные концы Англии; они призывали к себе для допроса помещиков и их приказчиков, и от каждого села священника, старосту и несколько крестьян. Призванные показывали под присягой число людей в округе и их звание, сколько было сеньеров, рыцарей и простых свободных людей, сколько полузависимых, сколько крепостных крестьян и батраков, сколько рабов, кто чем владеет и сколько платит взносов, сколько земель под плугом, сколько где штук скота и т. д. Эта перепись получила в народе имя *Книги страшного суда*.

Сыновья Завоевателя держались установленных им порядков. Только при внуке Вильгельма, Стефане, военные люди вышли из повиновения, стали разбойничать и совершать наезды на мирное население.

Королевский суд и управление доходами. Смуте этой положил конец Генрих II, потомок Завоевателя по женской линии. Генрих (1154—1189), современник Барбароссы, был из рода западно-французских графов Плантагенетов (династия *Плантагенетов* в Англии 1154—1485). Он присоединил к английской короне свои обширные наследственные и приобретенные браком владения по Луаре и Гаронне; вместе с Нормандией французские земли английского короля составляли около двух третей Французского королевства. Генрих II приходился вассалом французского короля, но превосходил своего сюзерена владениями, по крайней мере, раз в шесть.

Генрих II постоянно был в походах или в объездах своих владений на материке и на острове. Чтобы покончить со смутой, он принялся за срытие разбойничьих замков; затем начались розыски и наказание грабителей и лихих людей, порожденных смутным временем. Король мало доверял шерифам: однажды в течение года он сменил всех шерифов, так как все оказались виноваты в незаконных действиях, взятках и утайке денег. Он обратил свой тесный совет высших сановников, или *королевскую палату*, в верховный суд. Часть дел вызывалась в палату из областей, а для разбора других Генрих II посылал из года в год в объезд по графствам членов палаты. Эти «странствующие судьи» должны были по постановлению *великой ассизы* (заседания палаты) держаться нового порядка в расследовании дел.

В прежнем суде, когда был спор или тяжба, противникам предлагали решить дело поединком или привести соприсяжников из среды своих близких. Когда на кого-нибудь падало обвинение в убийстве или другом злодеянии, судья ничего не расследовал, а только объявлял в приговоре то, что показал божий суд. Напротив, королевские судьи должны были по примеру церковного суда производить розыск и допрос. Но от старого суда сохранен был важный прием. В тяжбах каждому из споривших было позволено вместо поединка просить вызова *свидетелей* из местных жителей (обыкновенно 12 человек); свидетели под присягой показывали, что им известно по данному делу, и на основании раскрывшихся обстоятельств судьи решали спор. Королевским судьям было предписано держаться такого же опроса присяжных из местных жителей и в различных важных уголовных делах—об измене, убийстве и т. п.

Присяжные призывались в начале только в качестве свидетелей; при их помощи устанавливались обстоятельства дела; их показания служили судьям главным основанием к тому, чтобы обвинить или освободить заподозренное лицо. Сто лет спустя в Англии к присяжным перешло настоящее право судей—произносить главный приговор о виновности или невиновности подсудимого. Таким образом великая ассиза Генриха II была началом важного для Англии, а в настоящее время и для всех европейских стран, *суда присяжных*.

Генрих II воевал с Францией и покорил часть Ирландии. В эти далекие походы нельзя было водить английских рыцарей-помещиков. Чтобы использовать их повинность, король переводил службу рыцарей на деньги и взимал с них *щитовую подать*, т.-е. с каждого неходившего на войну—сумму, достаточную для вооружения

и содержания наемного солдата. Для счета королевских доходов королевские советники собирались в особое отделение, или *палату шахматной доски*. Здесь они сидели за столом, покрытым клетчатой материей, принимали денежные суммы, которые два раза в год, на Пасху и в ноябре, привозились из области шерифами, и проверяли их счета.

Между королевскими доходами видное место занимали суммы, доставляемые судом. При тяжбах спорившие должны были платить большие пошлины в пользу короля; за неявку в суд или опоздание брали большой штраф. Особенно выгадывал король, взимая деньги за «прощение»; это значило, что объявленный в опале заранее, до суда над ним, покупал себе милость короля; этим средством пользовались для того, чтобы вымогать деньги у совершенно безвинных людей, напугав их враждой короля.

Столкновения короля с церковью. В грозной личности Генриха II соединялись черты великого правителя и безжалостного вымогателя. Недовольные его правлением искали поддержки у церкви. Вместе с Вильгельмом в Англию пришло новое духовенство; оно получило большую долю в завоевании, крупные имения, много подчиненных людей. Епископы имели в своих руках суд по множеству дел, где требовалась клятва, напр., по делам семейным, о наследствах и завещаниях.

Генрих II находил, что клирики судят слишком мягко и потакают злоумышленникам; он хотел вообще стеснить независимость английской церкви. На съезде сеньеров и прелатов в Кларендоне король провел решение, чтобы его уполномоченные участвовали в церковном суде по уголовным делам; духовным лицам было воспрещено выезжать из Англии без позволения короля и приносить апелляции папе в Рим. Но против кларендонских решений выступил первый архиепископ Англии, Томас Бекет; он высказался также горячо против тяжелых поборов для содержания королевских чиновников. Желая найти поддержку у папы, Бекет уехал во Францию, нарушая этим кларендонское постановление. Однако, папа Александр III, стесненный в это время Барбароссой, не решился поднимать ссору с английским королем. Бекет был вынужден вернуться в Англию; народ восторженно встретил его при въезде в Лондон, приветствуя в нем главного заступника против корыстолюбия и произвола королевских чиновников. Когда Бекет отлучил другого архиепископа, принявшего сторону короля, Генрих не мог скрыть своего крайнего раздражения. Придворные хотели угодить королю; несколько рыцарей бросились отыскивать Бекета и убили его в церкви.

Королю эта смерть повредила. В народе признали Бекета мучеником, пострадавшим за свое заступничество. Король должен был принести на его могиле покаяние и очистить себя присягой от обвинения в убийстве: он должен был взять назад и большую часть кларендонских решений. Это была первая крупная неудача королевской власти в Англии.

Великая хартия вольностей. Сыновья Генриха II были плохими продолжателями отца. Старший, Ричард Львиное Сердце, образец странствующего рыцаря, покинул страну и ушел в крестовый поход. Младший, Иоанн, по прозванию Безземельный, вызвал общее раздражение своими неудачами. В борьбе с французским королем Филиппом II Августом Иоанн потерял почти все владения Плантагенетов, лежавшие на материке, между прочим, Нормандию. Затем Иоанн вооружил против себя папу, мо-

гущественного Иннокентия III, когда отказался признать первым архиепископом Англии Лангтона, избранного духовенством по указанию папы. Иннокентий III ответил наложением на всю Англию *интердикта;* богослужение и все церковные требы прекратились, мертвых не хоронили, колокола замолкли. Так как король все еще не сдавался, папа отлучил его самого и отрешил его подданных от присяги верности. Тогда Иоанн перешел к полному унижению; он согласился на все требования папы, признал Англию членом римской курии, принес вассальную присягу папскому легату и обязался платить в Рим ежегодную дань.

Теперь поднялись против Иоанна бароны и рыцари. Давно среди них было раздражение за то, что король разоряет их штрафами и частым сбором щитовых денег, за то, что держит их сыновей заложниками и заставляет их выкупать, отдает с торгов руку вдов и девиц, наследниц ленов. Их недовольство возросло, когда король стал искать средств для уплаты Риму, и особенно когда Иоанн потерпел неудачу в большом походе против французского короля, предпринятом с целью отвоевания Нормандии. Большинство английских баронов взялись за оружие, несмотря на угрозы папы, который стал теперь на сторону короля, своего вассала. Напротив, Лангтон и большая часть английского духовенства вступили в союз с восставшими. Они объявили себя «войском бога и святой церкви». Когда им открыл свои ворота богатый Лондон, король, всеми покинутый, отчаялся. На съезде в Реннимедской равнине он согласился подписать составленную баронами *Великую хартию вольностей* (1215 г.).

Главные черты ее следующие: 1) Король должен был отказаться от всяких произвольных и несправедливых взысканий с баронов и рыцарей, от торговли ленами; он мог требовать лишь того, что допускал феодальный обычай. 2) У короля было отнято право произвольно взимать новые взносы и повинности, помимо обычных феодальных. Щитовые деньги и субсидии (подмоги) он мог получить не иначе, как с согласия *общего собрания всего королевства,* т.-е. совета крупных и мелких королевских вассалов. 3) Король обещал правильный суд для всех. В хартии объявлено :«Никто не будет схвачен, посажен в тюрьму, лишен имущества, объявлен вне закона, изгнан или введен в убытки, ни на кого не падет королевская опала иначе, как в силу *законного приговора людей, равных обвиненному по званию, или в силу закона страны*». Этими словами свобода человека была поставлена под охрану установившегося обычая: это значило, что король не мог заменить суд своим приказом или отдать решение в руки чиновников, подчиненных его воле. 4) Хартия заканчивалась следующим условием: все бароны избирают из своей среды совет 25, который, в случае нарушения хартии королем, должен призвать к восстанию на защиту общих прав «коммуну всей земли», т.-е. всех вольтелей.

Начало парламента. Король Иоанн решил не выполнять хартии. Папа освободил его от соблюдения присяги и объявил, что договор незаконен и позорен, а бароны хуже сарацин. Хартия нарушалась также много раз в течение долгого правления сына Иоаннова Генриха III (1216—1272).

Генрих так же, как раньше его отец, стал под защиту римского престола и предоставил папе распоряжаться в Англии, как в своей собственной вотчине. В стране появились римские полномочные сборщики десятины на крестовый поход; обильные деньги, взимавшиеся ими, папа употреблял на борьбу с императором. Однажды Инно-

кентий IV, показывая своим придворным на золотую кайму в одежде английского прелата, заметил: «Эта Англия—просто рай сокровищ; но кому много дано, с того много и взыщется». Генрих III любил также раздавать должности и доходы иностранцам, искателям добычи и проходимцам.

Всем этим была недовольна аристократия, сеньеры и бароны, отстраненные от управления. Когда король взялся помогать папе против Штауфенов и запутался в большом долгу перед римской курией, аристократия собралась на вооруженный съезд в Оксфорде и совершенно ограничила королевскую власть. Этот *бешеный парламент* передал все управление совету немногих баронов; было решено ежегодно сменять шерифов и правильно собирать парламент не менее трех раз в течение года.

Но бароны не в силах были заменить королевское управление своим. На шерифов, которых они назначали, посыпались те же жалобы, что и раньше. Теперь выступил Симон де-Монфор, сын победителя альбигойцев, один из иностранцев, поднявшихся на английской службе. Сначала любимец Генриха III, Монфор с ним рассорился, захватил в плен короля вместе с наследником престола и установил над ним свою опеку. Монфор искал поддержки в рыцарях и горожанах. Рыцари, т.-е. средние и мелкие помещики, имели большое значение в областных собраниях графств: они являлись в суд в качестве присяжных, вместе с шерифом держали порядок в области, распределяли и собирали налог. В управлении городами такое же положение занимали зажиточные купцы.

В январе 1265 года Монфор созвал *великий парламент;* здесь рядом с прелатами и баронами, приглашенными поименно, сидели впервые выборные представители от населения графств, по два рыцаря на каждое, и от городов. В первый раз *коммуны*, т.-е. соединения людей незнатных, были призваны на совещание королевства, тогда как в предшествующие парламенты созывались лишь крупные владетели. Монфор удержался недолго. Сын короля, Эдуард, выскользнул из плена и в свою очередь разбил Монфора, который погиб в сражении; сторонники его были объявлены мятежниками. Все уступки были взяты назад.

Соглашение короля с сословиями. Победитель Монфора, Эдуард I (1272—1307) вел несколько крупных войн: подчинил западный край острова, Уэльс, где держались независимые до тех пор бритты, завоевал Шотландию и напал на Францию. Большие внешние предприятия заставили его обращаться к парламенту.

Для того, чтобы нанимать отряды и платить им жалованье, королю не хватало уже старинных «щитовых денег» и «подмог», которые собирались с военных вассалов. Надо было привлекать ко взносам горожан, доходы которых сильно возросли благодаря торговле. При назначении налога было трудно обойтись, не спрашивая плательщиков. Купцы постоянно жаловались, что у них забирают в пользу казны товары слишком неожиданно или слишком часто. Власти встречали с их стороны сопротивление, часто бывала утайка товаров, иногда доходило до больших волнений. Было выгоднее пригласить купцов в парламент, чтобы обсудить спокойно вопрос о взимании с них налога.

В 1295 году, тридцать лет спустя после великого парламента Монфора, король созвал в Вестминстерском дворце в Лондоне такое же большое собрание из баронов и прелатов вместе с выборными представителями от графств и городов. Через два

года для войны с Францией Эдуард I потребовал больших сумм. У духовенства он хотел взять половину его доходов. Но папа Бонифаций VIII как раз в это время запретил духовенству платить какие-либо взносы государству. Раздраженный король велел отобрать имущество первого архиепископа Англии и объявил опалу всему духовенству. Но вслед за прелатами и крупные сеньеры, обязанные ленной службой, отказались помогать королю и вооружились для сопротивления. Когда Эдуард потребовал общего ополчения, доставки припасов со всех графств и задержал всю шерсть, свезенную в портовые города, поднялись и горожане.

Но король не довел до восстания, как его дед Иоанн за 82 года до того. Он пошел на соглашение с *сословиями* (т.-е. крупными и мелкими вассалами, духовенством и горожанами). Парламент обещал ему подати при условии, если король подтвердит все прежние вольности и особенно статью Хартии о том, что налог можно взимать не иначе, как с согласия общего собрания королевства. Было решено, чтобы раз в год Хартия читалась народу, и на голову ее противников призывалось проклятие.

Войны с Францией. Эдуард I вел войну с Францией для того, чтобы двинуть вперед английскую промышленность. Он старался приобрести гавани на противоположном берегу материка и открыть прямой доступ во Фландрию, составлявшую вассальное княжество Франции. Англия сбывала в суконные мастерские Фландрии свою шерсть; англичанам было важно держать в своих руках перевоз товара через пролив и иметь на той стороне его склады. С этою целью была устроена особая компания торговцев-*складочников*. Они вывозили из Англии шерсть и кожи; обратно они стали ввозить в Англию хлеб из балтийских стран. Началось мореходство англичан, между тем как до тех пор подвоз товаров с моря был в чужих руках.

При внуке Эдуарда I, Эдуарде III, заморские предприятия, начатые с торговыми целями, обратились в продолжительную войну с Францией, так наз. *Столетнюю* (1339—1459).

Эдуард III, по своим вкусам подвижной рыцарь и расточительный сеньер, заявил притязание на французскую корону и несколько раз вступал с войском в северную Францию. Его наемные отряды, набранные из *йоменов* (зажиточных крестьян) или из иностранцев, французов и ирландцев, были хорошо обучены стройным движениям и согласному бою: пешие английские стрелки (из арбалета) одерживали победы над неповоротливой французской рыцарской кавалерией. Одно время Эдуард III владел почти всеми землями западной Франции, которые были в руках Генриха II. Он захватил также важный для английской складочной торговли *Кале*, на самом узком месте пролива, против английского берега.

Но владения на материке были непрочны. Английский король не мог держать в завоеванной стране постоянные гарнизоны. За недостатком средств случалось бросать удачно начатый поход и распускать войско; оно обращалось тогда в разбойничьи шайки. К концу долгого правления Эдуарда III (1327—1377) почти все завоевания во Франции, кроме Кале и Бордо, были опять потеряны.

Усиление парламента. Когда нужны были сразу большие суммы, король занимал у итальянских банкиров: он находился у них в неоплатном долгу. Постоянная нужда в деньгах заставляла также непрерывно обращаться к парламенту. Созыв пар-

ламента сделался при Эдуарде III правильным делом. В течение 50 лет его правления парламент созывался 70 раз.

Парламент разделился на две *палаты*. В первой, *верхней*, сидели прелаты, крупные сеньеры и бароны (*лорды*), приглашаемые лично от короля. Вошло в обычай звать всякий раз одних и тех же лордов, а после их смерти переносить приглашение на их сыновей; таким образом звание лорда верхней палаты стало наследственным. Во вторую, *нижнюю*, или палату *общин* (коммун), вызывались выборные от графств и городов. Общины подавали жалобы и прошения *(петиции)*; они соглашались сонзволить подати только в том случае, когда получали ответ на свои жалобы, касавшиеся различных сторон внутреннего управления. В случае недовольства королевскими советниками, парламент требовал их к своему суду. В последний год правления Эдуарда III два главные советника короля были осуждены парламентом и смещены со своих должностей.

Освобождение крестьян. Многие владельцы маноров начали с XIII в. жить в городах, при королевском дворе, приезжать на парламенты. Им было неудобно получать со своего хозяйства продукты; гораздо нужнее были деньги. Они стали поэтому продавать шерсть за границу; а главное—они переводили своих вилланов с барщины на *денежные оброки*.

Эта замена сильно отразилась на положении крестьян. Надзор за их работой с господского двора прекратился; им не нужно было более отрываться от своих полей, и они могли как угодно распоряжаться своим временем. Раз владельцу нужны были только деньги, крестьянин мог передать свой участок другому пользователю и избрать себе новое занятие; его прикрепление к земле должно было окончиться. Крестьянин мог также большим взносом совсем откупиться от всех повинностей или выкупить у помещика ту землю, на которой он сидел. Или же, выйдя на свободу, крестьянин заключал с помещиком условие (копи, отсюда название этих крестьян *копигольдеры*), по которому земля отдавалась за ежегодные взносы пользователю на срок его жизни или на срок двух, трех жизней (того, кто уговаривался, его сына и внука).

С освобождением крепостных помещики потеряли подневольных рабочих. Для различных занятий в своем хозяйстве им надо было нанимать батраков и слуг. На работу к ним поступали теперь большею частью перехожие люди, лишенные земли и жившие только наемной платой.

Эти перемены происходили долго незаметно по отдельным манорам Англии. В середине XIV века между господами и сельскими рабочими произошло сильное столкновение. По всей Европе прошла страшная чума, которую современники назвали Черной Смертью. Около года она свирепствовала в Англии и унесла огромное количество людей. Обширные пространства земли обратились в пустыри; число рабочих очень уменьшилось. Теперь рабочие соглашались итти к помещикам только за высокую плату, вдвое, по крайней мере, дороже прежнего. Многие помещики оставались совсем без рабочих.

В парламент посыпались от помещиков жалобы на своеволие рабочих. В обоих палатах не было вовсе представителей от крестьян. Напротив, сеньеры и рыцари, сходясь вместе в парламенте, могли сговориться, чтобы принять общие меры про-

тив рабочих. Вследствие этого король Эдуард III в согласии с желанием парламента издал очень суровый *устав о рабочих* (1349 г.). Устав строго воспрещал рабочим отказываться от предлагаемой работы и устанавливал плату, равную той, какую давали до чумы. Помещик получил право, при помощи полиции, брать насильно на работу всякого человека, не занятого в ремесле или торговле и не имеющего земли или своего дела. Потом к уставу стали прибавлять еще новые наказания для нерадивых и беглых рабочих. Беглеца сажали в долговую тюрьму, и, кроме того, он должен был получить на лбу клеймо от раскаленного железа.

Крестьянское восстание. Казалось, что помещики опять хотят закрепостить рабочих. В среде крестьян поднималось большое недовольство. У кого было мало земли или вовсе ее не было, те жадно ловили толки о том, что земля должна принадлежать всем людям, так как все люди равны между собою от рождения.

Через 30 лет после Черной смерти при внуке Эдуарда III, Ричарде II, произошло большое народное восстание. Оно вспыхнуло после того, как к тягостям виллanов прибавился непосильный налог—поголовная подать, назначенная для того, чтобы покрыть траты в войне с Францией. Летом 1381 г. стали собираться в юго-восточной Англии большие вооруженные массы народа; сборщики налога были перебиты, и их головы воткнуты на копья; высланные королем для разбора дела судьи должны были бежать. Восставшие рассылали грамоты к жителям других областей, предлагая вместе «добыть свободу и изменить худые обычаи королевства».

Под начальством Уота Тайлера мятежники подступили к Лондону. Недалеко от столицы, на высоком месте, им стал говорить проповедь священник Джон Болл, только что освобожденный народом из тюрьмы. Болл говорил, что все люди были сначала равны, но нечестивцы стали угнетать своих ближних, и так явилось рабство, противное воле Божией. Пришел час сбросить многовековое иго. Надо стереть с лица земли важных господ, судей и всех, кто может быть вреден простому человеку. Восставшие крестьяне вошли со знаменами в Лондон, и многие жители столицы присоединились к ним; в замке Тоуер были схвачены и перебиты королевские советники, между ними первый архиепископ Англии. Король в страхе обещал исполнить все требования восставших, уничтожить все виды зависимости и рабства, отставить дурных своих советников. После этого большая часть крестьян разошлась по домам. Между тем король стал отовсюду собирать рыцарей, чтобы подавить мятеж. Ричард II назначил у ворот города свидание вождям восстания, но здесь Уот Тайлер был изменнически убит в присутствии короля лондонским городским головой. Рыцари помогли королю разогнать и перебить мятежные ополчения. Король нарушил все свое обещания: по графствам были отправлены судьи в сопровождении отряда всадников, с приказом всюду разорвать выданные народу грамоты.

Восстание не достигло цели; но и помещикам, несмотря на их решимость, не удалось вернуть крестьян к прежнему положению. В XV веке старые повинности крестьян вышли почти всюду из обычая. Наемных же рабочих и арендаторов помещики не могли превратить в своих крепостных.

Война Роз. Чем более Англия находила выгоды в продаже шерсти за границу, тем более стали помещики обращаться к овцеводству. Богатые помещики скупали кругом участки земли и отгораживали свое имение. Бедные рыцари не

*

могли поспеть за этой переменой хозяйства; поэтому они бросали земли, искали посторонних занятий, наемной службы в военных предприятиях, в управлении у короля или у крупных сеньеров. У лордов образовались из бедных рыцарей большие свиты «ливрейных людей», которых они кормили в своих замках и одевали в свои гербовые цвета. В первой половине XV века эти многочисленные незанятые люди были отвлечены новыми походами английских королей во Францию.

Эти походы возобновил (в 1415 году) король Генрих V. Его отец, герцог *Ланкастерский* из боковой линии Плантагенетов, сверг Ричарда II и с согласия парламента получил корону (под именем Генриха IV). Генрих V в короткое время завоевал половину Франции с Парижем. При неспособном третьем короле Ланкастерской династии, Генрихе VI, все эти владения были потеряны, англичан вытеснили с материка. Теперь массы военных людей бросились в междоусобную войну.

С притязанием на корону выступили герцоги *Йоркские* (белая роза в гербе), которые так же, как Ланкастеры (красная роза), были потомками Эдуарда III. Аристократия разделилась между Йорками и Ланкастерами. Большие сеньеры, окруженные свитами, владея укрепленными замками, распоряжались в стране: в судах они назначали присяжных, в парламент они посылали своих людей, чиновники в областях от них зависели. Как будто вернулись старые феодальные времена. Один из сеньеров, Уорик, располагал 63 замками и кормил в них несколько тысяч человек. Уорик распоряжался короной и по очереди «делал королей» из той и другой династии. В течение 30 лет колебалась борьба. Сначала одолели Йорки, потом и они потеряли корону. В войне и на плахе погибли все короли и принцы обеих династий, и взаимно истребили друг друга представители аристократических родов. В 1485 г. корона досталась отдаленному родственнику Ланкастеров, Генриху VII *Тюдору*.

12. Франция и Испания.

Франция в XI веке была на одну треть меньше современной. Она доходила на востоке только до Мааса и до Роны, и сухопутная ее граница составляла почти прямую линию от устья Шельды до устья Роны; ее нынешние восточные области, романские по языку, входили в состав Германской империи (на севере) и Бургундского королевства (на юге). Но и в этом размере Франция не представляла целого. Королевская власть, слабая и ничтожная, только по имени соединяла страну. В действительности же французский король был лишь одним из нескольких крупных сеньеров Франции. Другие сеньеры, считавшиеся его вассалами, были независимы от него: граф тулузский на юге и герцог нормандский (особенно, когда он сделался в 1066 году английским королем) были сильнее французского короля, своего сюзерена. Юг был совершенно отделен: здесь говорили на особом романском языке (провансальском, или *ланг-д-оке*); в XII веке эта страна приняла альбигойство и отделилась от католической церкви.

Усиление Капетингов. В конце X в. во Франции последнего Каролинга заменил король, выбранный из числа сеньеров, граф Гюг Капет. Собственные владения его преемников, королей *Капетингов* (987—1328) были расположены по средней

Сене (с Парижем) и средней Луаре (с г. Орлеаном); земли эти прорезывались чужими владениями, а внутри них кроме того дорогу перегораживали замки непокорных вассалов короля. Короли в XI веке делали мелкие захваты и прикупки к своей наследственной земле, вели усобицы с вассалами своей вотчины и отнимали у них замки.

В XII веке французская народность проявила живую деятельность. Множество рыцарей отправлялось в крестовые походы; далеко на восток протянулись французские колонии и распространилась французская речь. Крестовые походы повели к усилению торговли южных городов, лежащих у Средиземного моря. В то же самое время на севере Франции стали подниматься коммуны с богатым купечеством и самостоятельным ремеслом. В парижском университете выдвинулись самые замечательные ученые Европы. В городах северной Франции зародилось и новое сложное и возвышенное искусство, *готика*.

Короли этой эпохи были чужды умственному подъему народа: это были воители и собиратели казны. Но они искусно пользовались всеми выгодами положения Франции. Они поддерживали восстание коммун против сеньеров и епископов. Когда остановилось движение крестоносных воителей на восток, французский король получил в свое распоряжение незанятые военные силы: он мог двинуть их теперь для захвата *Нормандии*, чтобы пробить себе доступ к морю и на юг для приобретения богатого средиземноморского края с его оживленной торговлей.

Король Филипп II Август (1180—1223) бросился на материковые владения Плантагенетов, пользуясь слабостью сыновей Генриха II. Он отнял у Иоанна Безземельного Нормандию и отстоял свое приобретение в большой битве при *Бувине* против англичан и их союзников, германского императора Оттона IV и графа Фландрии, который привел ополчения *(милиции)* богатых фламандских городов. Филипп II в свою очередь созвал ополчения французских коммун и выставил множество наемных солдат. У него был теперь в руках выход по р. Сене к морю. Немного позднее к северной Франции были присоединены населенные и богатые области юга, *Лангдок*, захваченные северо-французскими рыцарями в крестовом походе против еретиков. Вожди крестоносцев разорили страну, избили много народу, выдали воинам из отнятых земель лены, но не могли удержать власти и передали все права на свое завоевание французскому королю.

Вотчина короля стала теперь в 4—5 раз больше всякой другой крупной сеньории во Франции, и отношение сеньеров к королю изменилось. Капетинги устроили управление своей вотчиной иначе, чем это было в феодальные времена. Они не раздавали бенефиций баронам и не оставляли за ними должностей в наследственном владении, а назначали *бальи* (наместников) и *прево* (старост) по округам и волостям на время; король часто сменял их, чтобы держать их в зависимости от себя.

Королевский суд при Людовике IX. Внук Филиппа II, Людовик IX Святой (1226—1270), выделяется своей ревностью к вере между современниками. Среди общего охлаждения к крестовым походам он два раза отвечал на призыв пап и во втором походе сложил голову. Он слушал две обедни каждый день, носил чашу в процессиях, омывал ноги бедным и смиренно выслушивал внушения за грехи свои.

Людовик взял под свое особое покровительство доминиканцев-инквизиторов и вообще нищенствующих монахов; это были его духовники и ревизоры, которых он посылал для проверки управления.

Еще один разряд людей приближал к себе король, именно *легистов*, т.-е. знатоков права, прошедших университет; это были частью клирики, частью мелкие рыцари, всем обязанные королю и крепко стоявшие за его интересы. Людовик IX заполнял ими *парламент*; во Франции так называли судебную палату королевского двора (тогда как в Англии это название применяли к общему съезду вассалов при дворе).

Людовик IX вмешивался в суд сеньеров с тем, чтобы прекратить старинный способ решать споры и тяжбы посредством поединка (стр. 34). Однажды король привлек к суду своему сеньера, который казнил трех студентов за то, что они охотились в его господском лесу. Другие сеньеры, присутствовавшие в королевском суде, требовали, чтобы, *по обычаю*, обвиняемому дано было защититься посредством поединка. Король отказал на том основании, что «в делах бедных людей или церкви, или тех лиц, которые вызывают жалость, не должно быть поединка». Раздраженные сеньеры удалились, и король без них постановил приговор. Людовик IX воспретил в пределах своей вотчины судебные бои между тяжущимися, воспретил частную войну между рыцарями. Во владениях других сеньеров, поссорившиеся должны были соблюдать 40-дневный срок перемирия между объявлением распри и началом войны, чтобы дать возможность вмешаться суду. Недовольный приговором сеньера мог *апеллировать* к верховному сеньеру—королю. Людовик принимал сам жалобы от людей всякого звания и разбирал множество дел у ворот своего дворца в Париже или под дубом в Венсенской роще.

Финансы Филиппа IV и столкновение с папою. Новой силы достигло французское королевство при Филиппе IV Красивом (1285—1314). Этот король захватил две важные области на востоке и севере: *Шампань*, где со времени крестовых походов происходили большие общеевропейские ярмарки, и богатую населенную *Фландрию*, главный центр шерстяного производства в Европе (см. карту на стр. 76). Говорят, французская королева, при посещении Брюгге, была поражена роскошными костюмами горожанок и заметила: «Да здесь 600 королев!». В городах Брюгге, Генте и др. управляли крупные суконделы, т.-е. купцы, которые раздавали мелким мастерам материал и брали у них готовый товар для оптового сбыта. Сначала пешая милиция фламандских ткачей разбила рыцарскую конницу Филиппа IV. Зато напятый королем генуэзский флот разгромил фламандские корабли при устье Шельды.

Для войны за Фландрию королю нужны были крупные денежные средства. Но казна не имела правильных больших доходов. Филипп IV решился собирать подати с церковных владений, которые до тех пор платили только в Риме. Папа Бонифаций VIII объявил особый *буллой* (грамотой), что без его согласия духовенство не может быть принуждаемо к взносам в пользу государства. Папа только что отпраздновал в Риме учрежденный им *юбилей*, т.-е. праздник века (1300 г.), который было решено повторять каждые 100 лет. На празднике среди толпы богомольцев, собравшихся со всех стран, папа появился в большом блеске, одетый в знаки императорской власти; впереди него несли меч, и он возглашал себя цезарем. Королю французскому он объявил: «Бог, положив на нас бремя апостольского служения, поднял нас над государями, чтобы разрушать, уничтожать, рассевать, строить и насаждать во имя его».

В ответ на это послание король выставил защитников своей власти. Он побудил своих легистов написать несколько сочинений с резкими нападками на притязания папы; авторы их утверждали, что выше короля нет на земле ничего, и что *воля государева равна закону*. Чтобы найти опору в стране, Филипп IV созвал в Париже в 1302 г. *большое собрание* из прелатов, сеньеров, баронов и городских старшин от некоторых общин севера и юга. Бароны и горожане громко высказали, что вполне присоединяются к королю; духовенство осталось в смущении, колеблясь между волей короля и папы.

Королевские легисты произвели заочный суд над папой, объявили его еретиком и преступником, низложили его с престола, а один из них, рыцарь Ногаре, отправился в Италию, чтобы привести приговор в исполнение. К французским легистам присоединились итальянские бароны, враги папы; в городке Ананьи, в Апеннинских горах, они напали на дворец Бонифация и осыпали папу насмешками и оскорблениями: глубоко огорченный этим, Бонифаций скоро скончался. На папский престол был избран французский прелат под именем Климента V; он отказался ехать в Рим и поселился в южной Франции, в Авиньоне. Филипп IV вышел полным победителем из столкновения с папою, и с этого времени вообще начинается ослабление папства.

Генеральные штаты. Королю удалось еще воспользоваться огромными богатствами тамплиеров, которые, после падения Иерусалимского королевства, переселились в свои европейские имения. Филипп IV обвинил их в ереси и колдовстве; новый папа, послушное орудие в руках короля, произнес проклятие над орденом и закрыл его. Магистр ордена и 150 рыцарей были сожжены, как еретики, в саду королевского дворца, а имущество ордена конфисковано (отобрано в казну).

По делу ордена тамплиеров Филипп IV созывал так же, как по делу с папой, собрание сеньеров, прелатов и представителей городов. Собрания эти, как и в Англии, были продолжением старинного съезда вассалов при дворе сюзерена. Но со времени Филиппа вошло в обычай звать, вместе с военными и духовными людьми, горожан. Это была та же перемена, какую произвел в Англии Симон де-Монфор, созвав великий парламент. В отличие от английского, французское собрание делилось на три палаты по *сословиям* (états, штаты). Во Франции все военные, крупные и мелкие, сеньеры и рыцари составляли сословие «благородных», или дворян, и совещались отдельно; также отдельно совещалось духовное сословие и отдельно горожане, которые считались *третьим*, т.-е. низшим, сословием. Только для общего ответа королю сходились все три штата вместе; их собранию называлось *генеральные штаты*.

Правление Филиппа IV, особенно его вымогательство, оставило сильное раздражение в стране. Сеньеры были недовольны тем, что король отнял у них чекан монеты. Многие коммуны Филипп IV ввел в неоплатные долги своими требованиями, а потом *уничтожил их независимость*. После его смерти началось восстание. Но сыновья Филиппа легко с ним справились, выдавши сеньерам и некоторым городам льготные хартии. В Англии уже в 1215 г. сословия совещались и действовали вместе. Во Франции еще и сто лет спустя сословия шли врозь, каждое имея в виду только свою выгоду. Оттого в большом столкновении с Англией в XIV в. Французское королевство терпело сильные неудачи.

Парижские штаты и жакерия. Главным предметом спора Англии с Францией была промышленная Фландрия. Фламандские города, закупавшие английскую шерсть, отправили в Англию богатого купца из Гента, Якова Артевельде, и предложили Эдуарду III корону Франции. В это время во Франции водворилась династия *Валуа*, младшая линия Капетингов (1328—1589). Началась долгая *Столетняя* война (с перерывами от 1339 до 1459).

Английские войска, несмотря на малочисленность, имели перевес над французскими. Тяжелая рыцарская кавалерия, когда-то непобедимая, уступила новому способу боя, стрелкам и пешим копейщикам, обученным быстрым общим движениям. В 1356 г. в битве при *Пуатье* был взят в плен французский король Иоанн Добрый и с ним множество рыцарей. Англичане потребовали за пленных огромного выкупа. Молодой дофин (это был титул наследника престола со времени недавнего приобретения *Дофино* в юго-восточной Франции) был вынужден созвать штаты в Париже. В собрании было мало сеньеров и рыцарей, и главный перевес принадлежал уполномоченным третьего сословия. Между ними выдавался старшина парижских купцов Этьен Марсель. Он резко нападал на королевских советников: чтобы понудить дофина на отставку их, он приказал цехам прекратить работу и взяться за оружие.

Дофин Карл должен был подписать составленный Марселем *великий ордонанс* (указ): в силу него штаты будут собираться правильно два раза в год, независимо от приглашения короля: только штаты могут установлять налоги. Дофина заставили взять в королевский совет новых лиц, выбранных штатами. Однако, Карл распустил навязанный ему совет: тогда купеческий голова вооружил парижан и привел их во дворец. Здесь на глазах Карла Марсель велел перебить его приближенных. Сам принц спасся только потому, что Марсель надел на него свою шапку с цветами красным и синим города Парижа. В тот же вечер дофин бежал из города, и около него начали собираться все недовольные господством парижских купцов, особенно дворяне и духовенство.

Марсель стал искать союза с восставшими в северной Франции крестьянами. Мятеж крестьян, или *жакерия*, восстание Жака Бонома (Янки-простачка, как презрительно выражались о мужике помещики), был вызван бедствиями войны. Деревни остались незащищенными, их грабили как враги, так и свои рыцари, забирая припасы и укрепляя замки. Поля были брошены, и начался голод. К несчастиям прибавился большой выкуп за пленных, взятых англичанами при Пуатье, всею тяжестью наложенной на крестьян. Все раздражение, накопившееся раньше против сеньеров, против разорительных охот, усобиц и наездов рыцарей, постоев королей со свитой и т. п., вышло теперь наружу. Массами собирались жаки, разоряли помещичьи замки и жестоко избивали владетелей и их семьи.

Но крестьянские массы были быстро рассеяны ополчениями рыцарей и перебиты с тем же зверством: английские рыцари действовали заодно с французскими дворянами. Между тем Карл созвал особое собрание штатов вне Парижа и подступил к столице с войском. Марсель погиб в уличной схватке, а дофин отменил все ограничения королевской власти, которые были вынуждены у него в трудные годы.

Успех в войне с Англией перешел постепенно на сторону французов. Медленно отнимали они одну за другой крепости, занятые англичанами на севере и западе

Франции; при осадах впервые применяли *огнепую артиллерию* в виде небольших ступок, заложенных порохом и метавших кверху камни и ядра.

Конец Столетней войны и прекращение штатов. Капетинги собирали королевскую вотчину по частям с большими усилиями. Но они видели в ней лишь достояние своего дома; поэтому многодетные короли, начиная с Людовика Святого, раздавали части вотчины своим младшим детям. Так образовались в разных частях Франции *удельные княжества*; их обладатели хотя и были родственниками короля, но вели себя, как самостоятельные государи, заключали союзы с иностранными державами, враждовали с королем и между собою. Самый сильный из удельных князей был герцог бургундский. Его владения только одной частью (собственно Бургундия) входили в состав Франции. Он приобрел принадлежавшие империи богатые промышленные *Нидерланды*, т.-е. Фландрию и Голландию, области по низовьям Шельды, Мааса и Рейна, впадающих в Северное море (нынешние Бельгию и Голландию). Ради торговых выгод бургундским герцогам нужно было держаться союза с Англией.

Опираясь на поддержку бургундцев, английский король Генрих V возобновил походы Эдуарда III (стр. 88). С таким же успехом разбил он французскую армию, вступил в Париж и заставил признать себя наследником французской короны; впавший в сумасшествие король Карл VI отстранил от престола своего сына. Франция была присоединена к Англии (1421 г.). Но Генрих V скоро умер. В то время, как север Франции признал его сына, дофи Карла, сына безумного короля, едва удерживал восточные и южные области. Англичане осадили Орлеан, крупнейший город Франции после Парижа.

В жестоких схватках под осажденным городом удалось отбить англичан; тогда придали особое значение тому обстоятельству, что в рядах французских войск, с согласия дофина, сражалась, подняв белое королевское знамя, крестьянская девушка Жанна д'Арк. После успеха под Орлеаном ей удалось также, избегая английских войск, провести дофина в Реймс на коронование (он стал королем Карлом VII). Но затем Жанна попалась в плен бургундцам, которые выдали ее англичанам: Жанна была сожжена, как колдунья, на костре в Руане.

Дела французской монархии стали поправляться. Англичане не могли держать много солдат в чужой стране. Бургундский герцог, их союзник, помирился с Карлом VII. Из года в год король созывал генеральные штаты и совещался с ними о податях и военном устройстве. На собрании штатов в Орлеане в 1439 г. было решено совсем отменить сбор прямого налога, *тальи* (taille) в размере 1.200.000 ливров. Король продолжал потом собирать этот налог ежегодно, не обращаясь более к штатам. Таким образом подать из возобновляемой время от времени феодальной помощи обратилась в *постоянную*. Представители сословий не поставили условий, чтобы король обращался к ним при всякой нужде в деньгах, как в Англии; они не закрепили за собой права проверять расходы короля и его политику. С этой поры короли обращались к штатам редко, только под давлением очень тяжелых обстоятельств.

Еще в течение 20 лет тянулась война: под конец англичане потеряли все владения во Франции, удержав лишь Кале.

Объединение Франции. Настоящим объединителем Франции был сын Карла VII, Людовик XI (1461—1483), уничтоживший большие удельные княжества. К на-

чалу его правления вотчина короля вследствие раздачи уделов так уменьшилась, что составляла меньше половины королевства. Князья образовали против короля «союз общего блага» и сильно стеснили его. Самый могущественный из них герцог бургундский Карл (Безрассудный) одно время держал короля в плену у себя. Но Людовик XI вскоду поднял врагов против Карла. На севере он поддерживал волнение фламандских городов, на юге платил деньги соседям Карла, горожанам и крестьянам *швейцарского союза*. Швейцарская пехота три раза разбивала бургундских рыцарей. В последнем сражении со швейцарцами Карл погиб. Бургундию тотчас же захватил Людовик XI; Нидерланды вместе с рукой дочери Карла достались Максимилиану Габсбургу, будущему императору германскому. После этой удачи, с другими сеньорами было легче справиться. Одни были взяты силой и погибли, осужденные пристрастными судьями, над которыми висела угроза короля или которым выдана была впредь часть имущества подсудимых, другие подчинились добровольно.

Людовик XI приобрел еще *Прованс*, область между нижней Роной и Альпами с важнейшим портом на Средиземном море—Марселью. Король собирался выстроить большой торговый флот для сношений с Левантом. В Лионе он завел шелковую мануфактуру и потребовал, чтобы лионские граждане на свой счет пригласили искусных иностранных мастеров и рабочих шелкового дела.

Объединитель Франции, человек больной, тщедушный и подозрительный, долго оставался в памяти народа таким, каков он был в последние годы правления, когда жил в уединении небольшого замка, среди болот, окруженный иноземной шотландской стражей, под защитой множества ловушек, наводя ужас трупами повешенных на деревьях жертв своей расправы, среди немногих приближенных, которых он вытянул из грязи.

Государства Пиренейского полуострова. Мусульмане в течение 3½ столетий владели большею частью Пиренейского полуострова. Когда кордовский халифат распался на мелкие владения, христиане начали продвигаться с северных гор; в своих набегах они совершали те самые опустошения обработанных земель, которыми были так страшны кочевники турки на востоке Европы и Азии. В XI веке, однако, из Африки прибыли новые массы религиозно настроенных мусульман (Альморавиды, стр. 60), и христиане были отброшены назад. Это было знаком к ожесточенной крестоносной борьбе христиан против мусульман, одновременно с крестовыми походами европейцев на Восток. На Пиренейский полуостров также двинулись чужие колонисты и рыцари, особенно французы; но успех был иной, чем у восточных крестоносцев. К середине XIII в. почти весь полуостров был в руках христиан. У мусульман осталась лишь область на крайнем юге у пролива, *Гренада*.

Христиане в своем движении на юг полуострова образовали несколько государств. Из них *Португалия и Арагон* на западной и на восточной морской окраине были торговые и мореходные державы. Срединное государство полуострова, самое крупное, *Кастилия* («страна замков»), было главным полем борьбы с мусульманами и более всего отразило в себе черты завоевания. В течение борьбы между воюющими оставалась широкая полоса совершенно опустошенной и обезлюдевшей земли, которая служила как бы защитой от взаимных набегов. Вследствие долгого и последовательного разорения, хозяйство сильно упало; когда вытеснили мавров,

забросили и их оросительную систему. Главным занятием стало не земледелие, а скотоводство. Ради разведения овец жертвовали массой земли. В силу обычая *мести* владельцы должны были пропускать через свои земли ежегодно два раза громадные стада, проходившие из северных областей в южные и обратно.

В борьбе с маврами образовалось многочисленное дворянство, *гидальги*. Они чуждались всякого ремесла и труда; война выработала в них религиозную и племенную гордость: особенною честью считалось быть древне-христианского рода и не иметь в числе предков ни еврея, ни мусульманина. Города, возникшие из крепостей, были независимы в управлении и воинственны; в столкновениях с сеньерами они составляли между собою *германдады*, т.-е. братские военные союзы. Главные богатства были в руках духовенства. Архиепископы держали княжеские дворы. Необыкновенно велико было число монастырей и количество монахов, поддерживавших в народе слепую ненависть к мусульманам и евреям. Король был ограничен съездом (*кортес*) своих вассалов. Без согласия кортес король не мог налагать подати: кортес утверждали наследника престола и приносили ему присягу после того, как он обязывался соблюдать вольности королевства.

Объединение Испании. В конце XV в. большая часть Пиренейского полуострова объединилась под властью одной династии: арагонский король Фердинанд (1479—1516) получил руку наследницы Кастильского королевства, Изабеллы. Силами Кастилии они скоро захватили Мавританскую Гренаду (в 1492 г.). Образовалась пышная *Испания;* по устройству своему она еще долго делилась на два разные государства—серединное и восточное: в каждом было свое собрание кортес и свои особые министры.

До правления Фердинанда и Изабеллы в Испании долго тянулись смуты, похожие на войну двух Роз в Англии: крупные сеньеры (*гранды*) опирались на большие свиты мелких гидальго. Чтобы сломить их, король соединился с горожанами. Городские германдады были поставлены под одно руководство и команду. Они должны были являться всюду, где слышно было о разбое, насилиях и мятеже: их начальники производили над беспокойными людьми, захваченными на месте, скорый суд и расправу. Но когда *большая германдада* сделала свое дело, очистила страну от остатков смуты, король распустил ее, опасаясь, чтобы она сама не взяла силы против него.

В преследовании всякого рода людей, опасных для своей власти, Фердинанд и Изабелла опирались на церковь. Они выставляли на первое место свою ревность в деле веры, и отсюда данное им папою прозвание «католических государей». В Испании была заведена *святейшая инквизиция* будто бы для того, чтобы истребить еретические мнения и особенно наклонность к иудейской вере, так как после господства мавров в Испании осталось много евреев. Однако, инквизиция притягивала к суду и казнила множество лиц без всякого отношения к делу веры, но таких, которые почему-либо казались подозрительными правительству.

Сословная монархия. В XV в. на крайнем западе Европы сложились три большие государства—Англия, Франция и Испания, в которых можно заметить сходные черты. Каждое из них объединяло большую нацию, образовавшуюся из разных народностей, но имевшую один язык. В пределах каждого государства установились общие подати

и подчинение общему верховному суду; сеньеры и бароны потеряли независимость. Управление было в руках короля и его ближайших советников, но королевское правительство вынуждено было обращаться к собранию от всей страны (парламенту, штатам, кортес). В собраниях резко выделялись сословия: духовенство, дворянство, крупное и мелкое, и горожане. Мы называем такое устройство *сословной монархией*.

Иначе сложилась судьба двух других стран Западной Европы—Италии и Германии. Итальянская и германская нации не сплотились в государства. В Италии образовалось несколько мелких государств, а Германия, хотя и называлась попрежнему империей, имела императора и рейхстаг (стр. 66), но, в сущности, была раздроблена на много самостоятельных областей и общин.

13. Германия. Церковное движение XIV и XV в.в.

Германские колонисты на востоке. В XIII и XIV в.в. германская народность широко распространилась и заняла вдвое большее пространство, чем до тех пор. На северном краю Германии завоеватели и торговцы двигались вдоль берега Балтийского моря. *Тевтонский* рыцарский орден занял область литовского племени пруссов между Вислой и Неманом, а *Ливонский* (или орден меченосцев)—страну латышей по низовью Западной Двины. Также покорены были заселенные славянскими племенами равнины по Эльбе и Одеру; самым крупным княжеством сделался *Бранденбург*. Во всех этих областях германские колонисты сели в качестве господ и подчинили себе туземцев.

Иначе шло переселение на юге, в полосе среднеевропейских возвышенностей (Богемского плоскогорья, Судет и Карпат): немецкие колонисты вступали здесь мирно в большие славянские государства *Чехию* и *Польшу*, и в полуславянскую *Венгрию*.

Эти три государства образовались приблизительно около 900 года. В течение X века они приняли христианство от проповедников римской церкви. Их князья старались получить титул королей от верховных сил Запада, императора и папы. Чешский король вступил даже в число крупных вассалов императора и стал считаться одним из князей Германии. Чешские, польские и венгерские короли, желая увеличить доходы свои, хлопотали о расширении торговли, ремесла и звали к себе немецких промышленников и рабочих. В Польше города, основанные немецкими колонистами, принимали устройство *Магдебурга*: за разрешением споров и тяжб обыватели польских городов обращались в Магдебург. Городской порядок в Польше стал поэтому называться *магдебургским правом*.

В то время, как германская речь и народность проникли далеко на восток, до Чудского озера, Двины, Немана, Вислы и Карпат, сама Германия почти перестала быть государством.

Устройство Германии с конца XIII в. После прекращения династии Штауфенов, в течение 18 лет не выбирали короля (1254—1272). Князья и города привыкли действовать совершенно самостоятельно. Когда, наконец, важнейшие князья сошлись на выборе Рудольфа *Габсбурга*, одного из южно-германских владетелей, королю были поставлены такие условия, которые делали его совершенно бессильным. Он должен был отказаться от всяких притязаний на Италию и от похода в Рим. Ничего не оста-

лось от старой королевской вотчины с ее богатыми поместьями, замками и складами: все ушло на пожалование или было расхищено во время междуцарствия. Королевских доходов более не существовало. Король не мог ни созвать общую вооруженную силу империи, ни потребовать налог, ни издать общее постановление без согласия избравших его князей.

Князья (фюрсты) распоряжались доходами своих областей, владели рудниками и чеканили монету, собирали пошлины с рынков, переправ и за проезд по дорогам; они могли строить крепости и имели верховный суд в своих владениях. Особенно в их среде выдвинулись семь князей, которые к концу XIII в. стали решать выбор короля (*курфюрсты*, т.-е. князья-избиратели). Это были три крупных владетеля на востоке—бранденбургский, саксонский и чешский, и четыре на западе—архиепископы Кельна, Майнца и Трира и пфальцграф на Рейне.

Курфюрсты руководились при выборе тем соображением, чтобы не дать королю усилиться и закрепить власть за своей семьей. Поэтому они несколько раз меняли династию. В конце XIII в. выбирали *Габсбургов* (1272—1308), в начале XIV в. их сменили *Люксембургами*, которым первоначально принадлежала область этого имени в западной Германии, а потом Чехия и Бранденбург. Люксембургов с перерывами выбирали в течение 120 лет (1308—1437), а потом опять заменили Габсбургами. Короли, потеряв общее значение в государстве, хлопотали только об увеличении своих княжеских владений, которые они передавали по наследству. Рудольф Габсбург отнял у чешского короля Оттокара (из династии *Пшемысла*) земли по среднему Дунаю и восточным Альпам, бывшую восточную марку Карла Великого: он положил этим основание *Австрии*. Самой Чехией завладели Люксембурги, когда там кончилась династия Пшемысла.

Когда Германия раздробилась, некоторые части ее стали управляться совсем независимо от империи.

Швейцарский союз. В средней части Альп образовался самостоятельный союз из небольших горных общин и торговых городов. Движение через Альпы было очень трудно: путники и товарные обозы переходили небольшими этапами по узким речным долинам и высоким проходам от одного монастыря, замка или госпиталя к другому. Горцы участвовали в перевозе и охране людей и клади; но вместе с тем брали себе большую выгоду в виде пошлин и платы за провоз. Особенно выгодно было положение обывателей четырех *лесных кантонов* (общин), лежащих кругом озера, через которое течет Рейсс, сбегающий с С.-Готардского перевала. У горцев стали оспаривать владение этим путем Габсбурги: они старались получить свободную власть над жителями альпийских дорог, ведущих к С.-Готарду.

Поэтому сельские жители трех лесных кантонов составили между собою в 1291 г. *вечный* оборонительный союз: главная цель его состояла в том, чтобы не допускать к себе чужих судей и охранять свои судебные обычаи. Легенда рассказывает потом, что стрелок Вильгельм Телль отказался поклониться повешенной на шесте шляпе габсбургского наместника; с этого началась борьба горцев за свободу. Когда Габсбургов с 1308 г. перестали выбирать в короли, горцы добились своего: Люксембурги признали их независимыми от сеньеров и подчиненными только империи. Так как империя не имела ни чиновников, ни войска, то, другими словами, они

получили полную *свободу*. Скоро к лесным кантонам присоединились два соседних крупных города, *Цюрих* и *Берн*, лежащие на путях к долине Рейна. Это соединение крестьянских горных общин и промышленных городов составило основу *Швейцарского союза* (имя Швейцарии перенесено на весь союз от одного из лесных кантонов—Швица).

Габсбурги два раза приводили рыцарей против союза, но всякий раз кавалерия уступала натиску пеших копейщиков, и союз стал независимым. Другой, гораздо более крупный, но менее устойчивый союз образовали города северной Германии.

Великая германская ганза. Около 1000 г. Северное и Балтийское моря прорезывали только норманны Скандинавии и Дании. Двести лет спустя, навстречу им двинулись торговые мореплаватели с южной окраины тех же морей, с берегов средней Европы. Это произошло оттого, что в городах Франции и Германии поднялась промышленность. Среднеевропейские купцы везли на север и на восток, в Польшу и русские земли соль, ремесленные изделия, шерстяные материи, полотно, напитки, вино и пиво, а также южные товары, прибывавшие через Альпы. В обмен они везли с севера меха и кожи, строительный лес, необходимый для постройки кораблей, медь и железо, рыбу, сало, воск и мед, лен и пеньку.

Германские купцы, державшие в своих руках торговлю с севером, соединялись на чужбине в ганзы (стр. 57). На западе, в Лондоне и Брюгге, ганзу составляли купцы Кельна; на востоке средоточием торговли был город *Висби* на острове Готланде, имевший конторы в русских городах Новгороде и Смоленске. Более всего хлопотал о соединении всего германского купечества *Любек*, главный из *вендских* городов (т.-е. построенных на старой славянской, или вендской земле). Любек был посредником между северноморской и балтийской торговлей: вместо долгого обхода кругом Ютландии товары из одного моря в другое провозились по перешейку от Любека до Гамбурга, стоявшего на выходе Эльбы. В середине XIV в. Любек добился соединения всех городов, торговавших с севером, в один союз, Великую немецкую ганзу.

Главная цель союза состояла в том, чтобы выключить всех чужих торговцев с двух прилегающих морей; ни один купец, не принадлежавший к ганзе, не мог приехать с моря в Новгород. Сильной помехой союзу поднималось одно из скандинавских государств, *Дания*, расположенная между обоими морями. Король Вальдемар IV занял южную часть Швеции, взял остров Готланд, разрушил Висби. Тогда в Кельн сошлись депутаты 77 городов для взаимной защиты. Большой военный флот союзников, которым начальствовал голова Любека, взял столицу Дании Копенгаген, датские острова, южную часть Швеции и смирил норвежского короля, помогавшего Дании (1370). Ганза достигла величайшего своего успеха. Ее купцы приобрели все преимущества в скандинавских государствах; союз решал здесь даже передачу престола в своих интересах. Ганза заключила ряд выгодных для себя торговых договоров со всеми странами от Финляндии до Пиренейского полуострова. У ганзейцев была поговорка: «Мы покупаем у англичан лису за грош и продаем хвост за гульден» (золотой).

В состав ганзы вошли все побережные германские города севера; на востоке крайними членами союза были *Ревель* и *Нарва* у Финского залива, на западе *Амстердам*. В нее входили и сухопутные города, лежавшие у больших рек, текущих на север, Кельн, Магдебург, Бреславль. Ганза обратила поселки немецких купцов за гра-

ницей в свои *конторы*, т.-е. отделения, и завела новые конторы. Особенно важны были *стальной двор* в *Лондоне*, двор св. Петра в *Новгороде* и поселение в *Бергене*, на западном берегу Норвегии.

Раздробленная Германия была в XIV и XV в.в. главным местом Европы, где выражалось недовольство против римской церкви.

Правительство и ученые против римской церкви. В XIII в. римская церковь сделалась огромным государством над государствами с богатейшими доходами и многочисленными чиновниками. Сначала папа объявлял, что все это нужно для высоких духовных целей, для крестового похода и защиты вотчины св. Петра. В XIV в. все видели, что власть и богатство римской церкви существуют только для благополучия монарха-папы и его двора, кардиналов и канцелярии, при чем они даже покинули священную столицу Рим. Корыстный характер римской церкви был совершенно виден на распространении *индульгенций*, т.-е. покупок прощения грехов, введенных папою Бонифацием VIII. Особое учение служило оправданием индульгенций: говорили, что церковь обладает неисчерпаемой сокровищницей благих дел, совершенных Христом и святыми; папа имеет силу переносить эту заслугу на грешников и покрывать их дела из великого источника благодати.

Там, где король был силен, он старался помешать уходу огромных средств за границу. В начале XIV в. Филипп Красивый задумал отнять часть церковных доходов в свою пользу (стр. 86): своим ученым легистам он поручил доказать, что папа незаконно присвоил себе неподобающую власть. Скоро явился новый случай нападения на притязание пап. Папа Иоанн XXII, живший в Авиньоне, отказался утвердить избрание курфюрстами германского короля Людовика Баварского и наложил на всю Германию интердикт (1324 г.). Людовик не уступал и пытался созвать собор для осуждения папы: по этому поводу к его двору устремились самые талантливые и решительные противники папства.

Между ними были францисканцы, сторонники бедной церкви, громившие курию за роскошь и падение нравов; тот же самый папа Иоанн XXII объявил ересью их учение, что у Христа и апостолов не было имущества, и что христианская проповедь состоит в отречении от благ земных. Особенно резко выступал ученый итальянский юрист Марсилий из Падуи, писавший: «Ученые и государи должны вместе бороться против вреда папского учения». По мнению Марсилия, в деле веры *не должно быть принуждения*; нельзя грешника ввести в царство божие путем насилия. Папская власть перешла все границы, а между тем папа вовсе не преемник ап. Петра: это — выдумка, и не видно из Писания, чтобы ап. Петр был когда-либо в Риме. Духовенство должно быть избираемо народом, и народу принадлежит верховное решение в церковных вопросах.

Против притязания папы курфюрсты в Германии заявили, что они одни решают избрание императора, и что оно не нуждается в утверждении папы. Следовавший за Людовиком Баварским император Карл Люксембургский подтвердил это решение князей-избирателей в особой грамоте, *Золотой булле* (1356 г.).

Около того же времени в Англии король Эдуард III и парламент запретили, под страхом тяжких наказаний, апелляции к папе (стр. 67), и в Рим перестали посылать ежегодную дань, обещанную Иоанном Безземельным. На защиту парламентских

решений выступил священник и профессор оксфордского университета Уиклиф. По мнению Уиклифа, римская церковь совершенно отклонилась от заветов Христа; у клира надо отнять его обширные земли и богатства; папа имеет право получать с верующих только милостыню. Он не имеет также особой силы вязать и решить волю людей. Тем, что он ставит себя и духовенство выше греха, он впадает сам в величайший грех.

Папа потребовал осуждения Уиклифа. Но правительство не хотело его выдавать; когда в Лондоне епископы собрались судить Уиклифа, в заседание ворвалась толпа горожан и освободила его. Уиклиф стал теперь разбирать самые основы той веры, которой держалась католическая церковь. Священники, по его словам, напрасно считают себя посредниками между богом и людьми; им не дано никакой сверхъестественной силы; они лишь учителя. Человек сам может узнать и найти пути к спасению; не нужны индульгенции, почитание святых. *Единственной основой веры должно быть Писание.* Чтобы сделать Писание общедоступным, Уиклиф перевел Библию с латинского языка на народный, английский. Он стал рассылать своих учеников, «бедных священников» для того, чтобы они распространяли прямое учение Писания и своею жизнью подавали пример христианского бескорыстия.

«Бедные священники», близкие к простому народу, приняли видное участие в восстании Уота Тайлера (стр. 83); высшее духовенство осудило учение Уиклифа, как ересь, но его самого не тронуло, и он умер в глубокой старости, не переставая работать и писать.

Великий раскол и требование реформы. Общий голос в Европе говорил, что в великое учреждение церкви проникла порча, и что необходимо ее «очищение», или исправление (*реформация*). Но в вопросе о том, что должно быть изменено, сильно расходились.

Прелаты во Франции, Англии и Германии тяготились своей зависимостью от папы, обязательными поездками в Рим, большими поборами курии. Большинство держалось мнения, что все епископы равны между собою; следовательно, общие церковные решения могут быть принимаемы только общехристианскими соборами. *Собор выше папы*; папа может быть только исполнителем воли собора. Особенно сильно заговорили об этом, когда произошел *Великий раскол* папства. После 70 лет пребывания пап в Авиньоне (*Вавилонского плена*) коллегия кардиналов разделилась. Часть их переехала в Рим, часть осталась в Авиньоне, и каждая выбрала своего папу (1378 г.). Папы вступили в спор, обращались ко всему католическому миру со своими призывами и преследовали друг друга отлучениями и проклятиями. На много лет затянулся раскол. В 1393 г. Сорбонна разослала по всей Европе запрос, какими мерами можно было бы прекратить раскол. Получено было до 10.000 ответов, и на их основании Сорбонна потребовала отречение обоих пап-соперников и решение дела вселенским собором.

В обществе были более решительные голоса, находившие порчу не в одном папстве, но и во всем клире. Большинство прелатов жило, не затрудняя себя работой, службой и проповедью, которые были предоставлены жалким нанятым викариям. Промышленные горожане, мелкие рыцари и малоземельные крестьяне завидовали крупному владению клириков; у них являлась мысль об отобрании и разделе

церковных земель. Еще другое основание недовольства было у народа в городе и деревне: многие искали просвещения и не находили ответа у невежественных священников и монахов. Церковь допускала Библию лишь на латинском языке, и мирянам вовсе не позволяли читать Писание. Многие не хотели итти исповедоваться к духовным лицам, которые своею жизнью подавали такой плохой пример. В годы тяжелых бедствий, во время, напр., чумы, собирались общества *бичевальщиков*. В сильном возбуждении ходили они группами по городам, возвещали конец мира и подвергали себя истязаниям, чтобы смягчить гнев божий. Перед бичеванием они всенародно исповедовались друг перед другом.

Множество людей искали самостоятельного поучения в делах веры. Поэтому в народе были распространены переводные библии на романском, немецком, английском, чешском языках. В среде читателей Библии легко находила себе доступ та мысль, что светские люди могут быть равны духовным; кто следует Христу в делах, тот *истинный священник*. А потому мирянам должно быть доступно причащение *под обоими видами* (хлебом и вином, тогда как в латинской церкви мирянам не давали чаши). Во время Великого раскола поднялось сильное народное движение в Чехии.

Гуситское движение. В XIV в. там правили Люксембурги. Карл IV, «отец для Чехии, вотчим для империи», основал в *Праге* в 1349 г. университет, первый в Германии. Это привлекло в Чехию много немцев. Они получили перевес и в университете, и в городском совете Праги. Вместе с тем в стране установилось господство многочисленного богатого духовенства; у архиепископа пражского было 10 городов и 400 деревень.

Новое просвещение создало сильный подъем среди чехов. Даровитые проповедники и писатели сплотились в Праге. Рыцарь Штитный первый стал писать по-чешски философские сочинения: «Господь,—говорил он,—любит чешский язык не меньше латинского». В начале XV века среди проповедников выдавался Ян Гус, профессор и ректор университета. За него держались чешские ремесленники, выступавшие против богатых горожан немецкого происхождения, и крестьяне, враждебные роскошной властной церкви. Король Венцеслав, сын Карла IV, искавший поддержки в народе, принял сторону чехов в университете и допустил перемену устава, по которой немцы вместо $\frac{3}{4}$ голосов в университете получили $\frac{1}{4}$. Крайне раздраженные, немецкие профессора и студенты ушли из Праги и основали свой университет в Лейпциге.

В это время чешские студенты, учившиеся в Оксфорде, принесли сочинение Уиклифа. Гус принял одно из главных положений английского преобразователя: священники должны возвещать народу слова Христа, а не ложные чудеса; каждый христианин должен углубляться в Писание, так как в нем вся основа учения. Когда в Прагу пришла булла папы, которая требовала отобрание и сожжение сочинений Уиклифа, большинство университета решительно этому воспротивилось. Папа отлучил Гуса, архиепископ пражский подверг его проклятию, но его не выдавал король. Гус между тем выступил в своих проповедях против индульгенций и объявил, что учение о непогрешимости папы—богохульство; папа не кто иной, как антихрист. Папа и высшее духовенство были бессильны что-нибудь сделать, тем более, что раскол в церкви принял крайние размеры, и ожидалось разрешение его собором.

Великие соборы XV века. В течение первых 40 лет XV века сходились три собора для преобразования церкви. *Первый* из них (в *Пизе*) не привел к примирению; он только отрешил двух соперников и выбрал нового папу; оба смещенные собором папы не отказались, и на западе стало трое пап. *Второй* собор был созван императором Сигизмундом, сыном Карла Люксембурга и братом чешского Венцеслава, в *Констанце*, у Боденского озера. На собор съехались прелаты из пяти главных стран Европы—Германии, Англии, Франции, Италии, Испании, и голоса подавались по *нациям*. Собравшиеся провозгласили учение о том, что собор выше папы; три лица, споривших за папский престол, были низложены, и вновь выбранный прелатами папа принял условие созывать соборы правильно каждые 5 лет.

Члены собора добивались также разрешения всех споров об учении. Очень смелые в деле ограничения власти пап, прелаты и ученые Сорбонны проявили в вопросе веры такой же деспотизм, что и папы. Они прокляли память Уиклифа и стали ревностно судить Гуса, вызванного под охраной императора из Чехии в Констанцу. Собор не входил в разбор его мнений и только требовал отречения. Гус настаивал, чтобы ему привели доказательства из Писания. Ему ответили: «Если собор скажет, что у тебя один глаз, ты должен согласиться». В качестве нераскаянного еретика, Гус был предан светской власти, т.-е. отдан на казнь. В тот же день Гус был сожжен на костре (1415 г.).

Смерть Гуса была толчком к восстанию в Чехии. Так как в церквах не допускали причащения чашей, народ стал собираться огромными толпами для богослужения на полях. Гуситы выставили *четыре пражские статьи*, в которых требовали свободной проповеди слова божия, причащения под обоими видами, возвращения церкви к первоначальной чистоте посредством отобрания богатств у церкви и наказания клириков за проступки. Гуситы отказались признать королем своим Сигизмунда, и он двинул против них ополчение крестоносцев из Германии.

Тогда в Чехии быстро образовались военные массы, объединившиеся вокруг знамени с изображением чаши. Вождь гуситов рыцарь Жишка везде разбил немецких крестоносцев. В среде гуситов с самого начала было видно сильное различие. Университет, сеньеры, богатые граждане Праги готовы были примириться с церковью, если им дадут причащение мирян чашею. Гораздо дальше этих умеренных, или *чашников*, шли мелкие рыцари, крестьяне, ремесленники: они требовали устранения духовенства и выбора проповедников народом, или табором (отсюда их название *табориты*). Среди них выступали восторженные проповедники, которые возвещали о близком наступлении конца мира, требовали раздела земель и общности имуществ.

Собор в Констанце не удовлетворил даже умеренных людей. Папа, выбранный собором, не созывал обещанных общецерковных собраний и не приступал к объявленной собором реформации церкви с головы до ног. Поэтому сторонники преобразования настояли на созыве *третьего* большого собора в *Базеле* (1431 г.). Король Сигизмунд и Базельский собор вошли в соглашение с чашниками и допустили для Чехии причащение чашей и проповедь на народном языке. Тогда в свою очередь богатые и умеренные гуситы, испуганные проповедью таборитов, отстали от восстания и помогли подавить его; таборитское войско и его вожди были перебиты.

Базельский собор поссорился с папою и не имел успеха. Когда собор принялся за отмену доходных статей римской церкви, папа объявил его распущенным и постарался отвлечь прелатов на свой собор, который он созывал во *Флоренции* для воссоединения греков с западной церковью.

Опасность, грозившая папской власти, была устранена. Папа Пий II объявил ересью учение о превосходстве соборов над папами и отменил соглашение, которое Базельский собор заключил с чашниками. Большая *общая реформация*, горячо ожидавшаяся в начале XV века, не удалась.

Начало книгопечатания. Так как клирики попрежнему мало удовлетворяли жажду народа в просвещении, множество людей пошло своими путями. В Нидерландах возникло общество *братьев общей жизни*, которые переписывали и распространяли дешевые книги. В большом количестве продавали они *Библию бедных*. Это был скорее атлас иллюстраций, чем книга. Важнейшие места их Ветхого и Нового Завета были сопоставлены рядом в виде картин, а под ними были только краткие пояснительные подписи. Картинки из Библии, изображения святых с кратким текстом приготовлялись также и на отдельных листах. Так как на них был большой спрос, то придумали готовить их механически: рисунок для одного листа и текст для другого вырезывались на двух деревянных дощечках с оставлением выпуклостей в тех местах, которые должны были вытиснуться на бумаге. Пластинки покрывались чернилами или краской, и к ним прикладывали бумагу. Это было началом *печатания*.

В 30-х годах XV в. золотых дел мастер и резчик Гутенберг, родом из Майнца, пришел к мысли о том, чтобы разделить целую резную страницу на отдельные *передвигаемые* буквы и для каждой страницы набирать буквы. Гутенберг приспособил также для печатания станок, *пресс*. Первая книга, вышедшая в 1456 г. из мастерской-типографии, была латинская Библия. Затем было напечатано Юстинианово собрание законов.

Печатание необыкновенно увеличило число приготовляемых экземпляров и этим очень удешевило книгу; понижению цены на книги помогло также изобретение *тряпичной бумаги*. Открылось могучее средство для быстрой передачи мысли для распространения знания в широких кругах.

14. Италия. Новое просвещение.

В конце XIII в. после падения Штауфенов прекратились походы в Италию германских императоров, и разорвалась связь ее с империей. В это время север разделялся между несколькими большими городами; главнейшими из них были три торговые и приморские республики—Пиза, Генуя и Венеция, и две сухопутные—Милан и Флоренция.

Венеция и Генуя. Между городами не было согласия. Генуя отняла у Пизы Корсику и Сардинию, уничтожила ее флот, разрушила гавань и отбила ее покупателей. Венеция и Генуя почти непрерывно враждовали. Венеция получила огромные выгоды от завоевания крестоносцами Константинополя в 1204 г. Генуя, напротив, помогала царям Малой Азии—Палеологам—изгнать в 1261 г. крестоносцев из Византии; генуэзцы за это получили Хиос и Лесбос. Тогда венецианцы стали помогать

против Византии туркам. В конце XIII в. генуэзский флот нанес венецианскому жестокое поражение. В конце XIV в. перевес опять взяла Венеция. Адриатическое море перешло в ее руки. Венеция завладела Ионическими островами, Критом, позднее Кипром; в морской торговле Венеция решительно заняла первое место.

В обеих республиках установилось аристократическое правление. В трудных и рискованных отдаленных предприятиях, в морских сражениях и торговых захватах выдвинулось несколько энергичных родов, которые сильно разбогатели и подчинили себе остальное население. В Венеции *Большой совет* составлялся из *нобилей*, передававших свое звание по наследству. В начале XIV в. там был учрежден *Совет Десяти*,

Италия в XIV и XV веках. 1. Неаполитанское королевство. 2. Папские владения. 3. Владения Флорентийской республики. 4. Венецианские владения. 5. Милан. 6. Генуя.

похожий на инквизицию, принимавший тайные доносы и следивший за *дожем*, всеми нобилями и остальным гражданством; людей, замеченных или только подозреваемых в замыслах против правительства, ждала быстрая расправа от руки тайных палачей.

Флоренция. Флорентийские мастера выделывали шелковые ткани и перерабатывали в тонкие сорта грубые шерстяные материи, покупавшиеся на ярмарках в Шампани (стр. 86). Распространяя эти произведения, флорентийцы завязали сношения со всеми странами Европы и сделались денежными посредниками между Италией и заальпийскими странами. Самые большие денежные обороты в Европе делала римская курия; флорентийские купцы постепенно вытеснили на деловой служ-

бо у пап всех соперников и стали главными банкирами курии. Флорентийцы первые в Европе начали чеканить золотую монету *(флорины)*.

В XIII в. во Флоренции правили нобили, т.-е. рыцари тосканских замков; они были гибеллинами, стояли за власть Штауфенов, так как император был их защитой против поднимающегося купечества и папских банкиров: последние в свою очередь были гвельфами, партией папской и народной, так как к ним примыкали ремесленники, зависевшие от сбытчиков их товара. В конце XIII века вместе с окончательным торжеством пап над императорами народная партия взяла верх над нобилями и опрокинула старое устройство (1292 г.). Высший городской совет, или *синьория*, был составлен из *приоров*, т.-е. цеховых старшин, которые выбирались владельцами контор, лавок и мастерских и сменялись 6 раз в году. На нобилей положили тройные налоги; в деревнях отменили крепостное право, и землевладельцы лишились даровых рабочих. Земли, принадлежавшие нобилям, перешли большею частью в руки промышленных горожан. Многие старинные фамилии были изгнаны из города.

Старую Флоренцию оплакал один из подвергнутых изгнанию гибеллинов, Данте Алигьери. В поэме *Божественная комедия* Данте творит суд над своими современниками. Это—рассказ о видениях, в которых он посещает ад, чистилище и рай. В аду он видит пап, одного из них по горло в денежном мешке; видит флорентийских банкиров, наказанных за ростовщичество. Худшие из всех грешников находятся в челюстях самого сатаны: это—Иуда Искариотский и Брут с Кассием, убийцы Цезаря, приравненного Христу. Объяснение в том, что Цезарь—предшественник императоров, а императорская власть кажется Данте символом доброй старины, опрокинутой папой и гвельфами.

Во Флоренции постепенно выдвинулись немногие богатейшие банкирские дома. Чем крупнее был такой дом, тем более у него было заемщиков среди торговцев и мастеров, тем более людей мог он привести в синьорию, тем более могла возрасти его сила в республике. Около 1400 г. самым богатым домом становятся банкиры Медичи.

В 30-х годах XV в. противникам их, богатым Альбицци, удалось отправить в ссылку главу дома Козимо Медичи. Изгнание обратилось для Козимо в торжество; его принимали точно государя в Венеции и других местах, где лежала в делах огромная часть капиталов Медичи. Однако, и Флоренция не могла обойтись без осужденного банкира. Скоро множество людей, обязанных ему, проникли в синьорию. Альбицци и их сторонники в свою очередь были осуждены, а Козимо Медичи с триумфом водворен обратно; с этих пор до конца жизни он был неоспоримым господином Флоренции (1434—1464).

Козимо жил частным человеком и по внешности держался скромно. Все должности и собрания оставались по-старому; но ни одно место не могло занять лицо, неугодное Медичи. Со смертью Козимо власть без спора перешла в руки его сына. Внук Козимо, Лоренцо Медичи, стал титуловаться, как король, Величеством (Великолепным). У Медичи были художественные и литературные вкусы. Они обстроили Флоренцию церквами и зданиями в новом стиле, просторными и полными света. Козимо платил огромные деньги за редкие рукописи и собрал в своем дворце библиотеку.

Тирания. Господство Медичи представляет пример замены республики *тиранией*. В XV в. почти во всех итальянских городах, кроме Венеции, появились тираны.

Нередко в борьбе богатых с бедными спорившие выбирали особого сановника с неограниченной властью для установления порядка (capitano del popolo), а посредник окружал себя стражей и удерживал в своих руках господство. Или захватывал власть в городе *кондотьер*, начальник наемного войска, заменившего старинные городские ополчения. Кондотьер Сфорца основал в Милане династию.

Правление тирана держалось подозрительным надзором за гражданами и жестоким преследованием противников. Тиран искал союза с соседними владетелями, старался составить себе двор, привлечь к нему видных художников и писателей, расположить к себе народ блестящими празднествами и крупными постройками.

К числу итальянских тиранов во второй половине XV в. надо причислить и пап. После неудачи соборов в Констанце и Базеле папы опять восстановили свою власть в Риме. Они интересовались только светскими делами и старались увеличить владение своих *непотов* (родственников). Папы конца XV в. Сикст IV и Александр VI Борджа были люди глубоко развращенные; они не стеснялись налагать интердикт на области, чтобы устрашить население и устроить власть своих сыновей. Главы западной церкви призывали раньше христиан к крестовому походу против турок; теперь папа вступал в соглашение с султаном, угождал ему, чтобы подстрекнуть турок против Венеции. Папа Александр VI появлялся, окруженный стражей и наемными убийцами; за его столом устраняли отравой кардиналов, которые казались опасны для папской политики.

Новое просвещение. Все итальянские правительства—и тираны и папы, и республиканские синьории—нуждались в образованных чиновниках, бойких на перо и искусных в речи. Города и князья постоянно обменивались посольствами: на приеме послы произносили длинные речи, на которые им обстоятельно отвечали местные ораторы. Соседу или союзнику посылали подробную грамоту, составленную изящным слогом; большим мастером в этом отношении считался канцлер флорентийской республики Салютати. Тираны искали писателей, которые сумели бы выставить их заслуги и очернить их противников. В таких же мастерах меткого слова нуждались папы, притязания которых оспаривались всеми. Около времени Базельского собора Лоренцо Валла, бывший на службе неаполитанского короля, доказал, что Константинов дар—выдумка пап (Константиновым даром называлась грамота об управлении Западной Империей, будто бы данная папе великим императором Константином). Папская курия постаралась потом привлечь Валлу на свою службу.

Образцов красноречия искали у великих ораторов и писателей римской старины. Но писатели древности были утеряны. В начале XIV в. знали почти одного Вергилия. В своих виденнях о загробном мире Данте выбирает проповедником своим Вергилия, который доводит его до порога рая. Люди поколения, следующего за Дантом, открыли письма и речи Цицерона. Петрарка, флорентийский поэт первой половины XIV в., считал Цицерона величайшим писателем всех времен и народов.

Все более развивалось желание узнать латынь в ее подлинных источниках, и потому усиленно начали искать уцелевшие списки римских писателей. Нередко они лежали под спудом или были в обладании совершенно невежественных лиц. Третий флорентийский поэт, Боккачо, младший современник Петрарки, неутомимый искатель старины, рассказывает о том, как он приехал в старый монастырь Монтекассино,

известный своими рукописными богатствами; на просьбу открыть библиотеку, приезжему показали лестницу к незапертой старой башне, где он нашел книги в полном беспорядке, покрытые слоем пыли; у многих ценных экземпляров были оторваны страницы, и монахи объяснили, что иногда ради заработка они смывают на вырванных кусках книги старые чернила и пишут псалмы, сбывая потом детям.

С великим интересом стали в Италии смотреть и на сохранившиеся памятники старины, остатки римских построек и скульптур. Во время пребывания пап в Авиньоне в середине XIV в. молодой адвокат Кола Риенци старался возбудить римское население к восстановлению древней республики; его главным средством были речи и беседы о камнях и остатках древнего Рима. Несколько позднее стали изучать и разыскивать древних греческих писателей. С ними познакомили итальянцев греки, которые переселились из Византии от турецких погромов. Особенно много греческих ученых прибыло ко времени Флорентийского собора, созванного для воссоединения греческой церкви с латинской (1439 г.).

Новое общество. Выработку красноречия в духе римской и греческой древности стали называть словом, которое было в ходу еще у римлян—*гуманность* (humanitas), т.-е. совершенство человека (впоследствии в XVI в. в Германии образовали из этого слова название ученых—*гуманисты*). Главный интерес к гуманизму держался в трех крупных городах Италии: в Венеции среди ее нобилей; в Риме при папской курии, особенно при папе Николае V (в середине XV в.), который был сам писателем, основал библиотеку при папском дворце, Ватикане, и платил большие деньги за переводы с греческого. Но более всего во Флоренции. Один из флорентийских кружков сходился в «райской» загородной даче богатого Альберти, другой в тиши монастыря Св. Духа; друзья древней литературы собирались еще у неутомимого искателя рукописей, купца Никколи. Многие из рукописей, хранившихся у Никколи, были переписаны его собственной рукой; он радушно приглашал в свою библиотеку, давал все разъяснения и был вполне счастлив, когда удавалось привлечь нового поклонника античной литературы. На свою коллекцию книжных драгоценностей, очень большую по тому времени—около 800 рукописей—Никколи совсем разорился; тогда Козимо Медичи открыл ему неограниченный кредит в своем банке. Козимо дал также средства на устройство школы для изучения Платона; сын его врача Фичино прошел особую ученую подготовку, чтобы перевести для Козимо и истолковать сочинения Платона.

В распространении нового просвещения была одна очень заметная черта: оно сильно захватило женщин. В рыцарском обществе дамы занимали уже видное место; еще более в городском и придворном быту Италии. Подвижная жизнь вывела их из семейного затворничества: многие принимали самое живое участие в промышленном деле, в больших приемах и праздниках, в ученых беседах и занятиях. Сама собою возникала мысль о том, что природа женщин равна с мужской, и что они имеют одинаковое с мужчинами право на образование.

Эта мысль выражена у Боккачо в его «*Декамероне*», собрании повестей. Книга начинается с изображения небольшого общества десяти молодых людей и дам, уехавших из Флоренции во время чумной заразы. Собравшись в загородном доме, они выбирают из своей среды «королеву». Вместо праздных игр королева предлагает разумное развлечение—всем по очереди вести рассказы. В ученых беседах у Альберти

дамы не уступали самым образованным и находчивым мужчинам. Во время спора у философа, восхищенного остроумием одной из дам, вырывается восклицание: «Я, право, не знал, что флорентинки так сильны в философии, так владеют риторикой и логикой».

Новое искусство. Быт и понятие итальянского общества XIV и XV в. в. создали новый характер искусства. Нобили, богатые купцы, банкиры и фабриканты, тираны и прелаты светского образа жизни, собирая у себя большое общество, не могли удовольствоваться старыми тесными домами с узкими комнатами под низкими сводами; они начали возводить просторные дворцы, с широкими входами и верандами (*ложами*), окруженные садами; в большие залы полукруглые окна пропускали много света; ковры, красивая мебель составляли внутреннее убранство приемных покоев.

В Риме папа Николай V задумал по планам архитектора Альберти перестроить заново всю старую крепость папского Ватикана; среди широких улиц, избегая нездоровой тесноты прежнего времени, предполагалось возвести папский дворец и громадный новый собор св. Петра. Во Флоренции в начале XV в. решили покрыть часть собора большим куполом. Город устроил особое совещание мастеров; в затруднении одни предлагали поднять изнутри сплошные леса, чтобы возводить на них свод, другие—окружить собор горами земли. Архитектор Брунеллески отверг эти беспомощные советы; руководясь своими смелыми выкладками, он взялся за громадное дело и возобновил забытое со времени римлян искусство строить своды.

Сильно изменился также характер живописи и скульптуры. Прежние мастера, строившие и украшавшие церкви, были ремесленники; они исполняли работу по привычным приемам, были одновременно каменщиками, плотниками, резчиками, живописцами. Теперь возник такой спрос на живые и красивые изображения, что должны были появиться особые специалисты в работе красками и в ваянии из бронзы и мрамора. Ваятель Донателло в начале XV в. изучает для своих статуй строение человеческого тела, его повороты и движения, напряжение мускулов, игру лица. Его современник, рано умерший Мазаччо, первый применил в картинах перспективу: выпукло выделяются у него главные лица напереди и глубоко отходит задний план.

Искусство сделало в эту эпоху поразительные успехи, так что кажется, как-будто оно после долгого сна и неподвижности опять возродилось. Под этим впечатлением мы называем время XIV и XV в. в. в Италии *Возрождением* (или по-французски Ренессанс).

15. Великие открытия.

Движение европейцев на Восток. Со времени крестовых походов XII в. европейцы стремились расширить свои сношения и поселения за пределы тесного своего материка. Хотя владения крестоносцев были потеряны, но торговые связи, раз заведенные итальянскими и французскими городами, сохранились. Генуэзцы заняли Кафу в Крыму и проникли в области кочевых татар у Каспийского моря. Венецианцы удержали торговлю с Египтом и Сирией и старались проложить торговый путь в глубину Средней Азии к Индии и Китаю.

В конце XIII в. венецианский купец Марко Поло проехал Черным морем до Закавказья, оттуда по суше к Персидскому заливу и от его конца снова сушей через горные страны и степи Средней Азии в Китай, над которым в это время господствовали монголы. Великий монгольский хан хорошо принял венецианцев. Три года Поло был наместником одной из китайских областей и всего около 20 лет провел на Востоке. В описании, составленном Поло, рассказывается о чудесах Китая: почте, бумажных деньгах, светильном газе. Сочинение Поло было переведено на разные европейские языки и послужило толчком для дальнейших исследований.

В XIV в. движение европейцев на Восток встретило затруднение. Из Средней Азии вышли новые массы воинственных кочевников, загородивших сообщение. В XV в. они разрушили передовое христианское государство на Востоке—Византию.

Падение Византии и турецкая держава. Когда Михаил Палеолог, владетель Никеи и Малой Азии, вытеснил латинского императора из Константинополя (1261 г.), южная часть Балканского полуострова и острова остались в руках французских крестоносцев и итальянских торговых республик. Большую часть Малой Азии заняли турки, которые теперь плотнее соединились под руководством племени *османов*. На Балканском полуострове почти подступала к берегу Эгейского моря большая держава *сербов*, захватившая часть Болгарии и Македонии. Сербский король Стефан Душан считал себя выше византийского царя и назвался ромейским (римским) кесарем. Чтобы иметь против него защиту, византийский царь около середины XIV в. позвал турок из Азии; они захватили Галлиполи у Дарданельского пролива и впервые утвердились в Европе.

Турецкий султан имел то, чего не было нигде в тогдашней Европе—постоянное войско; главную силу в нем составляла пехота *янычар* из христианских сирот, принявших ислам и щедро одаряемых султаном. Турки разбили сербов на Косовом поле (1389) и уничтожили государства сербов и болгар. К концу XIV в. они заняли почти весь Балканский полуостров; византийский царь сохранил только угол между морями около Константинополя и сделался данником турок. Они были остановлены, однако, движением с востока *монголов*, под начальством «хромого» Тимура, объединившего на короткое время земли от Средиземного моря до Китая и от устьев Волги до Ганга. При Ангоре в Малой Азии Тимур разбил (1402) и взял в плен турецкого султана Баязета, уже собиравшегося осадить Константинополь. После смерти Тимура турки скоро вернули свои приобретения.

Защита Византии в последнее столетие ее существования была очень слаба. Царь и часть греческих епископов согласились принять на соборе во Флоренции *унию* т.-е. признать верховную власть папы над восточной церковью (1439 г.), но большинство греческого населения встретило унию враждебно. Монахи стояли за подчинение туркам; Афонский монастырь отдался под покровительство султана.

В середине XV в. султан Мохамед II приступил к осаде Константинополя. К последнему царю Константину XI явились только генуэзские добровольцы; собственные его силы были ничтожны. Богатые люди не хотели давать денежной помощи и зарывали золото в землю. С моря, т.-е. с трех сторон, город был неприступен. Турки пробили крепкие двойные стены с суши и ворвались внутрь. Защитники города вместе с царем все пали; султан отправился в церковь св. Софии и велел призвать туда мусульман; с этой поры базилика, выстроенная Юстинианом, была обращена в мечеть (1453 г.).

Турки вытеснили венецианцев с островов и морских берегов Малой Азии и Сирии и приобрели сами господство в восточной части Средиземного моря. Сухопутные дороги в Индию и Китай закрылись для европейцев. Торговцам надо было искать нового пути на крайний Восток, обходного и морского, чтобы покупать товары у самого источника.

Океанические путешествия. В XIII в. через посредство арабов европейцы познакомились с сочинениями Аристотеля и Птоломея и нашли в них учение о шаровидности земли. Когда в XV в. Восток закрылся для европейцев, и они вынуждены были спираться с западного края материка и искать путей через океан, понятие о шаровидности земли получило особое значение. Она наводило на мысль, что восточные страны достижимы и с запада, если держаться направления, противоположного старому. Флорентинец Тоскапелли составил карту, в которой восточный край Азии был показан против западного края Европы по другую сторону Атлантического океана. О существовании большого материка (Америки) не подозревали.

В это время португальцы уже пробовали путешествие по океану. Предприятия португальцев возникли из борьбы с мусульманами, которые были изгнаны с Пиренейского полуострова, но составляли еще военную и торговую силу на противоположном берегу Африки. Португальцы пытались обогнуть близлежащую часть Африки морем (считая этот материк несравненно короче на юге). Когда португальские моряки проехали Зеленый Мыс и открыли Гвинею, у них возникла более широкая цель: отбить у мусульман торговлю на Востоке и проникнуть самостоятельно в Индию. В 80-х годах XV в. португальские искатели обогнули южную оконечность Африки (мысь Доброй Надежды).

Предприятие Колумба. В это время к португальскому королю обратился генуэзец Христофор Колумб (Коломбо) с предложением устроить экспедицию по плану Тоскапелли. Колумб искал торговых путей, но также мечтал открыть земной рай и отнять у мусульман Св. Гроб. Его главным убеждением было и осталось до конца его дней, что западный путь в страну золота и пряностей несравненно короче, и что он идет через открытое море; только благодаря этой настойчивой мысли он и решился на предприятие, которое казалось современникам невозможным.

Португальский король отклонил план Колумба, и он обратился к Фердинанду и Изабелле в Испании. На трех небольших кораблях с 120 человеками экипажа, частью людьми, выпущенными из тюрем, Колумб двинулся в путь в начале августа 1492 г. и через три месяца плавания достиг берега. Испанцы пристали к одному из Багамских островов и затем открыли Кубу и Гаити. Колумб был уверен, что это— восточная оконечность Азии, или *Индия* (под этим именем разумели Китай, Индостан и Индокитай). Его не смущал вид краснокожих туземцев; он называл их *индейцами*.

По возвращении в Европу, Колумб был принят Фердинандом и Изабеллой с большим почетом. Ему дали теперь целый флот; с ним отправилось много кастильских рыцарей искать счастья в ожидаемом Эльдорадо (золотых полях) новооткрытой Индии. Предприятия Колумба вызвали беспокойство португальцев, что испанцы перебьют у них путь в Индию. Обе стороны обратились к верховному судье в спорах между народами, папе, и Александр VI размежевал споривших, проведя черту на карте вдоль Атлантического океана; все, что лежало на запад от нее, присуждено было испанцам, то, что лежало на восток—португальцам.

Открытие пути в Индию. Хотя Колумб продолжал делать новые открытия у берегов средней и южной Америки, но его постигла немилость; все больше распространялось среди испанцев разочарование: перед ними вовсе не было той богатой страны, которую они надеялись открыть. Между тем португалец Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки, при помощи арабских лоцманов проехал вдоль ее восточного берега и подъехал к Малабарскому берегу Индостана. Португальцы привезли назад большой груз пряностей и различные драгоценности (1498). Скоро они открыли еще далее на востоке Цейлон, Малакку и проехали морем к Китаю и Зондским островам.

Это были действительно те богатые страны, которых добивались европейцы. Лиссабон стал средоточием торговли восточными товарами. Путешествия португальцев совершенно поставили в тень открытие Колумба. Он казался почти безумным мечтателем; своей упорной фантазией об открытии Индии он сам ослабил значение своего великого дела.

Открытие Америки. Скоро ошибка Колумба была поправлена рядом открытий, которые установили существование особого материка на западе. С высот Панамского перешейка испанцы увидали огромный океан, который отделял их от действительной Индии. Переплыть его решился Магеллан, португалец на испанской службе. Магеллан как бы завершил план Колумба и вместе с тем соединил открытие португальцев и испанцев.

В 1519 г. на пяти кораблях он отправился на юго-запад с целью обогнуть южную часть большого материка, лежавшего поперек дороги, проехал на юг проливом, который сохранил его имя, и вступил в океан, которому дал имя Тихого. Проплыв его во всю длину до островов Зондского моря, испанцы встретили на одном из них, к своему удивлению, португальцев, прибывших с противоположной стороны. Магеллан был здесь убит в схватке с туземцами, и лишь один из его кораблей вернулся в Европу, проплыв через Индейский океан кругом Африки: он прибыл через 3 года после выезда, совершив таким образом первое кругосветное плавание.

Открытия конца XV и начала XVI в. вызвали большой интерес во всей Западной Европе. Флорентиец Америго Веспуччи в начале XVI века принимал участие в испанских экспедициях и дал подробное описание новооткрытого материка в письмах к одному из Медичи. Это описание, переведенное на другие языки, быстро распространилось и повело к мнению, что именно его составитель и открыл Новый Свет, вследствие чего за новооткрытым материком осталось имя *Америки*.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главное Управление. Москва.

Учебники и пособия по русскому языку и истории литературы для Единой Трудовой Школы.

Ананьин — „Утренние зори". Книга для первоначального чтения.
„ — „Азбука для глухонемых" по пальцам.
Бродский, Мендельсон, Сидоров — Историко-литературная хрестоматия. Ч. I, II, III.
„ „ „ — „Наш мир". Книга для чтения. Ч.Ч. I — IV.
Борзова — Букварь.
Вахтеров — Новый русский букварь.
„ — „Первый шаг". Букварь.
„ — „Мир в рассказах для детей". Кн. I и II.
Гиппиус — Синтаксис современного русского языка.
Горобец — „Из деревни". Букварь.
Державин — Учебник русской грамматики.
„ — Маленькая грамматика.
Зельцер и Элькина — Книга для чтения и бесед в школе взрослых.
Озаровская — „Бабушкины старины".
Петров, К. — Этимология.
„ — Синтаксис.
Поляков — Развитие речи.
Трофимова — Сборник статей для рассказов. Ч. I и II.
„ — „Страны, города, народы". — Хрестоматия.
Тумим — „В помощь нищущим" — орфографический словарик.
Толстой, Л. — Книга для чтения.
Шапошников — Этимологический задачник.
„ — Задачи по правописанию.
„ — Картинки для сочинений.
Щепетова — „Орфографические упражнения".
Элькина, Богуславская — „Долой неграмотность". Букварь для взрослых.

Серия учебников и пособий для средней школы по географии и мироведению.

Крубер, Григорьев, Барков и Чефранов — Начальный курс географии. Часть I.
„ „ „ „ — Часть II. Внеевропейские страны.
„ „ „ „ — „ III. Западная Европа.
„ „ „ „ — „ IV. Россия и окраинные государства.
Каменьщинов — Мироздание.
„ — Начальная астрономия.
„ — Тетрадь. „Наблюдай небо".
Меч. — Первые уроки географии.
Нечаев, А. — Тетради по географии.
„ „ — По морю и суше. Географическая хрестоматия
Полетаева — Занятия по географии.
Руднев, Усков, Маминский — Учебник всеобщей географии.
Стратонов — Космография.

Серия учебников и пособий для средней школы по физике и химии.

Баранов — Начальная физика, элем. курс.
Бачинский — Сборник задач и упражнений по физике.
„ — Краткий курс физики для школ II ступени.
„ — Электричество и магнетизм.
Верховский — Химическая лаборатория трудовой школы.
Григорьев — Краткий курс химии.
Кашин — Физика. I ступень.
„ — „ II „
Красиков — Самодельные физические приборы.
„ — Колодезь. Опыт комплексного преподавания.
Краевич — Сокращенный учебник физики.
Реформатский — Начальный курс органической химии.
Сазонов и Верховский — Учебник химии.
Цингер — Начальная физика, I ступень.
„ — „ „ II „
„ — „ „ задачник по физике.
Шмидт, А. Ф. — Введение в химию.

История и обществоведение.

Богданов — Краткий курс экономической науки.
Виппер — Древняя Европа и восток.
„ — Учебник древней истории.
„ — Учебник средней истории.
„ — Учебник новой истории.
Коваленский — Учебник русской истории. Т. I и II.
„ — Хрестоматия по русской истории. Т. II.
Покровский — Русская история в самом сжатом очерке.
Рожков — Учебник всеобщей и русской истории. Вып. I. Древняя.
„ — „ „ „ „ „ II. Средняя.
„ — „ „ „ „ „ III. Новая.
„ — „ „ „ „ „ IV. Новейшая.
Сергеев — История древнего Рима.
Вольфсон — Очерки обществоведения.

Естествознание.

Завьялов — Краткий курс физиологии человека.
Игнатьев — Учебник ботаники (для школ с сельско-хозяйств. уклон.).
„ — „ „ Весенняя флора.
Капелькин и Цингер — Природоведение. Ч. I. Неживая природа.
„ „ — Часть II. Ботаника.
„ „ — „ III. Зоология.
Капелькина-Львова — Ботанический атлас с об'яснительн. текстом.
Паннов — Материалы по естественной истории.
Пинкевич — Жизнь земной коры. Курс общ. землеведения.
Райков — Строение человеческого тела.
Ростовцев — Начальный курс практических занятий по анатомии растений.
Ульянинский — Неживая природа.
Фридлер и Тодеман — Анатомические таблицы.
Ягодовский — Тело человеческое.